

журнал социологических наблюдений и сообщений

Социальная реальность

6(28) 2008
август

Социальная реальность

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
НАБЛЮДЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ
№6'2008

Общество

■ ОБРАЗОВАНИЕ

И. Шмерлина

Заметки о школьном воспитании5

■ НОРМЫ И ЦЕННОСТИ

Г. Кертман

Репутация милиции. Упрямые факты 24

■ ЭКОНОМИКА

А. Куракин

Зарплата “в конверте”: неравный брак или брак по расчету?31

■ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

М. Иванова

Человек с оружием: грани мифа в общественном сознании46

■ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

П. Лебедев

“Вместе веселее”, или “Один в поле не воин”.

Очерк о молодежном общественно-политическом активизме

(Окончание)64

■ ЦИФРЫ

Опросы без комментариев53

Главный редактор
Александр Ослон
Зам. главного редактора
Елена Петренко
Ведущие разделов и рубрик
“Общество”
Григорий Кертман
“Форум”
Леонид Блехер
Георгий Любарский
“Мастерская”
Иван Климов
Олег Оберемко
“Цифры”
Елена Вовк
“Между прочим”
Анатолий Черняков
Арт-директор
Анна Данилова
Ответственный секретарь
Мария Каневская
Маркет-менеджер
Ирина Маршак
Редакторы выпуска
Анастасия Егорова
Мария Каневская
Светлана Королькова
Корректор
Наталья Шарова
Оригинал-макет
Любовь Софейчук
Рисунки
Андрей Мирзоян

Учредитель и издатель
Фонд “Общественное мнение”

Президент
Александр Ослон
Директор по исследованиям
Елена Петренко
Директор по технологиям
Алексей Чуриков
Финансовый директор
Марианна Кононова

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-21257 от 28.06.2005

Поддержка издания:
Фонд Ельцина

Журнал выходит 10 раз в год

При перепечатке ссылка на журнал
обязательна.

Формат 215×280 в 1/4
Тираж 700 экз.
Цена свободная

Номер подписан в печать
17.09.2008 г.

Адрес редакции журнала:
121552, Москва,
ул. Островная, вл. 2
тел.: (495) 745-87-65
факс: (495) 745-89-03
e-mail: sr@fom.ru

Электронная версия:
<http://socreal.fom.ru>

© “Социальная реальность”

Отпечатано в типографии
ООО “Группа Море”
101898, Москва, Хохловский пер., д. 9

Форум

■ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Б. Докторов

К президентским выборам в США-200873

Мастерская

■ СОЦИОЛОГИЯ: ЗАПАС ЗНАНИЯ

Е. Варшавер

**Постановка исследовательского вопроса
в рамках постмодерной методологии91**

И. Чудова

**Постмодернистская социология и качественная
методология: идеологические пересечения102**

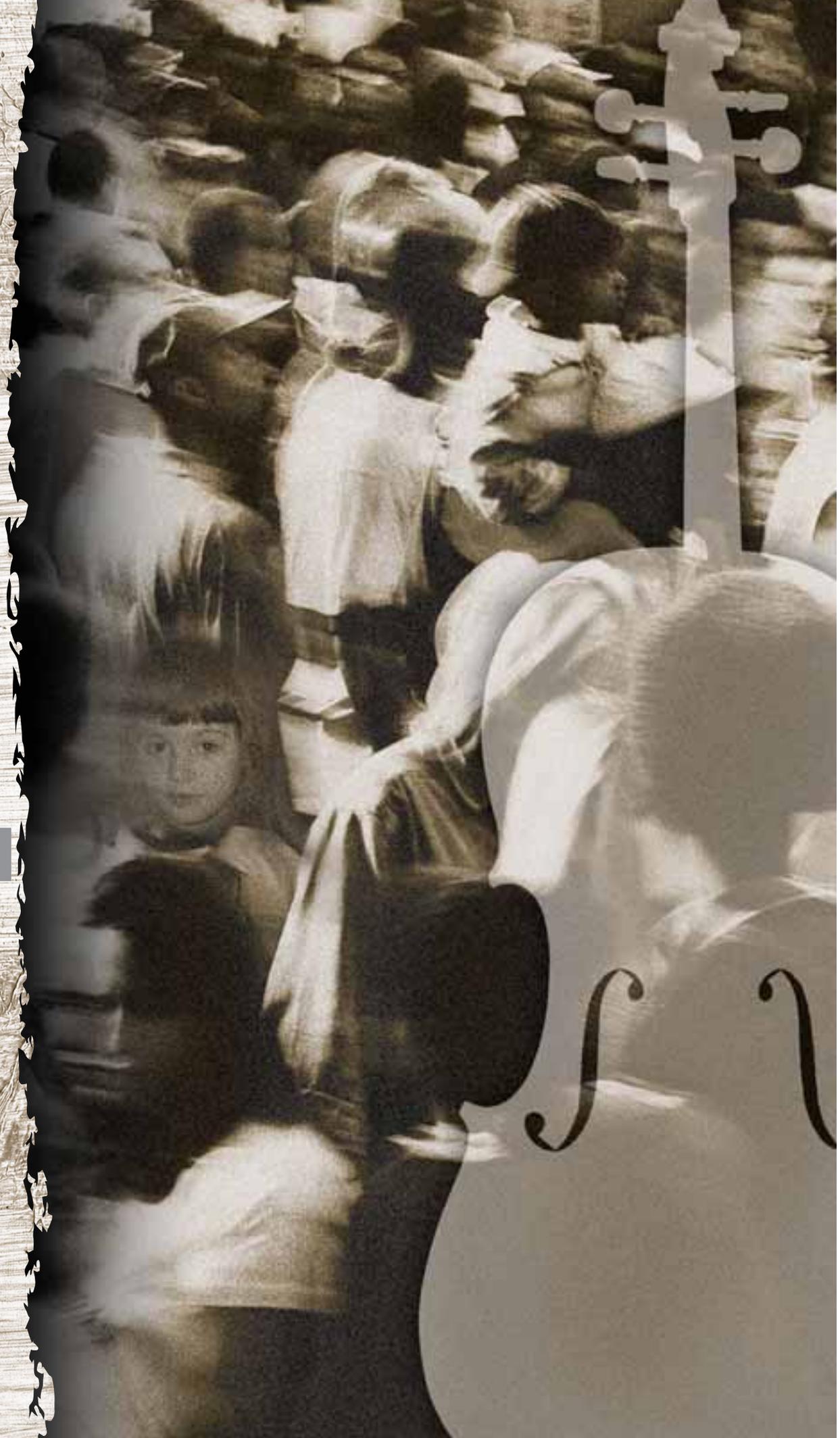
■ МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...30

П. Бавин

Отношение к атеизму и атеистам в России63

COMING TO THE

И. Шмерлина

Заметки

О школьном воспитании

Учить или воспитывать?

Школа, как известно, не только учит детей, но и воспитывает их – по крайней мере, именно так обстояло дело в насыщенные идеологией “доперестроечные времена”. Впрочем, и сегодня подавляющее большинство россиян (83%)¹ убеждены в том, что школа “должна и учить, и воспитывать”, и лишь 12% полагают, что дело школы – обучение, но не воспитание².

Обсуждение этой темы на фокус-группах в принципиальном плане полностью согласуется с данными массового опроса³. У большинства участников дискуссий практически не возникало сомнений в том, что общественная миссия школы не ограничивается образованием, а может быть, и не в нем прежде всего состоит.

“Модератор: Скажите, пожалуйста, в чем состоит главная задача школы?”

Участник: Воспитать активную личность” (ДФГ, Воронеж).

“...не только дать образование. ...Но и хорошо воспитать человека” (ДФГ, Москва).

“Получить достойного человека” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“На первом месте должно быть воспитание, а потом обучение” (ДФГ, Санкт-Петербург).

¹ Общероссийский опрос населения от 29–30 марта 2008 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

² Еще более единодушно в воспитательную миссию школы верят те респонденты, у которых в числе родных и близких есть дети-школьники (таковых в нашей выборке оказалось 42%): 89% представителей этой группы предписывают школе “...и учить, и воспитывать”.

³ Дискуссионные фокус-группы в Москве, Санкт-Петербурге и Воронеже от 25 марта 2008 года.

Одни люди считают, что школа должна только учить, но не должна воспитывать детей. Другие считают, что школа должна и учить, и воспитывать. А Вы лично как считаете: школа должна только учить или школа должна и учить, и воспитывать?

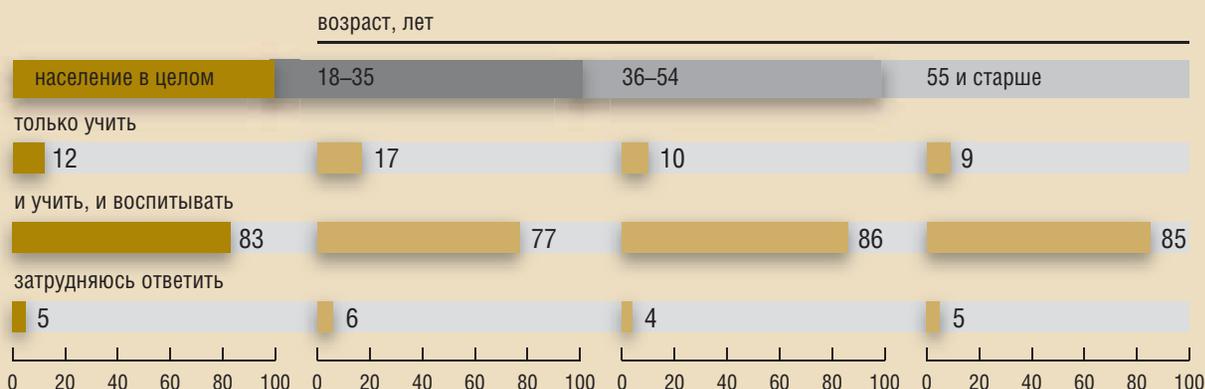

График 1

Впрочем, и настаивавшие на том, что *“школа в первую очередь должна давать знания, а не воспитывать”* (такое мнение высказал участник Санкт-Петербургской фокус-группы), вовсе не отрицали значения школьного воспитания, а лишь иначе расставляли акценты.

“Воспитанию чуть поменьше. Не в равной степени: воспитанию – сорок, а обучению – шестьдесят <процентов>. А воспитание – в семье, наверное, больше” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Процентов 25 – воспитание в школе, а остальное – обучение” (ДФГ, Воронеж).

Любовь к Родине и животным...

Отвечая в рамках упомянутого выше опроса на открытый вопрос *“В чем, на Ваш взгляд, должна состоять воспитательная работа в школе, в каких формах она должна проводиться?”*, респонденты высказывали свое мнение как о приемлемых формах, так и о содержании воспитательного процесса.

Что касается первого (форм), то здесь участники опроса, как правило, упоминали разнообразные мероприятия, хорошо апробированные в практике отечественной педагогики, начиная от *“кружков по интересам”*, спортивных секций и т. п. (14%) и заканчивая созданием *“организаций типа пионерской”* (2%), проведением классных часов (2%), *“встреч с ветеранами”* и *“интересными людьми”* (1%). “Педагогика мероприятий” подробно обсуждалась с участниками фокус-групп, и к этому сюжету мы вернемся позже; здесь же заметим, что довольно часто смысл школьной воспитательной работы сводится в представлениях людей не столько к формированию, культивированию тех или иных качеств личности ребенка, сколько к самому факту его организованной занятости: *“в кружках разных, чтобы дети не шатались по улице”*, *“больше занятости детей”*, *“дети больше времени находятся в школе”*. Этот аспект воспитательной деятельности школы подчеркивался и на фокус-группах.

“Все те, которые здесь перечислили, – замечательные мероприятия, конечно. И уже одно то, что он полдня или до двух или до трех часов у же

оторван, допустим, от прочей негативной информации, я не буду говорить...” (ДФГ, Москва).

В ответах, затрагивающих содержательную сторону школьного воспитания, чаще всего упоминались “общечеловеческие” духовно-нравственные ценности (“*порядочность*”, “*учить моральным нормам*”, “*больше говорить о духовности, о нравственности*”, “*чтобы хорошо относились к людям*”, “*учить дружбе, любви, всему доброму*” и т. п. – 10%), а также подчеркивалось значение “этикетных норм” общения, правил поведения в обществе (“*азы приличия*”, “*внушать, чтоб вели себя достойным образом*”, “*воспитывать, чтоб вели себя в быту хорошо*”, “*беседы проводить по поведению в обществе, по внешнему виду, по отношению к девушкам и женщинам*” – 7%).

Гораздо реже респонденты вспоминали о приоритетах прежней системы воспитания – таких, как патриотизм (5%) и “*любовь к труду*” (4%).

Впрочем, еще реже они говорили о том, что воспитание в школе должно противодействовать влечению детей и подростков к алкоголю и наркотикам (“*больше рассказывать ребятам о вреде наркотиков*”, “*объяснять молодежи, чтобы не пили, не курили, не наркоманили*”, “*учить детей не пить и не курить*” – 2%).

Материалы групповых обсуждений не противоречат этим данным, однако дают более объемное представление как о проблеме школьного воспитания, так и о нормативно-ценностных доминантах массового сознания в целом. Прежде всего обращает на себя внимание довольно вялое обсуждение на группах приоритетов воспитания – того, что, собственно, следует в первую очередь формировать, культивировать в детях. Казалось бы, этот вопрос должен вызвать бурную дискуссию: ведь сегодняшнее общество – настоящий “плавильный котел” самых разных ценностей и “антиценностей”: старых и новых, национальных и всемирных, традиционных и “нетрадиционных”, социально-политических и общечеловеческих, духовно-нравственных и житейски-прагматических... Между тем на фокус-группах дискуссий на этой почве практически не возникало (некое подобие спора вызвала только тема школьных субботников).

Подавляющее большинство респондентов убеждены в том, что школа должна не только учить, но и воспитывать

Часто воспроизводились отработанные практикой советской школы приоритеты – такие, как патриотизм, коллективизм, сплоченность, дисциплина, любовь к труду, уважение к старшим.

Модератор: *Скажите мне, пожалуйста, а что вообще нужно воспитывать?.. Что вообще в детях воспитывать, какие качества нужно?..*

Участница: *Я думаю, что любовь опять к родине, к родителям.*

Модератор: *Любовь к родителям?*

Участница: *К родител... к родине своей...* (ДФГ, Москва).

“1-й участник: *...уважение к старшим.*

2-й участник: *Патриотизм воспитывать.*

3-й участник: *...приглашать кого-нибудь, фильмы смотреть, примеры какие-то приводить.*

1-й участник: *Приглашать ветеранов – правда, их мало осталось, – чтобы они на своем примере рассказывали*” (ДФГ, Воронеж).

Модератор: *...Еще что нужно воспитывать в детях, какие качества?*

1-я участница: *Уважение к окружающим, уважение к окружающей среде, любовь ко всему, что тебя окружает...*

Модератор: *Какие... дополнения?*

2-й участник: *В принципе, у меня дополнений нет. Фактически это любовь к природе, к обществу (? – И. Ш.), уважение окружающих, в том числе, где он живет, и любовь к своей стране также, ну и, собственно говоря, культуру, эстетику...*

Модератор: *Еще у кого-то есть дополнения?*

3-й участник: *Дисциплинированность, целеустремленность, силу воли.*

4-й участник: *Любовь к труду, физкультуре...*

5-я участница: *Умение жить в коллективе*” (ДФГ, Воронеж).

Модератор: *...Какие качества обязательно должна воспитывать школа в ребенке?*

1-й участник: *Любовь к труду.*

2-я участница: *Любовь к учебе.*

3-й участник: *Патриотизм обязательно...*

4-я участница: *Чувство коллективизма*” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Старые “социалистические идеалы” ни на одной из фокус-групп не подвергались ревизии. В то же время на всех группах царил атмосфера растерянности, неуверенности, как уже говорилось, обсуждение было вялым (собственно дискуссия фактически отсутствовала). Диспутанты явно испытывали “дефицит” надежной нравственно-мировоззренческой опоры – тех позитивных идеалов и ценностных ориентиров, которые были бы адекватны духу времени и на которых можно было бы выстроить прочное здание современной школьной педагогики. Вполне ожидаемым ходом в этой ситуации было обращение к безусловным “общечеловеческим ценностям” – таким, как доброта, любовь к ближнему и всему живому, а также к столь же безусловным, но не столь ценным в нравственном отношении правилам общественного этикета (эта тенденция еще более отчетливо проявилась в массовом опросе).

Смысл школьной воспитательной работы в представлениях людей довольно часто сводится не столько к формированию, культивированию тех или иных качеств личности ребенка, сколько к самому факту его организованной занятости

“Модератор: ...Скажите, что нужно воспитывать в детях?”

1-й участник: Ну, что? Культуру... Доброту.

2-й участник: Уважать других...

3-й участник: Первое отношение – это отношение к природе.

1-й участник: Любовь к природе... Самое главное, наверно, – любовь к природе, к животным.

4-й участник: К людям, прежде всего – любовь к людям. Если самого себя любить не будет, то и других не будет.

5-й участник: Доброта, чтобы она проявлялась в отношениях ко всему: и к природе, и к человеку... А вообще, по большому счету, одним словом, это прежде всего воспитывать культурного человека именно, мало того что образованного, но еще и культурного, а культурного в широком смысле этого слова.

3-й участник: Да.

5-й участник: Чтобы окурки не бросали и всё остальное, а то у нас не город, а мусорка” (ДФГ, Воронеж).

“Воспитывать эстетические качества, чтобы не бросали окурки мимо урны, например. Выезжая на природу, мусор потом забирали с собой” (ДФГ, Воронеж).

“Участник: Культура и уважение – самое главное.

Модератор: Уважение?..

Участник: Ко всему... И культура” (ДФГ, Москва).

“Добрее к окружающим, ко всем. Доброта чтобы была, да” (ДФГ, Москва).

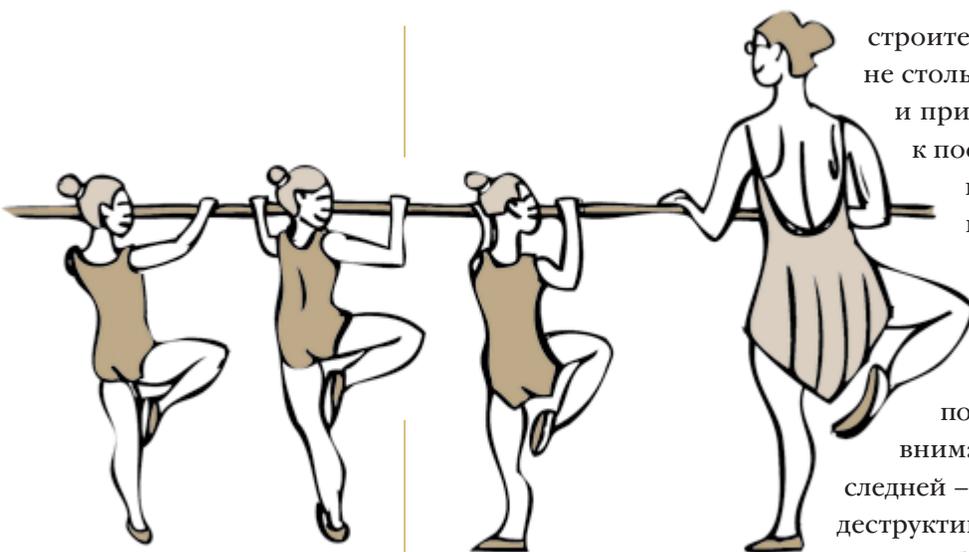
“Ну, просто любовь к близким. Ну любовь просто, я считаю, к людям просто любовь к общим... Любовь такая, чтобы не было ненависти такой более...” (ДФГ, Москва).

“Ну, опять же там добропорядочность, там честность и все такое, как бы, ну, все основное там, чтобы как бы не выросло там в будущем маньяков, преступников и так далее. Чтобы понимали, осознавали, что за это что-то может быть...” (ДФГ, Москва).

Ни разу участники дискуссий не засомневались в тех общественных идеалах и ценностях, которые должна транслировать школа (или, напротив, противостоять им)⁴, и это неудивительно: в высоких общечеловеческих идеалах действительно не приходится сомневаться. Патриотизм и уважение к старшим, любовь к людям, Родине и животным, культура и законопослушность, коллективизм и хорошие манеры поведения – здесь не о чем спорить. Подобная нормативная модель вызывает некие смутные исторические коннотации: сама ее логика отвечает той, что когда-то была заложена в “Моральном кодексе

Старые “социалистические идеалы” перестают быть надежной нравственно-мировоззренческой опорой школьной педагогики. В поисках духовных ориентиров люди обращаются к безусловным “общечеловеческим ценностям” – таким, как доброта, любовь к ближнему и всему живому

⁴ Не возникало у них сомнений и в способности учителей лепить “активных личностей”, отвечающих требованиям времени. Лишь один раз проявилось во время дискуссии такого рода сомнение, но этот поворот сюжета не был подхвачен остальными участниками и остался за границами темы (сценарий фокус-группы не инициировал специальное обсуждение “учительского вопроса”: “...кто сейчас учится в Пединституте?.. Студенты у нас, извините, никого не хочу обидеть, отбросы общества учатся у нас в Педагогическом институте. И мы хотим Макаренко выпустить со всех курсов, когда они психологию не могут сдать, с пятого, шестого раза” (ДФГ, Воронеж).

строителя коммунизма”. И дело здесь не столько в конкретных нормах, идеалах и принципах, сколько в самом подходе к построению модели “правильно воспитанного человека”. Эта модель выстраивается по самой высокой идейно-нравственной планке. Ориентированная на абстрактный идеал, она почти не вступает в конфликт с действительностью, поскольку меньше всего принимает во внимание реальные противоречия последней – те проблемы, что создают сегодня деструктивные напряжения в системе “личность – общество”.

Показательно, что некоторое подобие дискуссии возникло только при обсуждении темы трудового воспитания и школьных субботников, когда идеологические постулаты и философские максимы столкнулись с житейским опытом людей и (что, может быть, еще более существенно) с новой “социальной реальностью”, в которой “здоровый физический труд” оказывается уделом социальных аутсайдеров.

1-й участник: *К труду. Труд должен быть одним из первых. Труд сделал из обезьяны человека.*

2-й участник: *Ну, у меня дочка особо трудом не занималась, но она очень воспитана” (ДФГ, Воронеж).*

1-й участник: *Нужны обязательно мероприятия трудовые, то есть та же уборка территории вокруг школы, та же самая посадка деревьев...*

2-й участник: *Да, деревья как раньше сажали, там, все, да.*

1-й участник: *Клумбы там. То есть прям заставлять детей надо, чтобы они это делали... Потому что они же просто так не будут, им же бегать охота. Надо вот именно это привитие к труду. Почему сейчас этого нет, это странно просто.*

3-й участник: *Я в этот раз не согласен... Это может... вызвать отрицание. То есть, там, заставлять ребенка убирать территорию – мне это нормальным не кажется. Ну, в общем-то, и все, наверное <...>.*

4-й участник: *Ну почему бы его не заставить убирать территорию?*

1-й участник: *За собой.*

3-й участник: *За собой тем более. Или для себя в конечном итоге <...>.*

5-й участник: *Нет, я думаю, что все равно надо как бы помогать убирать территорию, потому что, например, ребенок – он как бы смотрит уже... ну, как бы смотрит уже... ну, приходит к чистоте и к порядку как бы, он уже как бы к труду уже как привит, он уже знает, как убрать, чтобы чисто было, например даже тот же класс убирать, это должно быть, конечно <...>.*

Модератор: *Но это воспитательное мероприятие, да, как считаете?*

2-й участник: *Ну да, воспитательное.*

2-й участник: *Ну, это труд обычный.*

5-й участник: *Да, к труду они будут, да...*

Модератор: *Воспитательное, да?*

1-й участник: *Да, парк, тот же парк какой-нибудь в Чистых прудах один раз убрали в полгода — это тоже очень хорошо, в привычку входит <...>.*

2-й участник: *Они скажут: а узбеки на что? Они сразу скажут, правда, ну что, так на самом деле” (ДФГ, Москва).*

Новое время – новые акценты...

...Впрочем, иногда на фокус-группах начинало тянуть свежим ветром перемен. Особенно примечательной в этом отношении оказалась петербургская дискуссия. Именно ее участники формулировали иные цели воспитательного процесса, помимо воспитания коллективизма и уважения к старшим (хотя и необходимость воспитывать эти ценности никто из них не отрицал). Фрагмент, который мы приводим ниже, производит любопытное впечатление. На фоне плакатного глянца “безусловных” идеологических и общечеловеческих ценностей вдруг начинают проступать новые приоритеты воспитания, отвечающие сегодняшней, далеко не благодатной, реальности и в целом непростому, нередко драматичному, процессу взросления человека.

“Модератор: *А как вам кажется, что вообще нужно воспитывать в детях? Какие именно качества нужно воспитывать в детях?*

1-й участник: *Уверенность в себе.*

2-й участник: *Доброта, честность <...>.*

3-й участник: *Наверное, уважение к старшему поколению, потому что его в современных детях очень не хватает <...>.*

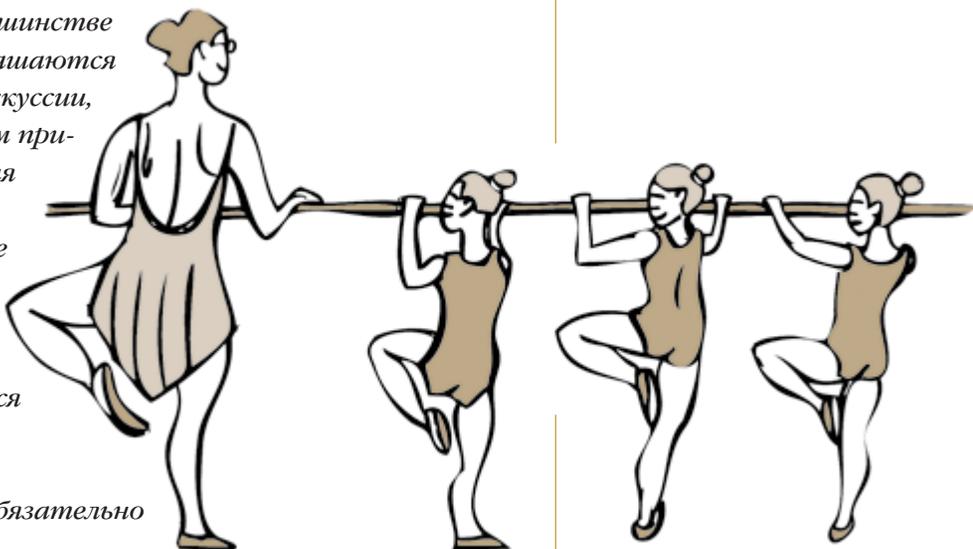
1-й участник: *Уметь себя вести при разных жизненных обстоятельствах.*

4-й участник: *Умение отстаивать... в современном мире умение отстаивать свою точку зрения... Мы не могли сказать учителям то, что могут сказать современные дети, и мне вот это нравится, что они умеют даже перед директором школы отстаивать свою точку зрения. И если класс решил так, они не побоятся прийти к директору и сказать: “А Вы знаете, мы с вами не согласны. Мы хотим так, так и вот так”, и в большинстве случаев преподаватели соглашались с ними. Да, у них есть там дискуссии, споры, но тем не менее к детям прислушиваются. К нам в свое время не особо прислушивались.*

1-й участник: *Нет, у нас тоже были попытки, просто в наше время было местоимение “мы”, а сейчас местоимение “я”. Сейчас человек рассматривается как личность, а не как толпа...*

5-й участник: *Любовь к труду.*

6-й участник: *Патриотизм обязательно <...>.*

1-й участник: *Чувство коллективизма <...>*.

7-й участник: *Не бояться жизни.*

Модератор: *Не бояться жизни – этому должна школа учить? А можете пояснить, что Вы имеете в виду?*

7-й участник: *Ну, чтобы первые детские разочарования, страхи и потери были логически объяснимы, чтобы дети были подготовлены к этому со всех сторон. Опять же с помощью тех же самых знаний, показанных на примере героев литературных, товарищей, друзей, исторических личностей и так далее. Чтобы ребенок был подготовлен к жизненным реалиям” (ДФГ, Санкт-Петербург).*

В спонтанных, разрозненных репликах респондентов проступает совсем иная модель воспитания, нежели та, которую мы прорисовали выше: модель, ориентированная на “жизненные реалии”, на “разные жизненные обстоятельства”, такая, которая должна привить молодому человеку некоторый иммунитет против этих реалий, научить его “не бояться жизни”, подготовить к “разочарованиям, страхам и потерям”.

Ни участники дискуссии, ни автор этих заметок не имеют отчетливого представления о данной модели. Очевидно лишь то, что она исходит не из “общественных идеалов”, а из интересов личности. Эта модель открывает возможность взглянуть на общество трезво и задать вопросы, немислимые прежде: должно ли воспитание способствовать интеграции ребенка в социум, прививая качества, которые позволят ему быть успешным в жизни, без излишнего акцентирования духовно-нравственной стороны “успеха”? Или оно должно формировать дистанцию между личностью, воспитанной в духе высоких нравственных идеалов, и обществом, последовательно выталкивающим эти идеалы из числа своих регуляторов? Кто, однако, возьмет на себя ответственность за формирование такой заведомо неадаптивной личности? И реальна ли сама постановка задачи? Как мудро заметил один из участников московской фокус-группы, “в том-то и дело, что улица порой воспитывает гораздо больше, чем иногда школа”.

Но если улица воспитывает больше, чем специальный социальный институт, для этого предназначенный, что тогда вообще следует понимать под воспитанием?

Становление личности или “воспитательная работа”?

Любой разговор о воспитании – будь то профессиональный диспут гуманист-риев или беседа “профанов” – неизбежно актуализирует два принципиальных подхода к определению категории “воспитание” и, соответственно, пониманию сущности данного процесса.

Первый выражает установки либерального сознания и связан с интерпретацией воспитания как естественного процесса взросления личности, который происходит независимо от целенаправленных усилий субъекта воспитательной работы (хотя и может включать последние). Этот подход фактически растворяет понятие “воспитание” в более широкой категории “социализация”. “Воспитание... в широком смысле – процесс социализации индивида, становления и развития его как личности на протяжении всей жизни в ходе собственной

активности и под влиянием природной, социальной и культурной среды, в том числе специально организованной целенаправленной деятельности родителей и педагогов” [Вербицкий. 2006].

Второй подход связан с пониманием “автократической” сущности феномена воспитания, которое по сути своей есть искусственный процесс “планового и целенаправленного воздействия на сознание и поведение человека с целью формирования определенных установок, понятий, принципов, ценностных ориентаций, обеспечивающих необходимые условия для его развития, подготовки к общественной жизни и производительному труду” [Психология. 1990].

Схоластический, казалось бы, спор о дефиниции имеет прямое отношение к вопросу организации воспитания в школе (и именно в таком, практически ориентированном ракурсе, он и воспроизводился в групповых дискуссиях). В самом деле, если видеть в воспитании не столько целенаправленные и открыто декларируемые усилия, сколько *влияние*, которое оказывает свое формирующее воздействие исподволь, проникает незаметно, маскируясь под другие вещи и процессы, то педагогам следует сосредоточить усилия на создании “воспитывающей обстановки”. Тогда в “План воспитательных мероприятий школы” должны входить не столько классные часы и торжественные линейки, сколько поддержание этикетных норм общения между педагогами и учениками, рекомендации относительно внешнего вида педагогов (как известно, у красивой учительницы дети лучше учатся), создание цивилизованной обстановки в школьных туалетах и прочие аспекты “окружающей среды”, закладывающие определенные “коррелятивы” в психике воспитуемого, минуя зону сознательного принятия или неприятия. Кратко говоря, воспитание в этом случае принимает форму канализированной социализации.

Заметим, что такое мягкое, “завуалированное” воспитание не перестает быть воспитанием в узком смысле слова, то есть целенаправленно организованной и сознательно контролируемой деятельностью (впрочем, мы нигде – ни в литературе, ни в рассуждениях “простых людей” – не встречали случаев, когда “либеральное” понимание воспитания как социализации было бы доведено до логического конца, выражаемого сентенцией “жизнь научит...”). Иначе говоря, можно понимать воспитание как авторитарный процесс, но отстаивать “либеральные” формы его воплощения. В этом случае воспитание, направляемое сознательными интенциями взрослого, происходит незаметно для ребенка, и мы имеем дело с “мудрым воспитателем”. Именно на таком, “замаскированном” под социализацию, воспитании настаивали многие участники фокус-групп.

“Все, что дается из-под палки, вызывает только озлобление и неприязнь. Все, что дается в игровой форме, без принуждения, – оно все воспринимается и дает свои плоды. То есть должно быть очень мягко и в процессе повседневной работы... Если это будет внушаться, если будет говориться: “Вот, у нас сели все – у нас воспитательная работа”, – в душе ребенка это будет вызывать только отторжение. Ну, у некоторых детей. Процесс воспитания должен проходить незаметно для ребенка” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Главное в воспитании – наверное, то, что оно должно быть завуалировано, оно не должно быть в открытую воспитанием, иначе это превратится в занудство, иначе это превратится в давление. То есть воспитание позитивными примерами, воспитание новыми знаниями, чем-то познавательным. И нет разницы, будут ли это какие-то внешкольные мероприятия или же это будет в рамках школы, учебы, классных часов. Все это должно осуществляться в процессе игры, в процессе общения, в процессе каких-то интересных методик, когда ребенку предлагают... вместо уроков День КВНов по физике, по математике, по тому, по другому. Соревновательный момент, развлекательный момент, в музей куда-то поехали вместо занятий, еще что-то. Чтобы само воспитание и прививание нравственных качеств осуществлялось бы исподволь и влияло на формирование сознания ребенка” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“...воспитание – это не только наставление, когда учитель говорит о том, что человек должен поступать так, а не иначе, воспитание-то начинается даже с внешнего вида учителя, с манеры его поведения, с того, как он говорит, с того, как он знает свой предмет. Это все воспитание... Прежде всего своим поведением учитель воспитывает” (ДФГ, Воронеж).

“...учитель должен быть этичным, он не должен кричать на ребенка, орать, унижать, то есть тогда будут как бы люди сами воспитываться... Человек своей личностью должен воспитывать, конечно, детей” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Я считаю, что любой сотрудник школы, включая гардеробщиков и охранников, обязан быть немножко педагогом. Если учитель тебе говорит, что пить плохо, а охранник приходит на работу пьяный – это уже рушится весь воспитательный процесс на корню. Поэтому каж-

дый сотрудник школы должен воспитывать детей. Другое дело – кто больше. Естественно, кто больше общается с ними, тот должен больше и заниматься, классный руководитель, я считаю. Но в принципе – все сотрудники школы, поскольку они сотрудники школы” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Модератор: А кто же все-таки в школе должен заниматься воспитательной работой – учитель, классный руководитель?”

1-я участница: Все.

2-й участник: Все.

3-й участник: Все, начиная от директора, до...

1-я участница: Все, включая технических сотрудников.

4-й участник: Охранников.

1-я участница: Все абсолютно, весь педагогический коллектив <...>.

5-я участница: А есть такие охранники, которые допускают унижение, мат, так что театр начинается с вешалки.

6-й участник: Короче, все, потому что ложка дегтя может испортить бочку меда, так и здесь” (ДФГ, Воронеж).

Можно понимать воспитание как авторитарный процесс, но отстаивать “либеральные” формы его воплощения

Второй подход к воспитанию, акцентирующий целенаправленные усилия воспитателей, в истории педагогики получил название “педагогика мероприятий” [Савелова, Абушенко. 2003]. Здесь воспитание имеет четко заданные временные, пространственные и интенциональные характеристики. Вот как его формулирует участница фокус-группы, оппонировав мнению о том, что учитель воспитывает каждым мгновением своего пребывания в школе (да и не только в ней).

“1-й участник: ...Я тут немножко не согласна. Хорошо вот: 45 минут занятия, я прихожу на занятия и начинаю говорить – я не могу его воспитать, я не могу постоянно отвлекаться на Иванова и объяснять ему, как нужно себя вести на уроке. Да, я должна сконцентрировать их на себе, но каждому я не могу это объяснить, я его могу оставить после урока и побеседовать с ним... На уроке я не могу говорить: Иванов, ты такой сякой, плохо себя ведешь... То есть на уроке в основном преподаватель дает знания, он преподает, он их не воспитывает. А воспитывают их на классном часе, когда идут в театр, когда вызывают родителей.

Модератор: *То есть это классный руководитель, а не учитель на уроке?*

1-й участник: *Да, классный руководитель, предметники не воспитывают, товарищи дорогие, не воспитывают, воспитывают только классные руководители.*

2-й участник: *Он же классный руководитель в одном классе, а уроки ведет и в других.*

1-й участник: *Он воспитывает только свой класс, а чужой класс он воспитывать не будет”* (ДФГ, Воронеж).

Подобный подход к воспитанию, подчеркивающий значение формальной процедуры, разделяли и другие участники фокус-групп.

“Мне кажется, что учителю во время уроков сложно, он не может совмещать: и учить, и воспитывать” (ДФГ, Санкт-Петербург).

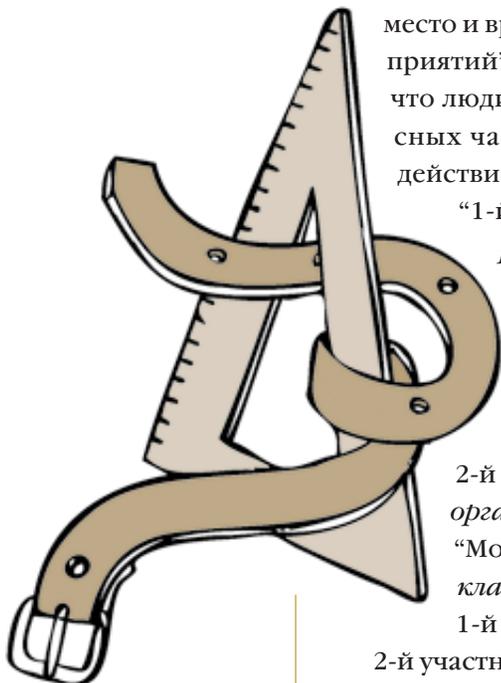
“В школе всегда существовали классные часы, к сожалению, об этой форме сейчас тоже забыли. А классные часы – это широкое поле деятельности, здесь же можно пригласить кого угодно на встречу. Где как не на классном часе воспитывать ребенка?” (ДФГ, Воронеж).

Впрочем, самый, пожалуй, любопытный момент обсуждения состоит в том, что на необходимости целенаправленных воспитательных мероприятий дружно настаивали все участники групповых дискуссий, в том числе и те, кто придерживается представления о “тотальности” воспитательного процесса.

Классный час и сбор макулатуры...

Как бы ни понимали наши сограждане сущность воспитания и какие бы нормативно-ценностные подходы в отношении него ни декларировали, в большинстве своем они безусловно убеждены в том, что целенаправленные педагогические мероприятия (те, под которые отводятся соответствующие

Участники групповых дискуссий исходили из того, что воспитание – это непрерывный процесс, который не ограничивается целенаправленными воспитательными мероприятиями, однако при этом дружно настаивали на необходимости последних

место и время) полезны и необходимы. По-видимому, “педагогика мероприятий” настолько вошла в отечественную педагогическую культуру, что люди просто представить не могут, как можно отказаться от классных часов и прочих специально организованных воспитательных действий.

“1-й участник: Я считаю, что надо дополнительное время... Как раньше – было какое-то такое общение... с классом там, да, что классный час и назывался классный час.

2-й участник: Ну, вообще бы классный час неплохо было бы ввести.

Модератор: Да? Почему?

1-й участник: Ведь было так раньше <...>.

2-й участник: Не знаю, это более-менее дополнительная какая-то организованность. Не знаю, не помешало бы” (ДФГ, Москва).

“Модератор: А нужны ли какие-то специальные мероприятия, классные часы или еще какие-то мероприятия?

1-й участник: Конечно.

2-й участник: Они обязательно нужны.

Модератор: Что нужно?

1-й участник: Всё.

Модератор: Что – всё?

1-й участник: И классные часы, и походы...

3-й участник: Экскурсии, походы...

4-й участник: Уборка территории...

5-й участник: Сбор металлолома с макулатурой...

Говорят все вместе.

3-й участник: ...экскурсии по музеям, по театрам. Дополнительные мероприятия обязательно нужны” (ДФГ, Воронеж).

Это всеобщее убеждение в пользу специально организованных мероприятий не оспаривалось на фокус-группах никем, даже если собственный школьный опыт участника порой заставлял его усомниться в полезности конкретных воспитательных практик – таких, например, как классный час.

“Я вспоминаю свои классные часы – мне скорее бы уйти оттуда было. Это неинтересно, скучно, нудно там сидеть, как оценки какие-то проверяют, смотреть. Но хотелось бы, чтобы они все-таки были в школе и как-то по-другому они проходили... реально решались проблемы класса, отношения между учениками, гасились конфликты” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Эффективность школьных мероприятий, как правило, просто не проблематизируется. Так, одна из участниц групповых дискуссий ностальгически вспоминает свои школьные годы.

“...Ходили в походы, вот листочки там собирали, желуди собирали, а зимой шишки, что-то мы там... А зачем эти шишки были нужны, для чего – не знаю” (ДФГ, Москва).

В любой своей модификации подобные мероприятия ценны, согласно представлениям участников ДФГ, прежде всего самим фактом организованной занятости детей.

“..Даже сбор макулатуры – это воспитывало как-то детей. Я помню эти двери, и дети приходят, и мы сами тоже были детьми, как мы все это делали, куда-то носились, все мы были чем-то заняты. Мы не бежали где-то по дворам, где-то там что-то...” (ДФГ, Москва).

Кроме того, у любого институционально организованного действия существует, по-видимому, своего рода “презумпция эффективности”. Показательно, как один из участников фокус-группы (заметим, молодой – 26 лет – преуспевающий москвич) рассуждает о трудовом воспитании (мы приводили его реплику в другом контексте).

“Нет, я думаю, что все равно надо как бы помогать убирать территорию, потому что, например, ребенок – он как бы смотрит уже, ну, как бы смотрит уже, ну, приходит к чистоте и к порядку как бы, он уже как бы к труду уже привит, он уже знает, как убрать, чтобы чисто было...” (ДФГ, Москва).

Не очень понятно, впрочем, как трактовать многочисленные “как бы”, о которых “как бы спотыкается” автор приведенного суждения: – то ли это замусоренная речь, то ли автор не так уж верит в то, о чем говорит? Если есть мероприятие – значит, “как бы” должен быть эффект, а уж как там на самом деле – кто же его знает...

И, наконец, в любом школьном мероприятии всегда присутствует дополнительная ценностная коннотация – воспитание коллективизма, а это один из наиболее прочных идейно-нравственных “бастионов” советской школьной педагогики.

“Модератор: ...как вы считаете, насколько эффективны эти мероприятия и какие из них наиболее эффективны, что из всего того, о чем мы с вами говорили... насколько эффективно воспитание в школах? Вот поездки, там классные часы, вот там значит экскурсии, походы, тра-та-та – хорошо, ребенок общается, мы с вами говорим про воспитание, насколько оно эффективно, это воспитание?”

Участник: Эффективно на сто процентов.

Модератор: Все эти мероприятия?

Участник: Да, они как бы поднимают все положительное, ребенок – он находится в коллективе, он как бы больше сужается со школой, они как бы дружат между собой, как бы общение у них с учителями, они как бы, получается, общая семья” (ДФГ, Москва).

“..Если воспитание там какого-то культурного человека, да, ну я просто знаю, у нас раз в две недели, там, в четверг, значит... родители все там, как сказать, скидываемся – и дети делают под руководством классного руководителя газету, там, обязательно. Там, я считаю, это очень хорошо. Другие мероприятия – они там собираются, там день рождения они всегда там празднуют. То есть это какой-то коллектив у них там становится” (ДФГ, Москва).

“...все, что связано с работой в коллективе, это, наверное, положительный отпечаток накладывает” (ДФГ, Санкт-Петербург).

В любом школьном мероприятии всегда присутствует дополнительная ценностная коннотация – воспитание коллективизма, а это один из наиболее прочных идейно-нравственных “бастионов” советской школьной педагогики

Примечательно, что даже рассказывая о новом экологическом движении, полезно как в воспитательном, так и во всех остальных смыслах, участница фокус-группы различает в нем прежде всего коллективистский аспект.

“Сейчас много внимания уделяется экологии. Вот в Лосеве проводится международный ежегодный фестиваль, и несколько лет на него приезжает такая организация, как “Зеленая волна”. Она экологическая, рассчитана на молодежь, на школьников: они убирают мусор, экологический уклон у ней, но, тем не менее, молодежи это интересно. Их учат навыкам выживания на необитаемом острове, в лесу, когда человек оказался в экстремальной ситуации. Вот это объединяет школьников, они собирают мусор...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Октябренок – пионер – комсомолец...

В подобном контексте естественным образом всплывала тема пионерских и комсомольских организаций – участники вспоминали о них сами, без наводящих вопросов модератора.

“1-й участник: Значит, раньше была построена система воспитания, то есть сначала октябрюта, потом пионеры, потом комсомол – это система, соответственно она... вот это тоже система октябрюта, ввели какой-то комплекс каких-то воспитательных мер... Система была, то есть принимали в октябрюта, был какой-то перечень правил, октябренок там друг там чего-то, октябрюта утром должны рано вставать, помогать родителям, понимаете? Уже был какой-то... уже, значит, все это было торжественно, да, там вручали какие-то значки, все... разбивались... там звенья какие-то в школе были, значит, передовое звено, там отсталое звено, потом “двойку” получил, потом это все... потом в пионеры принимали там <...>.”

Модератор: *Надо возродить какую-то похожую организацию подобную?*

2-й участник: Я думаю, что нужно... Это дисциплинирует, это... ну, именно дисциплинирует” (ДФГ, Москва).

“1-й участник: Светлый момент в жизни какой-то был: вот тебя примут в октябрюта, а потом ты вырастешь – тебя примут в пионеры, ты этого ждешь. А потом, ведь не каждого в пионеры принимали, и все старались к этому моменту подтянуться.”

2-й участник: Да, и еще – в какую очередь примут: в первую или в четвертую.

3-й участник: И в комсомол тоже – учили Устав.

1-й участник: Только положительные эмоции по поводу этих организаций” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“1-й участник: В стране развалили всё, в том числе и пионерскую, и комсомольскую организации, которые существовали в школах. Вот они занимались воспитанием во внеурочное время.”

Модератор: *То есть Вы считаете, что именно эти организации должны вернуться, ну, или другие?..*

2-й участник: *Да, что должно быть обязательно.*

3-й участник: *Организации – однозначно. Детские – должны. Ведь это же не только опыт нашей страны.*

1-й участник: *Демократия – это, конечно, хорошо, но если слишком...*” (ДФГ, Воронеж).

“Вообще надо возродить контроль пионерской организации. Это она уже не будет называться “Пионерская организация имени Владимира Ильича Ленина”, но что-то подобное этому обязательно должно быть” (ДФГ, Москва).

Несмотря на то что участники пытались дистанцироваться от поверженных кумиров, воспоминания о прежних формах воспитательной работы неизбежно актуализировали и весь сопутствующий этим формам идеологический контекст.

“1-й участник: Вопрос не только в классном руководителе... но три с половиной года в качестве старшей вожатой в школе... Пост № 1. Где еще можно воспитывать патриотизм и любовь детей к Родине, как не у Вечного огня?! А ведь это было у нас практически круглый год, даже летом дети Воронежа стояли на Посту № 1 у Вечного огня на Задонском шоссе.

2-й участник: *Это было почетно.*

1-й участник: *Вот никто не сказал из присутствующих о той пионерской организации, которая проводила игру “Зарница”. Опять вам воспитание патриотизма. Это же не значит, что дети ходили там строем, носили военную форму или там что-то. Вот откуда наши истоки, вот где мы делали что-то. И занимались этим люди, которые были призваны именно заниматься внеклассной работой, и которые вот вожатые и воспитатели, завуч по воспитательной работе. А потом уже и походы в кино, и походы в театры с обсуждением просмотренного спектакля. А какие праздники проводились в театре драматическом! Не просто смотрели спектакль, не просто приглашали туда ветеранов, а торжественная линейка как минимум проходила”* (ДФГ, Воронеж).

“Я можно скажу про позитивное? Я училась в сельской местности. Ну, то, что у нас была пионерская и комсомольская организация, – вот это такое светлое пятно. Мы искали героев Великой Отечественной войны, мы нашли, нашей школе было присвоено звание комсомолки-подпольщицы...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Возможно, воспоминания октябрятского детства, пионерского отрочества и комсомольской юности потому и вызывают “только положительные эмоции”, что торжественные линейки с ветеранами, работа в поисковых отрядах, почетные вахты у Вечного огня транслировали дефицитные сегодня позитивные идеалы и ценности?

“Ну, пионерской организации нет, комсомольской организации нет, но хоть что-то должно быть святое у человека...” (ДФГ, Воронеж).

На фоне плакатного глянца “безусловных” идеологических и общечеловеческих ценностей начинают проступать новые приоритеты воспитания, отвечающие сегодняшней, далеко не благостной, реальности и в целом непростому, нередко драматичному процессу взросления человека

Однако дело, по-видимому, не только в утраченных социальных идеалах. Детские организации, подчеркнуто демонстрирующие внешние признаки принадлежности (значок, галстук, пилотка), культивирующие свои ритуалы, предъявляющие, пусть минимальные, требования допуска, отвечают глубокой психологической (а возможно, даже биологически укорененной⁵) потребности человека в групповой принадлежности и специфической идентичности. Такая потребность особенно остра для молодого, еще только социализирующегося человека. Советская “лестница инициаций” октябренок – пионер – комсомолец, если посмотреть на нее в отстраненном социально-антропологическом ракурсе, была системой соподчиненных и поддерживающих друг друга специфических субкультур, удовлетворяющих данную потребность.

Участники обсуждений удивительно тонко почувствовали этот “социально-антропологический” аспект, хотя и не могли его точно и адекватно выразить. Неслучайно, однако, они делали акценты преимущественно на формальной стороне дела, на наличии самой “системы”, которая “дисциплинирует”. Идеологическая начинка этой системы

далеко не всем сегодня кажется привлекательной (“где-то, – как говорит автор приводимой ниже реплики, – и *маразм был*”), но само наличие детских организаций оценивается как то несомненное благо, которое было в “доперестроечном” детстве и которого лишены сегодняшние школьники.

“...дети сейчас предоставлены сами себе, им нечем заняться. Они, бедные, сначала сидят в школе, потом приходят домой и садятся за компьютер. У нас была пионерская организация: нужно найти ветеранов и Девятого мая поздравить – все собрались, галстуки надели. Может быть, где-то и маразм был. А с другой стороны, мы были сплоченными такими, из октябрят в пионеры стремились, у нас была какая-то цель. А они сейчас брошенные, нет у них такого. Им нужна такая организация” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Вы школа, вы и воспитывайте”

В российском обществе школа всегда позиционировалась как воспитательное учреждение – причем объектом воспитания были не только дети, но и их родители. В дореволюционное время эта установка поддерживалась “непросвещенностью” основной массы населения, в советский период – идеологической миссией.

Казалось бы, сегодня ушло и то, и другое. Тем не менее “приподнятый” над обществом статус школы остался, и мало кому из родителей приходит в голову воспринимать ее как равного партнера в деле обучения и воспитания ребенка – партнера, с которым можно сотрудничать, спорить, договариваться, сообща корректировать цели. В российском обществе воспроизводится авторитар-

⁵ Специалисты в области этологии человека утверждают, что у нашего биологического вида существует врожденная мотивация к образованию групповой идентичности и специфических субкультур (из личной беседы с Е.А. Гороховской).

В российском обществе воспроизводится авторитарная модель взаимоотношений между школой и родителями, причем эта модель кажется естественной как той, так и другой стороне

ная модель взаимоотношений между школой и родителями, причем эта модель кажется естественной как той, так и другой стороне.

“Модератор: Скажите мне, пожалуйста, как по-вашему, следует ли привлекать родителей к воспитательному процессу в школе или школа должна сама, самостоятельно определять форму этого воспитательного процесса?.. Или родителей нужно привлекать как-то к воспитанию?”

1-й участник: Я думаю... хорошо... собрания проводить <...>.

2-й участник: Они и сейчас есть.

1-й участник: Родительские комитеты были.

3-й участник: И сейчас есть <...>.

4-й участник: Есть, родительские комитеты есть в школе, родительские собрания месячные – все это есть, но привлекать родителей в том плане, чтобы они влезли в школу, в программу школьную, – не надо этого.

Модератор: Не в программу, Миша, не в обучение, именно в воспитание, мы об этом говорим.

4-й участник: Нет, я считаю, не должны лезть, все правильно, сделан шлагбаум, что вот родителям нечего в школу заходить там. Туда не зайдешь просто ребенка забрать, ты стоишь у крыльца и ждешь своего ребенка, чтобы взять. Это, я считаю, сделано правильно” (ДФГ, Москва).

Рассуждая о том, какие формы могло бы принимать участие родителей в школьном воспитании, участники групповых дискуссий вновь обратились к опыту советской школы, в которой, по их мнению, все было хорошо продумано. Характерной чертой советской модели взаимоотношений семьи и школы была ярко выраженная субординация: родители привлекались к тем или иным мероприятиям в рамках, которые определяла школа, при этом их участие практически целиком и полностью ограничивалось периферийной зоной, связанной с организацией труда, отдыха и культурного досуга школьников.

“Модератор: ...Хорошо, и как могли бы родители... участвовать в школьном воспитательном процессе, как вы считаете?”

1-й участник: Так же, как раньше.

2-й участник: Да очень просто. Даже элементарно сходить с детьми в лес, когда началась хорошая погода. Уборка того же класса может проводиться, особенно в старших классах, не одними детьми или не одними родителями... а совместно. Это может быть совместный поход в кино, в театр с последующим обсуждением.

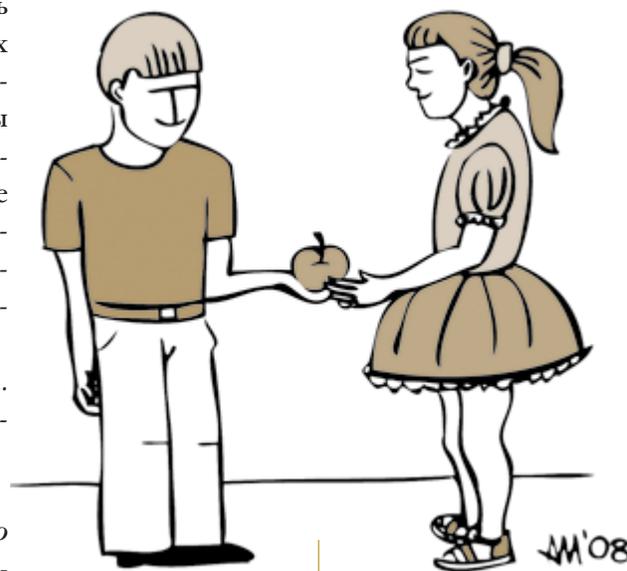
3-й участник: Все это было <...>.

1-й участник: В советские времена в принципе хорошее обучение и воспитание было.

4-й участник: Но они уже ушли, эти советские времена.

Модератор: Хорошо, но вот мы сейчас говорим, как родители могли бы все-таки участвовать в воспитательном школьном процессе.

5-й участник: Личным примером.

Модератор: *Это они дама. Мы сейчас говорим, в школьном воспитательном процессе могли бы, и если могли бы, то как.*

2-й участник: *Каждый родитель владеет как минимум какой-то специальностью, профессией. Вот, пожалуйста: классный час с приглашением родителей, с рассказом о том, как он работает. Но не только, что вот я зарабатываю деньги, а вот именно рассказывая о своей работе. Это профориентация. Пожалуйста, вот они, родители.*

Модератор: *Хорошо. Еще как могли бы родители участвовать в воспитательном процессе в школе?*

3-й участник: *Ну, это родительский комитет, допустим, и классный руководитель. Классный руководитель приглашает родительский комитет, если классному руководителю не хватает времени или сам классный руководитель не может в силу чего-то кого-то из учеников, тогда привлекают родителей” (ДФГ, Воронеж).*

Нигде в обсуждениях не заходила речь о формировании согласованной с родителями воспитательной политики школы, о совместном определении приоритетов и целей воспитания, характера и объема “воспитательной работы”. Еще более немыслимым представляется вариант, при котором “законодательная власть” в школьной воспитательной системе принадлежала бы родителям, а школа выступала бы исполнителем родительских поручений и требований. Ни в обществе в целом, ни в родительской среде в частности не сформирован так называемый “социальный заказ” школе – более или менее внятные представления о том, что она должна, а чего не должна делать. Вместо

этого доминирует социально-инфантильная, типичная для авторитарического сознания установка “что есть, то и хорошо”: школа знает, чему учить, а родителям лучше постоять за забором.

Поэтому “перевернутый” вариант взаимоотношений, при котором школа была бы подотчетна перед родителями и выполняла бы их пожелания и требования, даже не возникал в сознании участников групповых дискуссий как один из возможных – настолько самоочевидной, принимаемой без обсуждений остается схема, в которой школа выступает как медиум между мистическим общественным целым и населением, выступает носителем высокой соци-

альной миссии, хранителем и проводником общественных идеалов и ценностей (даже если последние плохо определены). В подобной схеме нет места контуру обратной связи, который бы регулировал и корректировал школьный воспитательный процесс.

* * *

Социологические наблюдения за школьной жизнью, которые Фонд “Общественное мнение” осуществляет на протяжении последних трех лет [Рогозин, Солодова, Турчик. 2007], позволяют сделать пусть не очень оригинальное, но вполне обоснованное утверждение: школа была и остается весьма консервативным институтом нашего общества. Ее нормативный образец – в прошлом, в мо-

Ни в обществе в целом, ни в родительской среде в частности не сформирован так называемый социальный заказ школе – более или менее внятные представления о том, что она должна, а чего не должна делать

дели “доброй советской школы”. Именно этот образец воспроизводится как главными институциональными игроками школьной педагогики, так и ее “потребителями”.

“У нас же была нормальная система образования – зачем что-то заимствовать, брать?” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“В советские времена в принципе хорошее обучение и воспитание было” (ДФГ, Воронеж).

“Не надо ничего придумывать, просто нужно дать свободу действовать, ну по крайней мере, учителям” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Ни о каком новом “социальном заказе”, обращенном к школе со стороны родителей и в целом взрослого населения страны, говорить пока не приходится. Что касается точечных и не очень внятных воздействий, которые идут в среднее образование со стороны “вышестоящих организаций”, то школа обладает достаточной институциональной силой, чтобы “переварить” их без ущерба для собственной идентичности. Да и сами эти воздействия вполне отвечают модели управленческой вертикали, в которой сформирована отечественная школа.

Существуют ли социальные акторы или некие внесубъектные импульсы, способные расшатать прочное здание авторитарной школы? Может быть, их стоит искать в среде самих “объектов воспитания” – детей и подростков? Об этом мы еще не думали. ■

Школа была и остается весьма консервативным институтом нашего общества. Ее нормативный образец – в прошлом, в модели “доброй советской школы”. Именно этот образец воспроизводится как главными институциональными игроками школьной педагогики, так и ее “потребителями”

Литература

Вербицкий А.А. Воспитание // Психология развития. Словарь / Под ред. А.Л. Венгера // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2006. <http://slovari.yandex.ru/dict/psychlex3/article/PS3/ps3-0007>.

Психология: Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. с. 65.

Розозин Д., Солодова И., Турчик А. Типичное и особенное в жизни школьного учителя информатики // Социальная реальность. 2007. № 6; Шмерлина И.А. Заметки о российском учительстве в контексте национального проекта “Образование” // Социальная реальность. 2007. № 1–2.

Савелова С.Б., Абушенко В.Л. Воспитание // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск: Книжный Дом, 2003 [он-лайн] // Дата обращения: 25 апреля 2008 г. <<http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-0180>.

Г. Кертман

Репутация милиции. *Упрямые факты*

Престиж милиции в российском обществе невысок – хотя, похоже, и не так низок, как принято считать. В самом деле: 61% опрошенных уверены, что среди населения сегодня преобладает отрицательное отношение к милиции, тогда как противоположное мнение – о преобладании положительного отношения – встречается втрое реже (19%)¹. Казалось бы, с репутацией этого института все более или менее ясно. Однако когда респондентов спрашивают, доверяют ли милиции они сами, распределение ответов оказывается далеко не столь однозначным: доверяют ей 39%, не доверяют – 46% (прочие затрудняются с ответом)². И если люди, не доверяющие ей, почти единодушно уверены, что их позиция разделяется большинством сограждан (84% из них полагают, что в стране преобладает отрицательное отношение к милиции, и лишь 6% – что положительное), то доверяющие весьма далеки от единства в этом вопросе: 38% из их числа считают, что в стране доминирует позитивное отношение к милиции, и столько же – 38% – что негативное. Можно предположить, что разделяемая большинством уверенность в плохой репутации милиции способствует некоторому “занижению” собственных оценок участниками опроса: продемонстрировать доверие или позитивное отношение к институту, который тебе же представляется непопулярным, не слишком комфортно.

Что касается деятельности милиции, то высоко ее оценивают немногие: 13% опрошенных считают, что она работает хорошо или отлично (даже среди доверяющих ей это мнение разделяет лишь каждый четвертый – 26%). Треть респондентов (32%) характеризуют ее работу как плохую или очень плохую, а 39% говорят, что она работает удовлетворительно. Любопытно, что молодежь оценивает работу милиции несколько благосклоннее, чем старшие поколения (19% – как хорошую или отличную, 28% – как плохую или очень плохую), – при том что на вопрос о доверии к ней представители разных поколений отвечают одинаково. Скорее всего, это связано с некоторым снижением ожиданий в от-

¹ Общероссийский опрос населения от 5–6 июля 2008 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Далее по умолчанию приводятся ссылки на этот опрос.

² Среди сельских жителей доверяющих этому институту даже несколько больше, чем не доверяющих (46 и 41% соответственно).

ношении милиции – и, соответственно, критериев ее оценки – у “детей” в сравнении с “отцами”.

Следует отметить, что оценки работы милиции в последнее время постепенно повышаются: за три года, с 2005-го, доля “пятерок” и “четверок” выросла с 9 до 13%, а доля “двоек” и “единиц” сократилась с 37 до 32%.

Возможно, московского читателя такой баланс мнений – в котором номинально положительные суждения (“хорошо” и “отлично” плюс скромная, но все же скорее позитивная оценка “удовлетворительно”) ощутимо перевешивают суждения очевидно отрицательные (52 против 32%) – несколько удивит. Однако в столице ситуация в этом отношении существенно отличается от общероссийской. Об этом свидетельствуют данные проведенного 15–30 мая 2008 года мегаопроса (общая выборка 34 000 человек, репрезентативные выборки – по 500 респондентов – в 68 российских регионах), в ходе которого россиянам был задан схожий вопрос – с той лишь разницей, что тут просьба оценить работу милиции сопровождалась уточнением: “в вашей области (крае, республике)”. Формат мегаопроса позволяет отчетливо увидеть межрегиональную дифференциацию мнений. Оговоримся: среди его участников доли оценивших работу милиции как хорошую или отличную (13%), а также выставивших ей оценку “удовлетворительно” (40%) оказались практически такими же, как и среди участников “обычного” опроса, данные которого мы здесь обсуждаем; доля же оценивших работу милиции как плохую или очень плохую оказалась несколько выше – 38%³.

Как показал мегаопрос, репутация милиции в столице хуже, чем в любом другом регионе страны: только 4% москвичей считают, что она работает хорошо или отлично, и 53% – что плохо или очень плохо. Первый показатель – самый низкий по России, второй – самый высокий (только в одном регионе, помимо столицы, в Ленинградской области, негативные оценки работе милиции выставляет абсолютное большинство опрошенных – 52%; на третьем месте по этому показателю, кстати, Санкт-Петербург – 49%). В то же время в ряде регионов перевес оценок “плохо” и “очень плохо” над оценками “хорошо” и “отлично” не превышает 10 п. п. (Челябинская, Белгородская, Пензенская области, Ханты-Мансийский АО, Камчатский край, Республика Башкортостан), а в Краснодарском крае высоких оценок оказалось даже немного больше, чем низких (31 и 28% соответственно). Так что хотя престиж милиции, повторим, невысок, сквозь призму московских реалий и московских настроений степень дискредитации этого института видится несколько преувеличенной.

Однако, пожалуй, вернее всего отношение граждан к милиции можно определить не по оценкам, которые они – в качестве “экспертов” – выставляют ей

³ Это отклонение, скорее всего, обусловлено логикой анкеты мегаопроса, последовательностью вопросов, которая, как известно, оказывает определенное влияние на распределение ответов. Вопросу о работе милиции здесь предшествовало обсуждение российских законов и состояния правопорядка в стране, и актуализация этой тематики, надо полагать, способствовала тому, что некоторые респонденты, которые в ином случае не определились бы с интегральной оценкой милиции, вынесли ей обвинительный вердикт.

Почти две трети россиян уверены, что среди населения сегодня преобладает отрицательное отношение к милиции, тогда как противоположное мнение – о преобладании положительного отношения – встречается втрое реже

за работу, а по тому, насколько эти граждане склонны к контакту с ней, готовы полагаться на нее и прибегать к ее помощи. В ходе июльского опроса мы выяснили распространенность этой установки, предложив респондентам представить, что у них украли кошелек с месячной зарплатой, пенсией или стипендией. Треть участников опроса (34%) заявили, что обратились бы в милицию в такой ситуации, но большинство (55%) не стали бы этого делать. Причем распределение ответов на этот вопрос практически не зависит от возраста, уровня образования и доходов респондентов.

И тех, кто обратился бы в таком случае в милицию, и тех, кто, по их словам, этого не сделал бы, попросили пояснить, почему они поступили бы именно так. Отвечая на соответствующий открытый вопрос, первые чаще всего выражали надежду на возвращение похищенного (12% от всех опрошенных): изредка твердо (*“уверен, что там, где я живу, обязательно найдут”*), как правило – весьма неуверенно (*“вдруг задержат воров и вернут деньги”*; *“есть какой-то шанс получить кошелек”*; *“может, поищут”*; *“надежды мало, но вдруг бы и нашли”*; *“может быть, и помогут”*).

Часто респонденты просто констатировали, что искать преступников – прямая обязанность милиции: *“это их работа”*; *“пусть займутся делом”*; *“а куда*

Из федерального закона “О милиции”

Статья 2. Задачи милиции

Задачами милиции являются:

- обеспечение безопасности личности;
- предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений;
- выявление и раскрытие преступлений;
- охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;
- защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности;
- оказание помощи физическим и юридическим лицам в защите их прав и законных интересов в пределах, установленных настоящим Законом.

Статья 3. Принципы деятельности милиции

Деятельность милиции строится в соответствии с принципами уважения прав и свобод человека и гражданина, законности, гуманизма, гласности.

Статья 5. Деятельность милиции и права граждан

Милиция защищает права и свободы человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностно-

го положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Статья 10. Обязанности милиции

Милиция в соответствии с поставленными перед ней задачами обязана:

- 1) предотвращать и пресекать преступления и административные правонарушения; выявлять обстоятельства, способствующие их совершению, и в пределах своих прав принимать меры к устранению данных обстоятельств;
- 2) оказывать помощь гражданам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также находящимся в беспомощном либо ином состоянии, опасном для их здоровья и жизни;
- 3) принимать и регистрировать заявления, сообщения и иную поступающую информацию о преступлениях, административных правонарушениях и событиях, угрожающих личной или общественной безопасности, своевременно принимать меры, предусмотренные законодательством;
- 4) выявлять и раскрывать преступления.

еще обратиться?»; «*пусть отрабатывают зарплату*» (9%). Некоторые рассматривают такое обращение как пустую формальность («*лишь для проформы, все равно бы не нашли*»; «*для самоуспокоения, хотя навряд ли найдут*»; «*попытка не пытка*»; «*чисто символически*» – 3%), кто-то декларирует, что «*вор должен сидеть в тюрьме*» (2%), кто-то объясняет, что гипотетическая потеря была бы тяжела («*живем на одну зарплату*», «*жить на что-то надо*» – 2%), по умолчанию полагая, очевидно, что обращение даст результат.

Изредка респонденты объясняют готовность обратиться в милицию установленным порядком («*положено так*»; «*обязательно нужно заявлять, независимо от результата*» – 1%) или, напротив, эмоциями, посещающими обворованного («*обидно потому что*»; «*жаль денег*» – 1%).

Те же, кто в милицию из-за украденного кошелька не пошел бы, демонстрируют, как правило, полную уверенность в бессмысленности подобного обращения и бессилии милиции в таких ситуациях: «*не найдут*»; «*нет смысла*»; «*нет толку*»; «*потому что уверена, что ничего не найдут*»; «*результата не будет*»; «*это бесполезно*»; «*пустое дело*» (37%). Некоторые убеждены, что милиция и заниматься подобным делом не станет («*не будут даже пытаться искать*»; «*не будут возиться*»; «*милиция ничего не ищет, только пьяных собирает*» – 6%). Другие говорят о неизбежной, по их мнению, волоките, трате времени и нервов («*бумажная волокита*»; «*долгая процедура*»; «*времени своего жаль*» – 5%) или просто выражают недоверие милиции и нежелание иметь с ней дело («*не доверяю милиции*»; «*нет веры*»; «*не хочу связываться*»; «*в милицию не пойду все равно, хоть убивать будут*» – 5%).

И вот что показательно: среди участников опроса, заявляющих о доверии к милиции, лишь половина (51%) говорят, что обратились бы к ней в случае кражи кошелька, тогда как 38% – определенно утверждают, что не сделали бы этого (среди не доверяющих обратились бы 21%, не обратились бы – 70%). В свете сказанного о мотивах, которыми руководствуются респонденты, делая такой гипотетический выбор, это означает, что декларируемое доверие к милиции легко сочетается как минимум с уверенностью в ее неэффективности. Вероятно, заявляя о доверии к данному институту, участники опроса в большей мере имеют в виду предназначение и интенции милиции, чем ее дееспособность, профессионализм.

На практике же в милицию – в дежурную часть или районное отделение – когда-либо обращались 38% опрошенных (60% – не обращались, 2% – не помнят, затрудняются с ответом), причем 17% в последний раз делали это недавно, в последние год-два. Чаще всего – как раз в связи с кражами: всех, кто когда-либо обращался в милицию, спросили о причинах последнего обращения, и 18% (от всех опрошенных) назвали кражи разного типа. Реже – в связи с различными случаями хулиганства, драками (5%), с бытовыми проблемами (4%), семейными (3%) и т. д.

Кстати, в некоторых отношениях поводы последних обращений в милицию у тех, кто адресовался к ней сравнительно недавно, отличаются от называемых респондентами, которые делали это более двух лет назад. Первые, естественно,

Высоко оценивают деятельность милиции немногие: 13% опрошенных считают, что она работает хорошо или отлично; треть респондентов (32%) характеризуют ее работу как плохую или очень плохую, а 39% говорят, что она работает удовлетворительно

гораздо чаще говорят о краже мобильных телефонов (12% от числа обращающихся в последние год-два – и 1% от числа тех, кто в последний раз обращался раньше); не столь очевидно, почему они существенно, примерно вдвое, чаще, чем вторые, упоминают бытовые проблемы, конфликты с соседями, а также семейные, личные проблемы.

Репутация милиции в столице хуже, чем в любом другом регионе страны: только 4% москвичей считают, что она работает хорошо или отлично, и 53% – что плохо или очень плохо

Вместе с тем обращающиеся в милицию недавно значительно реже говорят, что делали это в связи с квартирными кражами (5% – против 16% упомянувших эту причину среди тех, кто обращался более двух лет назад) или угоном автомобилей, мотоциклов или велосипедов (3 и 8%). Впрочем, это ни в коей мере не означает, что такие преступления стали в реальности совершаться реже. Тут другое: в случае квартирной кражи или угона машины к милиции обращаются в числе прочих и граждане, которые по поводу украденного кошелька или тем более склоки с соседями

либо домочадцами туда ни за что не пошли бы. И сколь бы давно ни приключилась с ними такая неприятность, она остается для них последней по времени причиной обращения в милицию. Поэтому в числе тех, кто в последний раз обращался туда сравнительно давно, удельный вес таких респондентов гораздо выше, нежели среди обращающихся недавно.

Но вот что стоит подчеркнуть особо: на каждого удовлетворенного результатами своего последнего обращения в милицию приходится двое недовольных (12 и 24% от всех опрошенных соответственно), причем это соотношение – 1:2 – в равной мере характерно и для тех, кто пытался прибегнуть к ее по-

Задавшись вопросом об эффективности работы московской милиции, “Московский корреспондент” решил сравнить ее с полицией другого мегаполиса – Нью-Йорка

Москва в пределах МКАД – это мегаполис площадью 880 квадратных километров, Нью-Йорк – 785. Население Москвы приблизительно 10,4 миллиона человек, Нью-Йорка – 8,2. В Москве порядок охраняют 140 тысяч человек, в Нью-Йорке – 45 тысяч.

В Нью-Йорке каждый полицейский охраняет покой 182 граждан, а в Москве – 74 человек. При таком “раскладе” каждому московскому милиционеру по-хорошему полагалось бы знать своих подопечных в лицо, да еще – со всеми паспортными данными. А о преступности вообще речи не должно было бы быть.

Ну и еще: в 7-миллионном Лондоне 35 тысяч сотрудников Скотланд-Ярда, а покой 12 миллионов жителей Токио охраняют 45 тысяч полицейских.

Московский корреспондент. 01.04.2008

< [http://moscor.ru/social/](http://moscor.ru/social/chernaja_kassa_stolichnoj_militsii/)

[chernaja_kassa_stolichnoj_militsii/](http://moscor.ru/social/chernaja_kassa_stolichnoj_militsii/)>

мощи в последние год-два, и для тех, кто делал это ранее. Так что никаких изменений – ни позитивных, ни негативных – в качестве работы милиции повседневная “экспертиза” ее деятельности, поневоле осуществляемая рядовыми гражданами, не выявляет. А отношение россиян к милиции, естественно, весьма ощутимо зависит от их собственного опыта взаимодействия с ней. Причем данные, характеризующие это влияние, чрезвычайно выразительны: среди тех, кто удовлетворен результатами своего последнего общения с представителями милиции, доверяют этому институту 62% опрошенных, тогда как относятся к нему с недоверием лишь 25%. А среди оставшихся недовольными, напротив, доверяют милиции лишь 25% респондентов и не доверяют – 64%. Нетрудно предположить, что и те, и другие щедро делятся с окружающими своими впечатлениями: обращение в милицию обычно сопряжено с событиями, которые вызывают неподдельный интерес, сопереживание со стороны близких, а нередко и дальних знакомых. Но негативные впечатления, надо полагать, транслируются примерно вдвое чаще...

Участников опроса спросили также, ощущают ли они лично беспокойство, тревогу, когда к ним обращаются сотрудники милиции, и 22% опрошенных признали, что испытывают такие чувства. Втрое чаще респонденты говорили, что ничего подобного не чувствуют (66%); 12% затруднились с ответом. Затруднение в данном случае свидетельствует, отметим, о том, что эти чувства респонденту по крайней мере

Среди тех, кто удовлетворен результатами своего последнего общения с представителями милиции, доверяют этому институту 62% опрошенных, тогда как относятся к нему с недоверием лишь 25%. А среди оставшихся недовольными, напротив, доверяют милиции лишь 25% респондентов и не доверяют – 64%

В 2003 году ВНИИ МВД провел опрос 3228 работников органов внутренних дел, пытаясь выяснить, что не нравится сотрудникам в деятельности их ведомства.

Ответы распределились следующим образом:

40% опрошенных как особую проблему обозначили нарушение законности в работе. Причем нарушения эти объяснялись принуждением со стороны руководства, стремящегося обеспечить высокие показатели деятельности.

Московский корреспондент. 01.04.2008

http://moscor.ru/social/chernaja_kassa_stolichnoj_militsii/

не чужды. Ни возраст, ни уровень образования, ни уровень доходов респондентов на распределение ответов на этот вопрос практически не влияют. Причем и респонденты, декларирующие доверие милиции, испытывают беспокойство, тревогу при контакте с ее представителями (по инициативе последних) довольно часто (18%) – хоть и несколько реже тех, кто милиции не доверяет (26%).

Пытаясь объяснить чувство беспокойства (тем, кто его испытывает, был задан соответствующий открытый вопрос), участники опроса говорили о непредсказуемости сотрудников милиции, недоверии к ним (“жду подвоха от них”; “не знаешь, что у них на уме, добра не ждешь” – 3%), безотчетном страхе (“боясь милиции”; “не знаю почему, но какое-то волнение испытываю” – 3%), о милицейском произволе (“тебя могут обвинить ни за что”; “могут превысить свои полномочия, лучше подальше от них держаться”; “проверяют карманы, унижают человеческое достоинство” – 3%), грубости, агрессивности и корыстолюбия сотрудников милиции (“они ощущают власть надо мной”; “просят взятки”; “те же бандиты, только легально оружие носят” – 3%) и т. д.

В заключение отметим, что у 53% респондентов есть знакомые, работающие в милиции сейчас или работавшие в прошлом. И в этой группе опрошенных доля испытывающих беспокойство, тревогу, когда к ним обращаются сотрудники милиции, не ниже, а даже чуть выше, чем среди тех, у кого знакомых милиционеров – нынешних или бывших – нет (23 и 20% соответственно). Да и по иным данным опроса отчетливо видно, что ни личное знакомство с бывшими или действующими милиционерами, ни тем более опыт обращения в дежурную часть или районное отделение милиции не являются факторами, стимулирующими позитивное отношение к этому институту. ■

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...

– По Вашему мнению, что в первую очередь снижает безопасность дорожного движения там, где Вы живете?

– Лошади на дорогах – на нас прыгнула и разбила нам машину.

– Какие отрицательные качества, по Вашему мнению, присущи большинству москвичей?

– Боязнь родственников с периферии.

– Почему Вы считаете, что сегодня держать вклад в Сбербанке более надежно, чем в большинстве других российских банков?

– Не убергут, даже если и обманут.

– Скажите, пожалуйста, кому Вы дарите подарки просто так, без всякого повода?

– Дарю, если отблагодарит.

– Почему Вы считаете, что сегодня правоохранные органы не должны проявлять особое, повышенное внимание к деятельности грузин, живущих в России, не принимать специальные меры по проверке этой деятельности?

– Нужно преступностью заниматься, наркобизнесом, торговлей оружием, а не охотой на ведьм грузинской национальности.

(Из опросов ФОМа)

А. Куракин

Зарплата “в конверте”: неравный брак или брак по расчету?

Полагаем, в России найдется не много людей, не слышавших выражений “серая зарплата” или “зарплата в конверте”. Эта практика уже настолько укоренилась, что, как кажется, про нее всем все известно. Между тем этот способ увода денег из-под налогообложения ведет к довольно существенным последствиям в сфере хозяйства. Одним из таких последствий является деформация (в сравнении с ситуацией полностью законной оплаты труда) взаимоотношений между работодателями и наемными работниками.

Мы решили выяснить, как эти взаимоотношения выглядят с точки зрения одной из сторон – работников. Всего ФОМом было проведено три опроса на тему “серых зарплат” – в 2001, 2005 и 2008 годах¹. Во всех трех опросах в выборку попадали как работающие, так и неработающие граждане. В двух первых опросах работающих оказалось чуть более половины опрошенных (53 и 52% соответственно). В последнем опросе работающих было 58%.

Суть “конвертных” отношений

Практика “серых” зарплат занимает вполне определенное место в структуре неформальной экономики. Под неформальной экономикой понимается “совокупность видов хозяйственной деятельности, не отраженной в статистической и налоговой отчетности” [Радаев. 2005. С. 179]². Сюда входит экономика

¹ Общероссийские опросы населения 7–8 июля 2001, 25–26 июня 2005 и 29–30 марта 2008 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

² Терминология в отношении неформальной экономики не устоялась до сих пор. Здесь царит понятийная неразбериха. Достаточно сказать, что наряду с термином “неформальная экономика” употребляют следующие: “эксплуатационная”, “подпольная”, “теневая”, “вторая”, “серая”, “традиционная”, “семейная” и т. п. [Шанин. 1999. С. 13]. Здесь используются терминология и классификация, предложенные С.Ю. Барсуковой [Барсукова. 2004].

домохозяйств (труд на личных подсобных хозяйствах, возведение построек и ремонт квартир собственными силами и т. п.), которая обычно от государства сознательно не скрывается, так как, собственно, ничего не нарушает ввиду

“Конвертные” отношения, так же как и формальный договор найма, представляют собой контракт по купле-продаже рабочей силы, сторонами которого являются соответственно работодатель и наемный работник. От формального контракта его отличает одна ключевая особенность: исключается третья сторона контрактных отношений – государство

отсутствия формальных правил, регулирующих большинство сторон экономической деятельности домохозяйств (детальная регламентация этой деятельности легко превратила бы государство в оруэлловского Старшего брата)³. К неформальной экономике также относится практика взаимопомощи в сетях домохозяйств (так называемый реципрокный обмен, или экономика дара), которая также не регулируется формальными правилами. Отдельной областью неформальной экономики является открытый криминал, то есть деятельность, сами цели которой противоречат закону. Однако есть и такая деятельность, цели которой являются вполне законными и даже благими, но вот средства их достижения порой выходят за рамки дозволенного. Типичный пример – производство общественно полезного продукта (от добычи нефти до изготовления канцелярских скрепок), сопровождающееся уводом части прибыли из-под налогообложения. Подобную деятельность в России принято называть теневой⁴.

Вот именно в такого рода взаимоотношения вовлечено большинство людей, получающих “серую” зарплату⁵.

“Конвертные” отношения, так же как и формальный договор найма, представляют собой контракт по купле-продаже рабочей силы, сторонами которого являются соответственно работодатель и наемный работник. От формального контракта его отличает одна ключевая особенность, имеющая ряд существенных последствий: исключается третья сторона контрактных отношений – государство, которое в случае формального контракта является гарантом выполнения контрактных обязательств сторон по отношению друг к другу, а также по отношению к самому государству. Это ведет к тому, что содержание контракта теперь полностью определяется договоренностью сторон и никак не зависит от формальных правил, регулирующих отдельные аспекты контракта. Наконец, на результаты переговоров по условиям контракта теперь влияет только относительная сила контрагентов, то есть их способность навязать другой стороне выгодные им условия найма.

³ Государство, либеральное оно или тоталитарное, все равно так или иначе вмешивается в экономику домохозяйств, устанавливая формальные правила. Различия только в степени вмешательства: оно может ограничиваться разделом имущества через суд при разводе, а может дойти до регламентации размера построек на шести сотках, как было в Советском Союзе. Между тем вмешательство не всегда означает учет. Как бы то ни было, существенная доля экономических действий, совершаемых домохозяйствами, остается невидимой для государства.

⁴ О различии криминальной и теневой экономики подробнее см.: [Портес. 2004. С. 306–308].

⁵ С теневой экономикой в России чаще всего ассоциируется серый цвет, тогда как с криминалом – черный.

Сразу же закрадывается интуитивное предположение, что силы сторон в этой “битве” явно не равны. Почему же люди идут на такого рода соглашения? Устраивают ли их подобные “теневые” отношения? И все ли наемные работники, получающие “серую” зарплату, находятся в одинаковом положении? На все эти вопросы мы постараемся ответить, но сначала посмотрим, насколько широко распространена практика неформальной оплаты труда в России.

Распространенность неформальной оплаты труда

Согласно результатам последнего опроса (2008 года), 76% работающих россиян всю свою зарплату получают официально, тогда как труд 21% полностью или частично оплачивается неофициально (*график 1*). Данные предыдущих опросов (2001 и 2005 годов) в целом схожи с последними результатами. Таким образом, примерно каждый пятый работающий россиянин, согласно опросам, так или иначе вовлечен в неформальные трудовые отношения. Представляется, что на самом деле трудовых “неформалов” существенно больше. Во-первых, в выборку не попадают нелегальные мигранты, труд которых неформален по определению. Во-вторых, стоит учитывать и относительно острый характер вопроса о “теневой” зарплате, вследствие чего респонденты могут умалчивать о своих “теневых” доходах. Хотя людям объективно опасаться нечего (ответственность несет только работодатель), но некоторые этого не знают (см. ниже) и потому осторожничают. Учитывая сказанное, можно считать, что полученные данные в целом соответствуют нашим обыденным представлениям о том, как устроены трудовые отношения в России, и не позволяют говорить о “теневой” оплате труда как о пережитке переходного периода. Как видно из *графика 1*, на протяжении восьми лет доля тех, кто свою зарплату, частично или полностью, получает неофициально, существенно не менялась, что свидетельствует об устойчивости этой неформальной практики.

График 1. Распространенность официальной и неофициальной оплаты труда в России, 2001–2008 годы, % от числа работающих граждан

Две разные “тени”: бесконтрактный найм и отклонение от условий контракта

С.Ю. Барсукова разделяет два вида “теневых” отношений между работодателем и наемным работником: бесконтрактный (или устный) найм и отклонение от условий контракта [Барсукова. 2004. С. 233–243]. Прежде всего они различаются концептуально. Бесконтрактный найм подразумевает вообще “отсутствие” работника, работы, соглашения между работником и работодателем. Во втором случае все вышеперечисленное показывается “всевидающему” оку государства, но часть содержания все же утаивается. Отклонения от условий контракта могут быть самыми разными (работа по выходным и сверх восьмичасового рабочего дня, выполнение работы, не предусмотренной должностными обязанностями, и т. п.), но одним из самых существенных отклонений является выплата части зарплаты “в конверте”.

В наших анкетах нет полного соответствия этому концептуальному разграничению бесконтрактного найма, с одной стороны, и расхождений фактических и формальных условий найма – с другой. Респонденты, вовлеченные в неформальные трудовые отношения, делятся на две категории работников: тех, кто всю свою зарплату получает неофициально, и тех, чьи “теневые” доходы яв-

Что плохого в том, что Вам выплачивают зарплату “в конверте”?

Если Вы получаете зарплату “в конверте”, это означает, что работодатель:

- скорее всего, не заключил с Вами трудовой договор и не произвел запись в трудовой книжке о приеме Вас на работу;
- не производит отчисления из Вашей зарплаты в Пенсионный фонд на Ваш индивидуальный лицевой счет;
- не производит отчисления из Вашей зарплаты в Медицинский страховой фонд;
- не производит отчисления из Вашей зарплаты в Фонд социального страхования.

А это значит, что:

1. Не засчитывается Ваш трудовой стаж.

2. У Вас нет гарантированного размера заработной платы (в том числе размер тарифной ставки или должностного оклада работника, доплаты, надбавки и поощрительные выплаты).

3. У Вас нет никаких социальных гарантий, предусмотренных для работника:

- права на отпуск, в том числе дополнительный и без сохранения зарплаты, отпуск по беременности и родам;
- права на оплату больничного листа;
- права на досрочный выход на пенсию, если Вы работаете во вредных условиях;
- права на сокращенный рабочий день, неделю, если Вы работаете во вредных условиях;

- права не работать в выходной и праздничный день;
- права не привлекаться к сверхурочным работам без Вашего желания;
- права на охрану труда;
- права на социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний;
- права на гарантии по коллективному договору.

4. Вас могут уволить в любой момент, без выходных пособий.

5. Вы не будете получать пенсию по старости.

Источник: сайт Консультационного совета региональных профсоюзных объединений. Инструкция для работника “Что делать, если платят зарплату «в конверте»”

ляются дополнением к официальным⁶. Однако если группа получающих всю зарплату неофициально адекватно описывается концептом бесконтрактного найма, то к группе “полутеневиков” концепт отклонений от условий трудового договора применим далеко не безоговорочно. Ведь не учитывается еще одна пограничная группа: занятые на нескольких работах, получающие в одних местах “белую” зарплату, а в других – полностью “серую”. Вернее, в опросе такие работники попадают в категорию получающих как “серую” часть своего заработка, хотя по существу они практикуют бесконтрактный найм – наряду с полностью легальной занятостью. Все это несколько размывает содержательные различия между группами. Держа в голове данное несоответствие, мы все же будем считать полученные эмпирические группы “неформалов” приблизительными аналогами двух содержательно разных категорий: работающих без контракта и работающих за зарплату, отличающуюся от указанной в ведомости.

В чем еще заключается разница между выделенными группами “теневого” работников? Бесконтрактный найм подразумевает существование на птичьих правах, тогда как во втором случае контракт вполне может включать полный социальный пакет (оплачиваемый отпуск, больничный, страховку) или какие-то из его компонентов. Раз формальный контракт есть, то он должен хотя бы на бумаге соответствовать формальным трудовым нормам. Работающие полностью “в тени” не попадают под защиту законодательства, так как формально их просто нет. Увольнение же штатного сотрудника, получающего часть зарплаты “в конверте”, даже если эта часть превышает то, что он получает по ведомости, сопряжено с определенными, пускай часто формальными, препятствиями и издержками. Поэтому в большинстве случаев объединять эти группы в одну, противопоставляя ее получающим всю зарплату официально, было бы неверно.

Однако от концептуальных различий перейдем к фактическим. И сначала посмотрим, насколько многочисленны две указанные группы. Согласно данным опросов, каждая из них составляет 8–10% всех работающих россиян, причем из года в год доли этих групп очень стабильны (см. *график 1*). Как различаются они по своему составу?

Существенную часть группы работающих по бесконтрактному найму должны составлять депривилегированные слои населения⁷. Типичный пример – нелегальный мигрант, полностью бесправный, готовый работать за копейки, да еще без гарантий их получения. В группе же частично получающих “серую” зарплату, но имеющих контракт с работодателем, легко можно найти относительно неплохо зарабатывающих людей, не желающих отдавать часть своего дохода государству в обмен на туманные перспективы обеспечить себе достойную старость. Однако не стоит отождествлять тех, кто получает всю зарплату

Согласно результатам опроса 2008 года, три четверти работающих россиян всю свою зарплату получают официально, тогда как труд пятой части полностью или частично оплачивается неофициально

⁶ Респондентам задавался такой вопрос: “Скажите, пожалуйста, Вы получаете всю свою зарплату официально, по ведомости, или Вы получаете часть зарплаты неофициально, “в конверте”? Или же все то, что Вы зарабатываете, Вы получаете неофициально?”

⁷ На это указывается и в соответствующей научной литературе. См., например: [Барсукова 2004, С. 234].

Табл. 1. Характеристики групп, получающих зарплату официально и неофициально, 2008 год

% от групп (по столбцам)

Скажите, пожалуйста, Вы получаете всю свою зарплату официально, по ведомости или Вы получаете часть зарплаты неофициально, “в конверте”? Или же все то, что Вы зарабатываете, Вы получаете неофициально?					
	работающее население в целом	всю зарплату получаю официально	часть зарплаты получаю неофициально	все, что зарабатываю, получаю неофициально	затрудняюсь ответить
Доли групп в работающем населении, %	100	76	11	10	3
Образование					
Ниже среднего	4	4	4	5	4
Среднее общее	35	34	28	53	26
Среднее специальное	40	42	38	30	43
Высшее	21	21	31	12	26
Доход, руб.					
3000 и менее	20	20	10	29	26
3001–5000	29	31	28	18	24
Более 5000	37	36	48	40	17

❖ Отклонения от средних значений на 5 п.п. и больше в ту или другую сторону выделены соответственно жирным шрифтом или курсивом.

неофициально, исключительно с гастарбайтерами. Ведь, как было сказано выше, 8–10% участвующих в опросах (и, следовательно, не являющихся нелегальными мигрантами) работающих граждан из года в год указывают, что всю свою зарплату они получают “в конверте”⁸.

Сравнивая две группы – получающих всю зарплату неофициально и получающих неофициально только часть своей зарплаты, – можно сделать вывод, что в целом первые имеют более низкий уровень образования и несколько более низкие доходы в сравнении со вторыми (табл. 1).

Так, в группе получающих целиком “серую” зарплату почти в два раза больше людей со средним образованием, чем среди тех, кто неформально получает часть зарплаты (53% против 28%), и почти в три раза меньше лиц с высшим образованием (12% против 31%). Также в группе “полных теневиков” почти в три раза больше респондентов с самыми низкими доходами (менее 3000 рублей в месяц на члена семьи): 29% против 10%.

Все же уверенно противопоставлять эти группы по социально-демографическим характеристикам не стоит. Если еще раз внимательно посмотреть данные табл. 1, то становится понятно, что эти группы различаются не как небо и земля, а как разные этажи одного дома. К тому же можно заметить, что группа получающих всю свою зарплату неофициально весьма разнородна по уровню материальной обеспеченности: доли представителей “полярных” доходных групп – как верхней, так и нижней (40 и 29% соответственно) – здесь выше, чем среди работающих в целом. Это говорит о том, что категория “теневиков”, рабо-

⁸ Еще раз повторим, что нелегальные мигранты не попадают в нашу выборку. Если бы они учитывались, то за счет них выросла бы именно группа работников, получающих всю зарплату неофициально.

тающих по бесконтрактному найму, состоит из людей как относительно обеспеченных, так и испытывающих нужду.

Что касается самой многочисленной группы – тех, кто получает всю зарплату официально, – то она занимает срединное положение между двумя группами “теневиков” по образовательному критерию и уровню доходов.

Зарплата “в конверте” – сознательный выбор или следствие безысходности?

Теперь проведем еще одно деление, но уже не по типу контракта работодателя и работника, а по степени равноправия сторон, заключающих “теневой” контракт. Вполне убедительным кажется утверждение, что практически всегда инициатором неформальной трудовой сделки является работодатель. В одном случае он может оставить выбор за работником, особо ни на чем не настаивая. В другом – “сделать предложение, от которого нельзя отказаться”. Оба варианта чисто ситуативны и зависят от установок сторон и от того, у кого из контрагентов на руках “лучшая карта” (у кого она, как правило, оказывается, легко догадаться). В любом случае возможны четыре финала переговоров: работник откажется от неформальной сделки, и найм не состоится; работник откажется от неформальной сделки, и будет заключен формальный контракт; работник с охотой примет неформальное соглашение, считая его для себя выгодным; и, наконец, работник примет такое соглашение, считая его не самым лучшим вариантом трудоустройства.

Соответственно любой неформальный трудовой контракт представляет собой либо взаимовыгодный сговор двух сторон с целью обмануть третью сторону (государство), либо подчинение слабого контрагента (работника) сильному (работодателю).

В зависимости от того, какой вариант более распространен, можно строить прогнозы относительно расширения или сужения области “теневых” зарплат. Если доминирует первый вариант (взаимовыгодный сговор), то государству победить этот альянс будет крайне сложно⁹. А вот при преобладании второго варианта государство получает “теневого союзника” в лице наемного работника.

Указанные два варианта трудового соглашения “разводятся” только опросами населения – иначе никак не понять, доволен наемный работник своим “теневым” контрактом или нет. И мы последовательно задали респондентам три вопроса: одобряют ли они практику зарплат “в конверте”, какую зарплату они считают более выгодной для работника – “в конверте” или официальную – и почему¹⁰.

Любой неформальный трудовой контракт представляет собой либо взаимовыгодный сговор двух сторон с целью обмануть третью сторону (государство), либо подчинение слабого контрагента (работника) сильному (работодателю)

⁹ Возможно, мы здесь несколько сгущаем краски, так как все же первоочередной задачей для государства по выводу зарплат “на свет” является создание условий, при которых заключать “теневые” трудовые контракты стало бы невыгодно самим работодателям, т.е. тем, кто чаще всего является инициатором “теневых” договоров найма. Но при втором варианте это будет сделать легче.

¹⁰ В опросе 2001 года был задан только первый из трех вопросов.

Конечно, мы не утверждаем, что те из “теневых” работников, кто одобряет “серую” зарплату и считает ее более выгодной, абсолютно сознательно выбрали “серое” вместо “белого” и являются равноправными участниками взаимовыгодного стовора с работодателем (первый вариант). И наоборот, если зарплата “в конверте” не по душе работнику как явление и он сомневается в ее выгодности, это не означает, что он стал “теневиком” поневоле (второй вариант)¹¹.

Тем не менее в полученных данных содержится определенная информация для оценки обыденных представлений о сфере трудовых договоров. Главное – что они позволяют выяснить, является ли практика “серых” зарплат в сознании россиян социальным злом, к тому же невыгодным большинству наемных работников, или своего рода спасательным кругом, помогающим держаться на плаву и обеспечивать более или менее достойную жизнь. Не менее интересно проследить, как эти оценки варьируются среди различных социальных групп, и прежде всего среди “теневиков” и получающих официальную зарплату.

Отношение к неофициальной зарплате

Большинство россиян не одобряют зарплату “в конвертах” (см. *график 2*). Если учитывать результаты всех трех опросов, то доля не одобряющих “серую” зарплату составляет 48–56%, доля одобряющих “серые” схемы – 11–15%, а доля безразличных к этому вопросу – 18–23%.

Однако если отдельно рассмотреть группу тех, кто всю или часть зарплаты получает “мимо кассы”, то результаты будут несколько иными: немногим меньше трети из них одобряют сегодня “серые” схемы оплаты труда (это почти втрое

больше, чем в целом по выборке); доли не одобряющих и безразличных также составляют порядка трети. Как оценить такое распределение? Треть одобряющих “серые” зарплаты среди получающих таковые – это много или мало?

Позитивная оценка людьми своих поступков вполне естественна. Во-первых, более лояльное отношение к неформальной оплате труда в этой группе объясняется тем, что люди склонны задним числом оправдывать свое поведение и свой выбор. Во-вторых, довольно часто люди взвешивают все “за” и “против”, планируя свои поступки, и делают вполне осознанный выбор, который кажется им наилучшим¹². И все-таки треть одобряющих и треть не одобряющих “серые” зарплаты среди тех, кто их получает, – о чем говорит

существование двух подгрупп-антиподов?

Одобрение или неодобрение неформальной оплаты труда в группе “теневиков” свидетельствует о том, насколько морально обоснованной является эта практика с точки зрения того, кто ее осуществляет. Само собой, о сильных ду-

Сравнивая две группы – получающих всю зарплату неофициально и получающих неофициально только часть своей зарплаты, – можно сделать вывод, что в целом первые имеют более низкий уровень образования и несколько более низкие доходы в сравнении со вторыми

¹¹ Аналогичным образом водитель может не одобрять взятки как явление, но при этом регулярно давать их инспекторам ГИБДД, не ощущая внутренней неловкости и не испытывая желания лично что-то изменить.

¹² Другое дело, что этот выбор может казаться неоптимальным с точки зрения некоего стороннего наблюдателя, обладающего более полной информацией и более совершенным “компьютером” в голове. Но в нашем случае это абсолютно не важно.

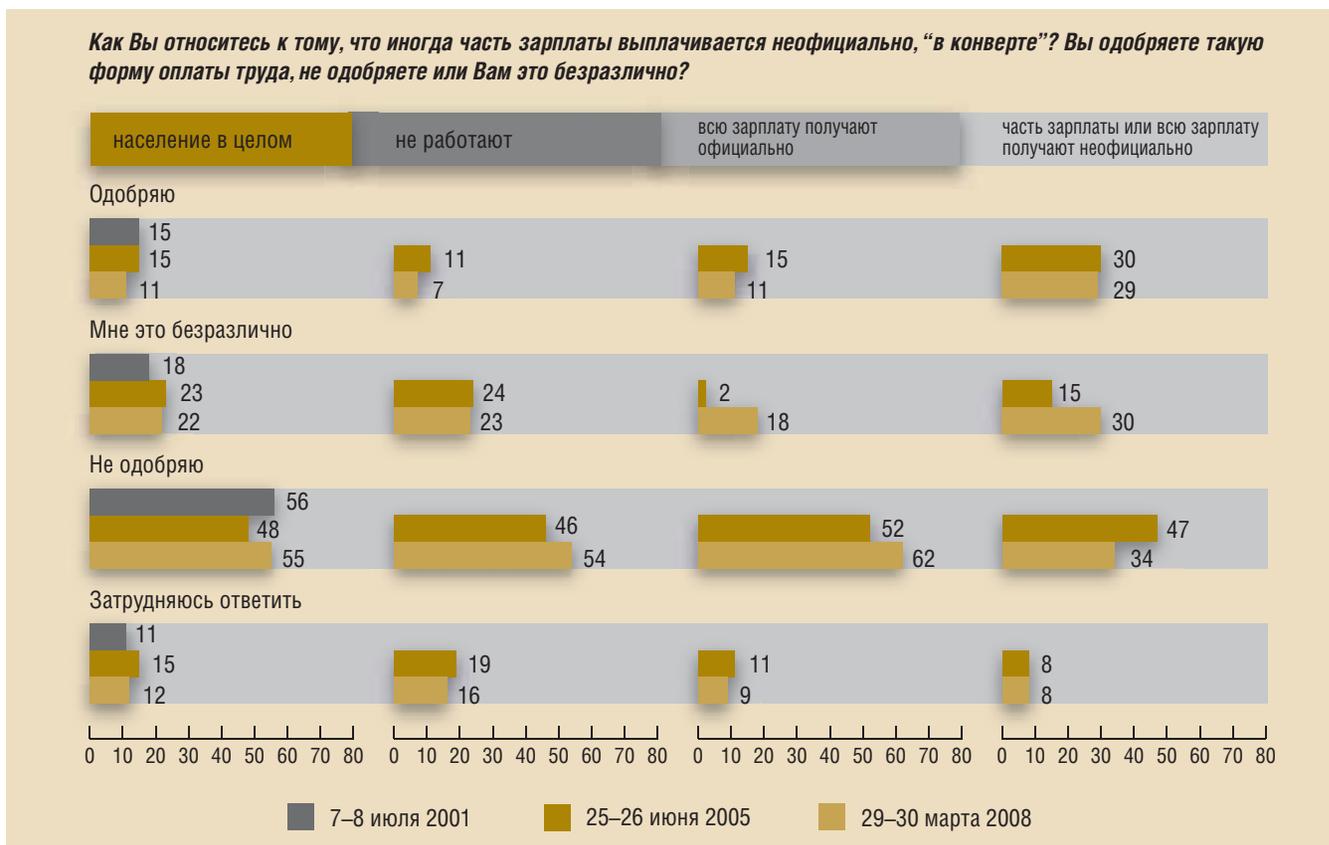

График 2. Отношение населения к неофициальной оплате труда, 2001–2008 годы

шевных мучениях или особом беспокойстве речи здесь не идет. Однако когда людей, не одобряющих действия, которые сами же они совершают (и, видимо, предполагают, что будут совершать в будущем), становится много, это означает, что легитимность данной социальной практики подвергается сомнению. Если рассматривать распределение ответов в таком ракурсе, то 34% не одобряющих “теневую” зарплату уже кажутся существенной долей. По крайней мере она превышает долю одобряющих зарплату “в конверте”, то есть тех, кто считает, что поступает правильно.

Однако одобрение – не очень надежный показатель. Ведь одобрение или неодобрение могут быть вызваны самыми разными соображениями: это может быть морально-этическая позиция, озабоченность интересами государства (как мы увидим позже, есть и такие сознательные граждане), личный (положительный или отрицательный) опыт и т. п. Поэтому мы задали респондентам “грубо материальный” вопрос: что выгоднее самим работникам – “белая” или “серая” зарплата?

“Белая” или “серая” – что выгоднее?

Подавляющее большинство россиян (63%) полагают, что зарплату выгоднее получать официально, по ведомости, и только 14% считают более выгодными “теневые” расчеты с работодателем (см. *график 3*). В целом по выборке схожие результаты были получены и в ходе опроса 2005 года.

Как Вы думаете, что выгоднее работникам: получать всю зарплату официально, по ведомости или получать всю зарплату или ее часть неофициально, “в конверте”?

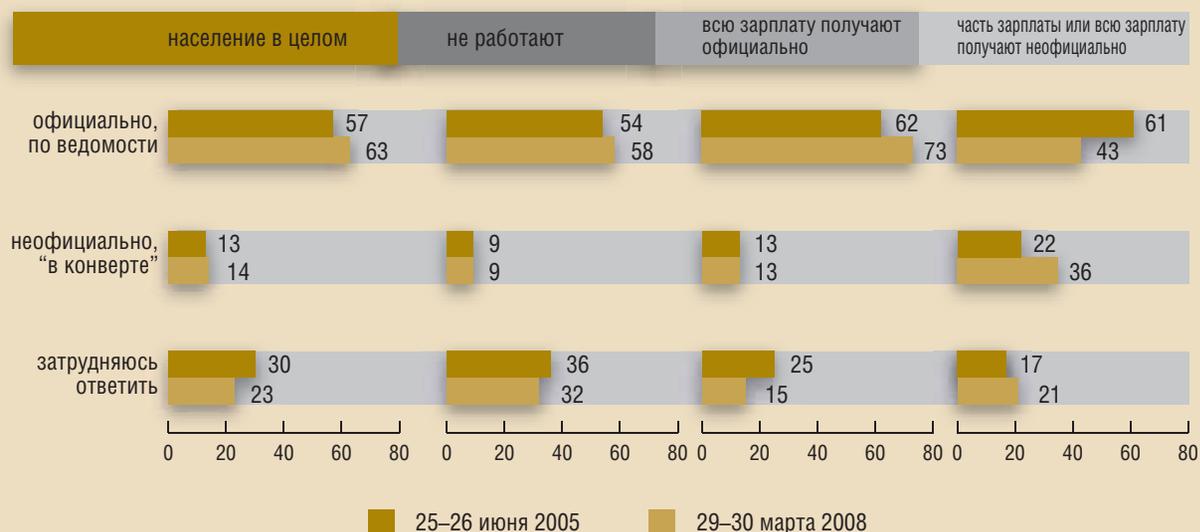

График 3. Выгодность официальной и неофициальной оплаты труда, 2005–2008 годы

Если снова отдельно рассмотреть тех, кто получает “теневую” зарплату (всю или часть), то мы опять увидим, что треть из них (36%) более выгодным считают именно тот вариант, который они выбрали, то есть полный или частичный уход “в тень”. Однако все же большая их часть (43%) считают, что “серая” зарплата – неоптимальный вариант для наемного работника. Иными словами, они полагают, что работники в целом выиграли бы, если бы перешли на официальную зарплату. Таким образом, и здесь в группе “теневиков” мы видим две представительные подгруппы, расходящиеся во мнении относительно осуществляемой ими практики.

Если сравнить тех, кто получает неофициально часть зарплаты и всю зарплату, то можно заметить существенные различия (табл. 2). В обеих группах доли тех, кто считает более выгодной официальную зарплату, примерно одинаковы, однако среди первых она превышает долю отдающих предпочтение “серой” схеме в полтора раза, а среди вторых доли приверженцев “белой” и “серой” схем примерно равны.

Посмотрим еще раз на особенности группы “частичных теневиков”: сравнительно низкая (на фоне “полных теневиков”) доля предпочитающих “серую” зарплату, высокая доля не определившихся с ответом. Чем обусловлены эти особенности? Во-первых, это может говорить о довольно сильной неуверенности группы “частичных теневиков” в правильности своих нынешних “полутеневых” отношений с работодателем. Как было показано выше, группу получающих “всерую” только часть зарплаты составляют слои, находящиеся в среднем несколько выше на лестнице социальной стратификации, нежели полностью “теневая” группа. Более высокий статус (по образованию и уровню дохода) дает возможность для поиска альтернативных мест работы и вообще обеспечивает определенную свободу маневра, так что неуверенность в оптимальности сво-

Табл. 2. *Выгодность официальной и неофициальной оплаты труда, 2008 год*

Как Вы думаете, что выгоднее работникам: получать всю зарплату официально, по ведомости или получать всю зарплату или ее часть неофициально, “в конверте”?	Скажите, пожалуйста, Вы получаете всю свою зарплату официально, по ведомости или Вы получаете часть зарплаты неофициально, “в конверте”? Или же все то, что Вы зарабатываете, Вы получаете неофициально?				
	я не работаю	всю зарплату получаю официально	часть зарплаты получаю неофициально	все, что зарабатываю, получаю неофициально	затрудняюсь ответить
официально, по ведомости	58	73	45	41	46
неофициально, “в конверте”	9	13	29	42	28
затрудняюсь ответить	32	15	26	17	26

Табл. 3. *Отношение к неофициальной зарплате и ее относительная выгодность, 2008 год*

Как Вы думаете, что выгоднее работникам: получать всю зарплату официально, по ведомости или получать всю зарплату или ее часть неофициально, “в конверте”?	Как Вы относитесь к тому, что иногда часть зарплаты выплачивается неофициально, “в конверте”, – Вы одобряете такую форму оплаты труда, не одобряете или Вам это безразлично?			
	одобряю	мне это безразлично	не одобряю	затрудняюсь ответить
официально, по ведомости	31	39	86	30
неофициально, “в конверте”	58	17	6	6
затрудняюсь ответить	11	44	8	64

его “полутеневого” положения подкреплена возможностями найти альтернативу неформальному трудоустройству. Во-вторых, “полутеневикам” психологически проще предпочесть “белую” зарплату, нежели тем, у кого вся зарплата “теневая”: они ведь “белую” зарплату тоже получают, работают по договору. Следовательно, для них сказать, что “белая” зарплата лучше “серой”, – не значит негативно оценить собственное поведение.

Заметим, что одобрение зарплаты “в конверте” и оценка ее выгодности в сравнении с “белой” зарплатой сильно взаимосвязаны: 86% из тех, кто не одобряет “серые” схемы оплаты труда, считают более выгодной “белую” зарплату (обратного мнения придерживаются только 6% этой группы), а 58% одобряющих зарплату “в конверте” считают ее еще и более выгодной для работника (31% из них полагают, что выгоднее все же получать зарплату по ведомости) (табл. 3).

Аргументы в пользу “белой” и “серой” зарплаты

После вопроса, что более выгодно для работника – “белая” или “серая” зарплата, – респондентов просили прокомментировать свой выбор (задавались открыто вопросы на эту тему). Результаты опросов 2005 и 2008 годов в целом близки, поэтому остановимся на более свежих данных. Отметим, что доводы тех, кто всю зарплату получает по ведомости, и тех, кто полностью и частично получает ее “в конверте”, в общем и целом одинаковы. Начнем с аргументов тех, кто говорит, что для работника более выгодной является официальная зарплата.

Выгоды официальной зарплаты. Все доводы можно разделить на три существенно отличающихся друг от друга типа: институциональные, контрактные и “этатистские”.

Институциональные аргументы. Большинство тех, кто отдает предпочтение “белой” зарплате, отметили, что она позволяет в будущем рассчитывать на более высокую пенсию. Это самый популярный аргумент – его привели 44% опрошенных. Указывались и другие естественные преимущества легальных трудовых отношений: оплачиваемые отпуска, больничные (3%), льготы, социальные гарантии и защищенность благодаря отчислениям с “белой” зарплаты (6%), облегчение возможности взять кредит в банке (3%), начисление трудового стажа (2%).

В данном случае респонденты апеллируют к тем нормам трудового законодательства, которые защищают интересы работников. Человек, который в своей трудовой дея-

тельности подчиняется регулирующим сферу труда нормам, автоматически подпадает под их защиту¹³.

Контрактные аргументы. Отмечались и принципиально другие преимущества официальной зарплаты для работника. Так, 11% опрошенных считают, что официальная зарплата надежнее, она предоставляет работодателю меньше возможностей обмануть работника, недоплатить ему. Причем так полагают не только те, кто сам всю зарплату получает официально и строит догадки, как же все устроено там, “в тени”, но и те, кто непосредственно вовлечен в “теневую” практику. К этой группе примыкают еще 10% респондентов, заявивших, что при официальной зарплате работник точно знает ее размер, а также за что он ее получает. Снова отметим, что так с одинаковой частотой полагают получающие и официальную, и “теневую” зарплату. Здесь характерны следующие высказывания: *“знаю свою ставку, за нее расписываюсь, а в конверте не знаю, сколько положено”, “какая там сумма может быть, да же неизвестно”*.

Часть респондентов указывали такое преимущество официальной зарплаты, как возможность предъявлять претензии к работодателю и на основании закона защищать свои права: *“...если не заплатили – доказать можно, раз все по бумаге”; “чтобы было с кого спросить за неполученную зарплату”* (2%). Столько же опрошенных заявили, что при “белой” зарплате устанавливаются более определенные, более формализованные и независимые отношения с работодателем, и это препятствует произволу с его стороны: *“более стабильные отношения с руководством”, “так меньше возможностей манипулировать работником”, “больше независимости в отношениях с руководством”* (2%). Наконец, еще 2% сказали, что неофициальная зарплата выгодна только работодателям, а работникам это ничего, кроме издержек, не дает: *“если не по ведомости, то это выгодно только работодателю, а работники страдают”, “чтобы начальство не разбогатело за счет нас”, “это какая-то афера со стороны работодателя”*.

¹³ В скобках заметим, что “частично теневая” оплата труда не обязательно подразумевает лишение всех бонусов легальных трудовых отношений.

Две трети россиян полагают, что зарплату выгоднее получать официально, по ведомости, и только седьмая часть считают более выгодными “теневые” расчеты с работодателем

Такого рода аргументы мы назвали контрактными. Контракт работника с работодателем может быть официальным и неформальным, пункты контракта могут обговариваться или подразумеваться – не в этом суть. Суть в том, что есть две стороны, каждая из которых берет на себя определенные обязательства и ждет выполнения обязательств со стороны контрагента. Помимо этого, у сторон есть больше или меньше возможностей принуждать другую сторону к выполнению обязательств. Как правило, таких возможностей у наемного работника заведомо меньше, но в случае формального трудового договора на его стороне оказывается закон, к выполнению которого принуждает могущественная третья сторона – государство. В случае неформальной договоренности с работодателем у работника нет этого рычага воздействия. И все вышеперечисленные аргументы говорят о его необходимости. При этом работодатель предстает источником повышенных рисков для работника при заключении “теневого” трудового контракта.

“Этатистские” аргументы. Существует и третья группа доводов в пользу официальной зарплаты. Так, 11% опрошенных полагают, что должна существовать только “белая” зарплата, так как все должно быть честно, по зако-

Общедоступные критерии самостоятельной оценки рисков для налогоплательщиков, используемые налоговыми органами в процессе отбора объектов для проведения выездных налоговых проверок

- 1 Налоговая нагрузка у данного налогоплательщика ниже ее среднего уровня по хозяйствующим субъектам в конкретной отрасли (виду экономической деятельности).
- 2 Отражение в бухгалтерской или налоговой отчетности убытков на протяжении нескольких налоговых периодов.
- 3 Отражение в налоговой отчетности значительных сумм налоговых вычетов за определенный период.
- 4 Опережающий темп роста расходов над темпом роста доходов от реализации товаров (работ, услуг).
- 5 Выплата среднемесячной заработной платы на одного работника ниже среднего уровня по виду экономической деятельности в субъекте Российской Федерации.
- 6 Неоднократное приближение к предельному значению установленных Налоговым кодексом Российской Федерации величин показателей, предоставляющих право применять налогоплательщикам специальные налоговые режимы.
- 7 Отражение индивидуальным предпринимателем суммы расхода, максимально приближенной к сумме его дохода, полученного за календарный год.
- 8 Построение финансово-хозяйственной деятельности на основе заключения договоров с контрагентами-перекупщиками или посредниками (“цепочки контрагентов”) без наличия разумных экономических или иных причин (деловой цели).
- 9 Непредставление налогоплательщиком пояснений на уведомление налогового органа о выявлении несоответствия показателей деятельности.
- 10 Неоднократное снятие с учета и постановка на учет в налоговых органах налогоплательщика в связи с изменением места нахождения (“миграция” между налоговыми органами).
- 11 Значительное отклонение уровня рентабельности по данным бухгалтерского учета от уровня рентабельности для данной сферы деятельности по данным статистики.

ну, за нарушение которого возможны санкции: *“по закону это запрещено, значит, надо это прекратить и не думать ни о чьей выгоде”, “мы не привыкли воровать”, “в конверте – это незаконно, могут привлечь к ответственности”*¹⁴.

Еще 8% рассуждают с позиций государственных интересов. Они отмечают, что формальные отношения работодателя и наемного работника отвечают интересам государства, так как с официальных зарплат платятся налоги в казну: *“налоги большие – и государство, и мы богаче”; “налоги – оплот государства”*.

Может показаться, что респонденты элементарно не поняли вопроса: их

ведь спрашивали, что выгоднее для работника – “белая” или “серая” зарплата, а они не пойми о чем говорят. Ну, боязнь санкций со стороны государства – это понятно, какой-никакой, но “личный” мотив. С косвенной выгодой от налогов уже сложнее. А остальное? Можно было бы рассматривать эти аргументы как не относящиеся к заданному вопросу, если бы не довольно существенная доля респондентов, ответивших подобным образом. Представляется, что за непониманием здесь кроется

вполне осознанная установка: официальная зарплата выгодна обществу в целом, а значит – и работникам, о выгоде которых, собственно, и спрашивали. Эти респонденты не рассуждают в терминах индивидуальной выгоды работника и просто “не слышат” вопроса об этом. Поэтому мы и назвали аргументы такого типа в целом “этатистскими”.

Выгоды зарплаты “в конверте”. Перейдем к ответам тех, кто полагает, что работнику выгоднее получать зарплату (всю или часть) “в конверте”. Здесь респонденты всех трех групп – получающие зарплату официально, частично неофициально и полностью неофициально – также проявили завидное единодушие: отличий между этими тремя группами не наблюдается. По сути, почти все представленные доводы можно свести к одному: в результате “серых” схем оплаты труда работник получает на руки больше денег (так заявили 12% респондентов по выборке). Все же можно выделить две основные причины, по которым люди считают “серую” зарплату более высокой, чем “белая”: “теневая” зарплата больше сама по себе; она больше на величину невыплаченных налогов.

Непосредственно об экономии на налогах упомянули 7% опрошенных. При этом довольно часто люди называли налоги несправедливыми, грабительскими, говорили о неэффективном использовании налогов государством: *“нет смысла отдавать налоги государству, которые все равно потом сгорят, не вижу результата от отчисления налогов”, “уход от грабительских налогов, работа стоит тех денег, которые работага должен получать”, “уход от налогов несправедливых, оплата по труду”*.

О большей величине “серой” зарплаты заявили 5% респондентов: *“видимо, в конвертах платят побольше”, “размер неофициальной зарплаты всегда*

¹⁴ Кстати, если факт “серых” зарплат будет обнаружен соответствующими государственными органами, то наказание понесет только работодатель, так что здесь респонденты зря боятся карающей руки власти.

Недовольство “теневой” зарплатой в целом не означает недовольства собственным положением и желанием что-то в нем менять

больше”. Однако когда мы слышим такие фразы, как: “работодатель может больше заплатить”, “так больше платят, жить надо сейчас, а не потом, когда будешь пенсионером”, то создается ощущение, что респонденты подразумевают именно “налоговый бонус” к зарплате. Так что мы полагаем, что граница между двумя этими аргументами весьма условна.

Вместо заключения

Можно ли в обозримом будущем ожидать каких-либо изменений в соотношении “белых” и “серых” зарплат? Полагаем, что если они и начнутся, то не очень скоро. Во-первых, недовольство “теневого” зарплатой в целом не означает недовольства собственным положением и желания что-то в нем менять. Во-вторых, когда в ходе опроса 2005 года респондентам был задан вопрос, могут ли работники, получающие всю или часть зарплаты неофициально, добиться перехода на “белую” зарплату, оказалось, что люди не очень-то в это верят: половина опрошенных ответили, что сделать это работникам не под силу (о том, что работники способны “выйти из тени”, заявили 25%). Еще более пессимистично настроены те участники опроса, кто лично вовлечен в неформальные трудовые отношения: среди них 69% считают, что работники не могут добиться перехода на официальную зарплату.

В конце укажем на несколько существенных различий между результатами опросов 2005 и 2008 годов, которые мы пока не беремся объяснить. “Теневики” стали заметно толерантнее относиться к зарплате “в конверте” (доля не одобряющих “серую” зарплату упала среди них с 47 до 34%), при том что в других группах негативных оценок в ее адрес стало даже больше. А вот люди, получающие “белую” зарплату, стали гораздо чаще оценивать ее как более выгодную для работника по сравнению с “серой” (доля считающих таким образом выросла с 62 до 73%). Среди же получающих неофициальную зарплату (всю или часть), напротив, изменения зеркальные: выросла доля тех, кто считает более выгодной именно “серую” зарплату (с 22 до 35%). Трудность объяснения таких резких сдвигов усугубляется тем, что на данный момент не ясно, являются ли они устойчивыми (для того чтобы это проверить, надо по прошествии некоторого времени получить еще несколько распределений ответов по тем же вопросам). ■

Литература

Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: ГУ–ВШЭ, 2004.

Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004.

Радаев В. В. Экономическая социология. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.

Шанин Т. Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.

М. Иванова

Человек с оружием: границы мифа в общественном сознании

No trespassing.
Violators will be shot.
Survivors will be shot again.

*Надпись на американском столбе**

Огнестрельное оружие: опасность и безопасность

Навык стрельбы из огнестрельного оружия в нашей стране распространен довольно широко. По данным апрельского опроса ФОМ 2008 года¹, умеют стрелять две трети респондентов-мужчин (69%) – сказывается всеобщая воинская обязанность – и более десятой части женщин (12%).

Три четверти опрошенных (74%) негативно относятся к идее введения свободной продажи боевого огнестрельного оружия (среди женщин – 84%, среди мужчин – 63%); одобрили бы такое новшество 14% респондентов, 12% – затруднились с ответом (*график 1*)².

В целом отношение россиян к оружию можно охарактеризовать как противоречивое: оружие ассоциируется как с опасностью, так и с безопасностью. Про-

* Нарушение границы запрещено. Нарушители будут застрелены. Выжившие будут застрелены повторно". Приведено по: Посторонним В. Проблема зарубежных поисковиков и русских селян. Псевдоним автора Mole man <http://xlt.narod.ru/texts/trespass1.html>

¹ В статье использованы данные общероссийских опросов населения 2007–2008 годов. Тема последнего общероссийского опроса от 26–27 апреля 2008 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов) – доступ к огнестрельному оружию и идея введения его свободной продажи.

² Отметим, что публикация данных исследования о продаже огнестрельного оружия вызвала широкий резонанс в стрелковом интернет-сообществе, где формулировка вопроса (“В некоторых странах разрешена свободная продажа огнестрельного оружия. Речь идет не об охотничьем, а о боевом оружии – таком, как пистолеты. Если в России будет разрешена свободная продажа оружия совершеннолетним, законопослушным и психически здоровым гражданам, то как Вы отнесетесь к такому решению – положительно или отрицательно?”) вызвала отторжение и крайне негативные (а зачастую – и нецензурные) отклики (<http://talks.guns.ru/forummessage/22/323151-0.html>).

Причина такой реакции экспертов состоит в том, что формально ни о какой “свободной продаже” огнестрельного оружия широким массам населения речи не идет. Предлагаемые иногда изменения в законах подразумевают введение возможности получить разрешение на короткоствольное оружие (то есть “боевое”, такое, как пистолеты, которое можно скрыто носить под одеждой) вдобавок к имеющейся на сегодня возможности получения разрешения на оружие длинноствольное (например, охотничьи ружья, которые уже так просто не спрячешь). И несмотря на то что в вопросе оговорено, что речь идет о продаже огнестрельного оружия лишь “совершеннолетним, законопослушным и физически здоровым гражданам” (то есть фактически прошедшим офи-

В некоторых странах разрешена свободная продажа огнестрельного оружия. Речь идет не об охотничьем, а о боевом оружии – таком, как пистолеты. Если в России будет разрешена свободная продажа оружия совершеннолетним, законопослушным и психически здоровым гражданам, то как Вы отнесетесь к такому решению – положительно или отрицательно?

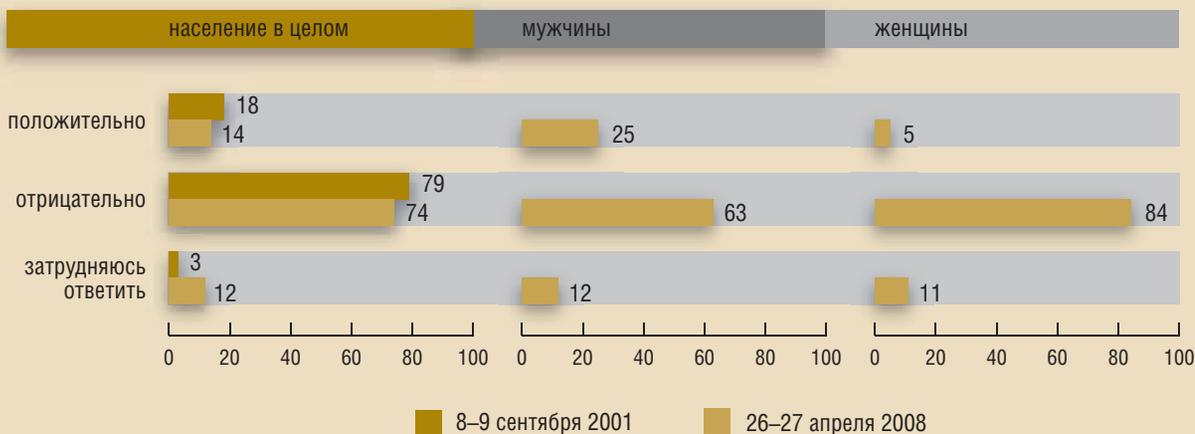

График 1

тивники легализации продажи боевого огнестрельного оружия в ответах на соответствующий открытый вопрос объясняли свою точку зрения тем, что, по их мнению, это приведет к увеличению числа убийств (15%), всплеску насилия (12%), беспорядкам (4%), сделает повседневную жизнь опаснее (“будет страшно выйти на улицу” – 4%), вообще – принесет одни неприятности (2%). Кроме того, многие считают, что россияне не готовы к массовой продаже оружия: люди агрессивны (8%), непредсказуемы (2%), у них “нет культуры обращения с огнестрельным оружием” (7%), много алкоголиков, наркоманов (“в России очень многие пьют, и все будут хвататься за оружие, даже дети” – 3%). То есть наличие оружия зачастую воспринимается в качестве “катализатора” насилия и агрессии – как в обществе в целом, так и со стороны отдельных граждан.

Подобные опасения прослеживаются и в ответах на закрытый вопрос о вероятных последствиях легализации продажи оружия: большинство респондентов (80%) уверены, что такой шаг привел бы к росту преступности, 8% считают, что он не сказался бы на уровне преступности, и лишь 4% говорят, что последний снизился бы.

Сторонники расширения продажи огнестрельного оружия считают, что его наличие дает людям возможность контролировать опасность. Мотивируя свою позицию (им также был задан открытый вопрос), они чаще всего привели следующие аргументы: это дает возможность защитить себя и свою семью (7%); жизнь сегодня опасна (“слишком много бандитов” – 3%); необходимо

циальную проверку – тем, кто и сегодня может владеть ружьем), эксперты считают недопустимым само словосочетание “свободная продажа огнестрельного оружия”.

Однако в рамках массового исследования использовалось наиболее расхожее клише, присутствующее (в отличие от дискуссии о расширении прав на ношение различных типов оружия) в общественном дискурсе. Кроме того, как мы увидим дальше, в общественном сознании преобладает негативное отношение к идее пребывания оружия в собственности граждан – вне зависимости от формулировки вопроса.

противостоять преступникам (“у бандитов есть <оружие>, у нас – нет” – 1%); “в трудные моменты надеяться не на кого” (1%).

О том же говорилось на фокус-группах, посвященных теме безопасности жилья³.

“...Когда я работал после армии... я постоянно ходил с личным оружием – я чувствовал себя в безопасности...” (ДФГ, Москва).

Таким образом, иметь оружие означает в какой-то мере уравнивать свои шансы с шансами преступников, оставаясь при этом под защитой закона.

Тема противостояния преступникам с оружием в руках становится актуальной на фоне неэффективности институтов, которые должны обеспечивать безопасность граждан на государственном уровне. Ответственность за поддержание безопасности возлагается на государство, но уровень доверия к его институтам, в том числе к правоохранительным органам, не высок. Так, по данным июльского опроса 2008 года⁴, треть респондентов (32%) негативно оценивают работу милиции, 39% считают ее удовлетворительной, и лишь 13% – хорошей и отличной. Молодежь оценивает работу милиции несколько более позитивно,

чем старшие (19% – как хорошую или отличную, 28% – как плохую или очень плохую). По данным опроса 2007 года, ГИБДД своего региона доверяют 23% респондентов, милиции и правоохранительным органам – 27%, судам – 29% (не доверяют – соответственно 51, 55 и 40%.⁵). По словам участников ДФГ, “...помощи от милиции не дождешься ни дома, ни на улице” (ДФГ, Москва).

Обстановку в российском обществе сегодня трудно назвать безопасной. Даже у себя дома люди не защищены от

нежелательных вторжений. По данным апрельского опроса 2008 года⁶, тема защиты жилья от взломов, грабежей и поджогов актуальна для многих наших сограждан: 46% респондентов полагают, что в их местности такого рода случаи происходят – часто (11%) или редко (35%); 38% говорят, что подобных посягательств не случается. Более половины опрошенных (53%) считают, что их жилье недостаточно защищено от злоумышленников; в два с лишним раза меньше тех, кто уверен в неприступности своего жилища, – 22%.

Противоречив и образ потенциального владельца огнестрельного оружия, существующий в массовом сознании. Судя по ответам респондентов на открытый вопрос о том, кто, какие люди, по их мнению, стали бы покупать огнестрельное оружие⁷, в портрете такого человека преобладают негативные черты. Чаще всего респонденты говорили, что оружие купят либо преступники (20%), либо богачи, “у кого миллионы” (18%); при этом одни имеют в виду, что “богатым и сверхбогатым” есть что защищать, а другие – что “оружие дорогое” и доступно

³ Дискуссионные фокус-группы проведены 29 апреля 2008 года в Москве, Новосибирске и Самаре.

⁴ Общероссийский опрос населения от 5–6 июля 2008 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

⁵ Общероссийский опрос населения от 3–4 ноября 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

⁶ Общероссийский опрос населения от 19–20 апреля 2008 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

⁷ Опрос от 26–27 апреля 2008 года.

В целом отношение россиян к оружию можно охарактеризовать как противоречивое; оружие ассоциируется как с опасностью, так и с безопасностью

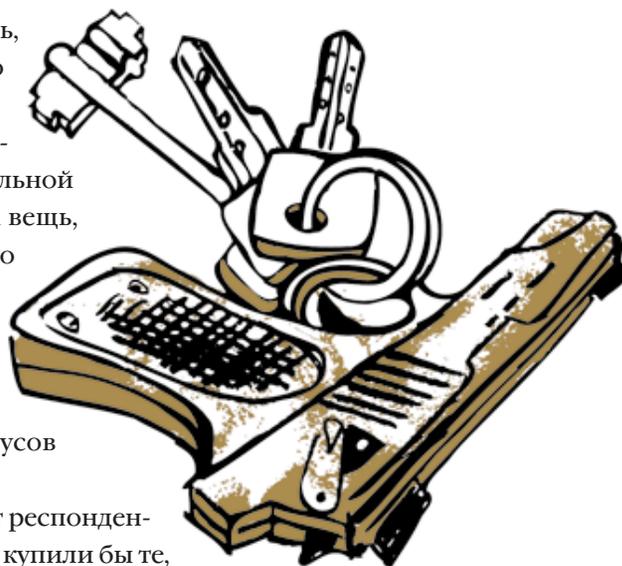
только очень состоятельным людям. Здесь нужно заметить, что средняя стоимость огнестрельного оружия – от 12 000 до 45 000 рублей: сумма достаточно большая, но явно не требующая от покупателя “олигархического” достатка. Вероятно, люди не имеют даже примерного представления о реальной стоимости оружия и, кроме того, рассматривают его как вещь, не относящуюся к категории предметов не только первой, но и “десятой” необходимости.

К потенциальным владельцам оружия респонденты причисляли также людей неадекватных – то есть психически ненормальных, агрессивных (по 3%), мстительных, чувствующих вину (по 1%), слабых (2%) или трусов (1%), маргиналов или наркоманов (1%).

Однако потенциальные владельцы оружия получали от респондентов и позитивные характеристики. Говорилось, что оружие купили бы те, кто хочет защитить своих близких (8%), “кто нормально живет, кому охранять наработанное имущество и хозяйство надо” (4%).

Также звучали и нейтральные мнения. Кто-то предполагает, что оружие будут покупать обычные люди (6%) или все, кто сможет это себе позволить (2%). Упоминались самые разные группы людей: бизнесмены, предприниматели (7%), молодежь (6%), охотники, любители оружия, люди, чья работа связана с риском (по 1%); мужчины – поскольку им нравится оружие; женщины – поскольку им необходимо себя защитить (по 1%).

Отвечая на другой вопрос, пятая часть респондентов (19%) сказали, что в случае легализации торговли оружием купят его для себя (чаще об этом говорили мужчины и респонденты в возрасте до 35 лет – 32 и 27% соответственно); большинство же – 78% – не изъявили такого желания. Отметим, что сегодня готовность приобрести оружие россияне выражают значительно реже, чем в апреле 2001 года, когда им был задан тот же вопрос, – тогда было 27% (график 2). Близкие участников опроса, по мнению последних, в данном вопросе придерживаются примерно тех же позиций: 17% опрошенных говорят, что кто-то из членов их семьи купил бы оружие; 66% – что нет.

Если будет принят закон о свободной продаже оружия, Вы лично купите или не купите оружие?

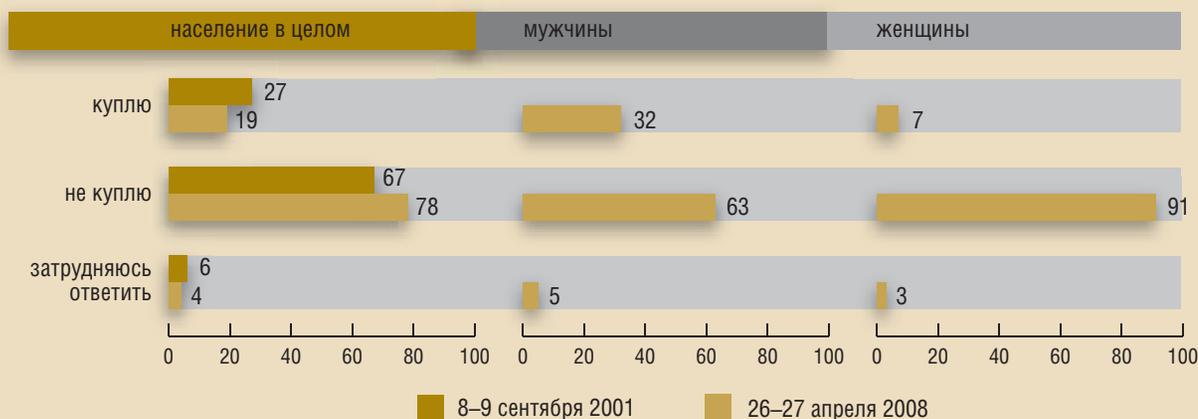

График 2

Мнения респондентов относительно выбора, который сделали бы в таком случае их друзья или знакомые, не столь однозначны. Более трети участников опроса (39%) уверены, что люди из их окружения купили бы огнестрельное оружие, при этом 16% считают, что так поступили бы многие (в высокоресурсных

группах и среди мужчин – от пятой части до четверти), а 23% – что немногие. Четверть опрошенных (24%) полагают, что оружие в их окружении не купил бы никто (среди женщин и людей старшего возраста об этом говорят 29 и 35% соответственно), а 37% затруднились с ответом.

Сегодня, по данным того же опроса, имеют оружие на легальных основаниях лишь 6% наших сограждан (среди москвичей – 10%); поскольку эта группа невелика, затруднительно делать однозначные выводы относительно ее специфики.

Вполне естественно, что позиции респондентов в вопросах легализации и покупки оружия зависят от их социально-демографических характеристик.

Снова обратимся к данным опроса от 26–27 апреля 2008 года. Сторонники легализации продажи огнестрельного

оружия – это, как правило, респонденты из высокодоходных групп. Так, среди мужчин с высокими доходами ее одобрили бы 30%, то есть в два раза больше, чем по выборке в среднем, и в шесть раз больше, чем среди женщин. Среди женщин с высокими доходами значимо меньше тех, кто не одобряет данную идею (72% против 84% среди женщин в целом). Кроме того, для граждан из высокоресурсных групп чаще характерно знакомство с законными владельцами огнестрельного оружия: среди людей с высшим образованием, лиц с высокими доходами, молодежи и москвичей доля тех, чьи знакомые или друзья имеют оружие, составляет 23–25%, в то время как в среднем по выборке – 17%.

Мужчины воспринимают все связанное с оружием позитивнее, нежели женщины, традиционно настроенные более “пацифистски” (как ответила од-

Беда в том, что люди верят в то, что если право на ношение пистолетов будет только у государственных органов, то им будет лучше. И никакие аргументы их не переубедят. Логикой веру не перешибить. Вот изнасилованием, избиением, убийством веру перешибить можно, тогда они начнут задумываться о мировоззрении – но не раньше.

Собственно, вера в госмонополию на оружие – частный случай веры в государственные предприятия. Вот верят люди, что бесплатная медицина – хорошо; что бесплатное образование – хорошо; что всеобщая пенсия – хорошо. Также верят и в госмонополию на оружие. Это социалистическое (коммунистическое) мировоззрение, типа: “Я человек маленький, а государство пусть за меня думает”. И таких людей – большинство, практически в любой стране.

Интернет-форум, посвященный огнестрельному оружию. Дискуссия по поводу результатов опроса ФОМа
автор: avryabov
<http://talks.guns.ru/forummessage/22/323151-3.html>

Обстановку в российском обществе сегодня сложно назвать безопасной. Тема защиты жилья от взломов, грабежей и поджогов актуальна для многих наших сограждан: 46% респондентов полагают, что в их местности такого рода случаи с той или иной частотой происходят; 53% считают, что их жилье недостаточно защищено от злоумышленников

на респондентка на вопрос о том, почему она против легализации продажи оружия, “женщины всегда за мир”). Женщины чаще мужчин негативно оценивают идею легализации продажи оружия (84% против 63%); считают, что свободная продажа оружия приведет к росту преступности (86% против 73%); заявляют, что не станут покупать оружие в случае легализации продаж (91% против 63%).

Люди старшего возраста также негативно настроены по отношению к огнестрельному оружию. Среди пожилых людей идею его легализации не одобряют 81% (в среднем – 74%). Причем в данном случае не играет роли то, что среди пожилых больше женщин. Если рассматривать только мужчин, то доля негативно воспринимающих свободную продажу оружия все равно больше среди пожилых: 69% среди тех, кто старше 54 лет, и по 58% – среди представителей среднего и более молодого возраста.

Безоружный и вооруженный – две модели отношения к миру

Иметь оружие – значит потенциально поддерживать и отстаивать личную безопасность, вне зависимости от того, обеспечена ли безопасность общественная. В то же время защита граждан – это прямая обязанность государства. Однако, как мы уже упоминали, большинство наших сограждан сегодня не считают, что правоохранительные органы способны их защитить. При этом как по результатам массовых опросов, так и по данным ДФГ можно выделить группу респондентов, не приемлющих вооруженную самозащиту потому, что в этом им видится посягательство на государственную монополию легитимного физического насилия⁸. Так, в ходе апрельского опроса 2008 года⁹ противники введения свободной продажи оружия, в числе прочего, объясняли свою точку зрения тем, что обычным людям не следует иметь оружие (6%), оно нужно только “тем, кто должен защищать людей” (1%).

В ходе фокус-групп, посвященных теме безопасности жилья, обязательно возникало более или менее напряженное противостояние сторонников “индивидуальной” и “коллективно-общественной” моделей безопасности. Причем приверженцы второй модели занимали агрессивную позицию по отношению к сторонникам первой, предполагающей самостоятельную защиту своей жизни и собственности, приписывая оппонентам такие черты, как эгоизм, индивидуализм, недружелюбие.

⁸ В свое время М. Вебер писал об этой монополии на легитимное насилие следующее: “...Государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области – “область” включается в признак! – претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие: единственным источником “права” на насилие считается государство”. Политика как призвание и профессия. Цит. по: Вебер М. <http://www.socioline.ru/node/744>

⁹ Опрос от 26–27 апреля 2008 года.

Это не просто возрастной конфликт настроенных на коллективную ответственность “отцов” и готовых самостоятельно отвечать за собственную безопасность “детей” или гендерный конфликт “воинственных” мужчин и женщин-“пацифисток” (хотя обе закономерности выявляются в ходе групповых дискуссий так же, как и в данных массовых опросов) – это конфликт двух мировоззрений, разных жизненных стилей.

Показательными оказались уже ассоциации, которые вызвала в ходе групповых дискуссий фраза “Мой дом – моя крепость”. Для многих участников ДФГ “дом” – это “не в прямом смысле крепость, чтоб отстреливаться, а вот именно какой-то коллектив людей, которые тебя понимают, принимают, дружеский такой” (ДФГ, Самара), и главные его характеристики – “любовь, тепло, уют”, возможность быть собой. И таких людей вовсе не воодушевляет возможность и необходимость защищать свое жилище, свою частную собственность самостоятельно:

“Нет, мне не нравится “Мой дом – моя крепость”, у меня сразу ассоциация, что людей взяли, закрыли за две двери, вот как сейчас – железные, брильянтовые, и сидят там, и что никто не войдет, и вот они там три, четыре, восемь, десять часов, наконец-то от мира оторвались, и отсилятся, из бункера выйдут и опять начнут жить” (ДФГ, Самара).

Некоторые респонденты напрямую говорили о существовании двух концепций безопасности – личной и коллективной, относя вторую главным образом к советским временам и рассматривая ее как разрушающуюся.

“...Сейчас мы защищаемся каждый сам – дверями, сигнализациями, а тогда была безопасность коллективная, тогда с милиции спрашивали больше, чем сейчас, поэтому преступность была ниже. Конечно, может, от нас скрывали, ну, в любом случае, уличной преступности разгула такого не было, как сейчас, поэтому безопасность просто была другого типа, чем сейчас” (ДФГ, Самара).

Окончание на стр. 61 →

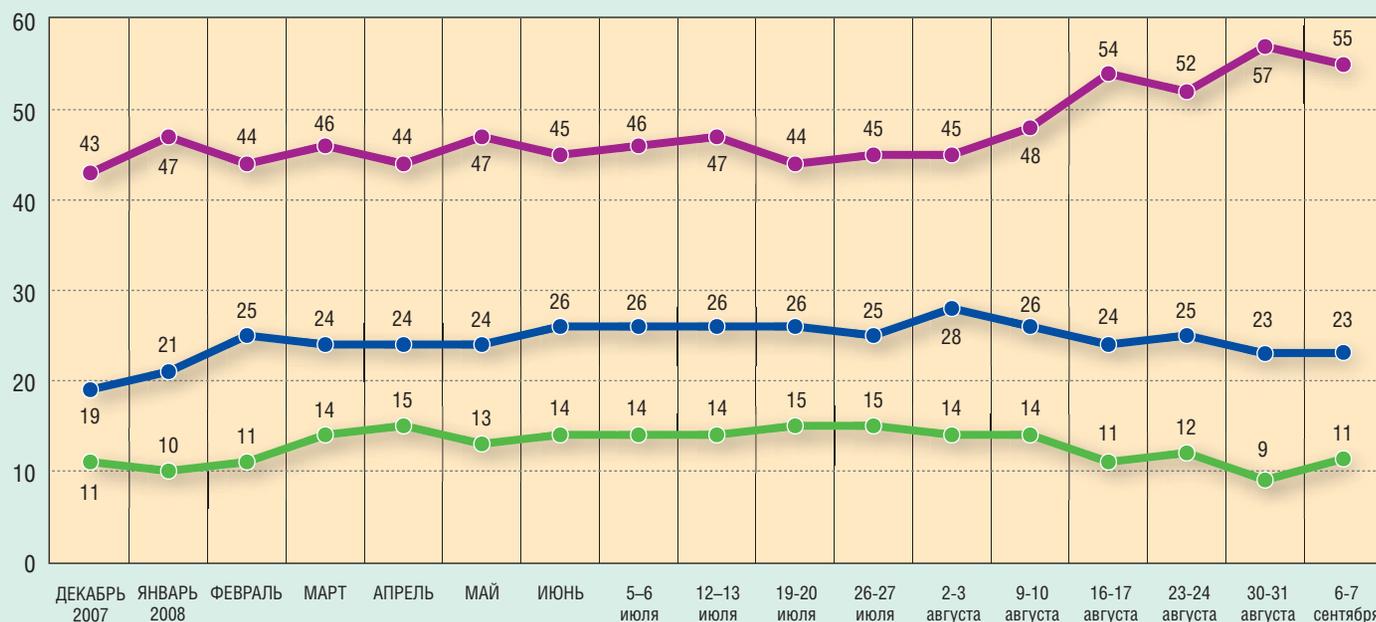
В нынешней России, при таком уровне продажности и полной девальвации совести и служебного долга, никакой иной продажи и не может быть: либо никакая, либо почти свободная. Для всех, кто знает нужного человека в разрешительных органах и имеет некий вполне подъемный запас денег и отсутствие морали, она будет свободная. Рассуждение же по поводу свободы и рабства вообще не к месту в данном вопросе. Свобода – понятие нравственное, и она либо есть у человека с молодых ногтей, либо ее нет и не будет уже никогда, и никакими суррогатами из стали с просверленным каналом ее не приобретешь. Свободный человек изначально поведет себя так, что его либо не тронут, либо он примет свою участь, стоя на ногах и глядя в лицо врагу. А несвободный с железкой будет палить с дрожащей руки, и если выживет (что маловероятно), станет потом слезно и жалобно канючить в милиции, что он не виноват, а они сами напали

Интернет-форум, посвященный огнестрельному оружию. Дискуссия по поводу результатов опроса ФОМа
автор: Andrew_M
<http://talks.guns.ru/forummessage/152/328724.html>

Президент и премьер-министр: рейтинги доверия

Данные в % от населения

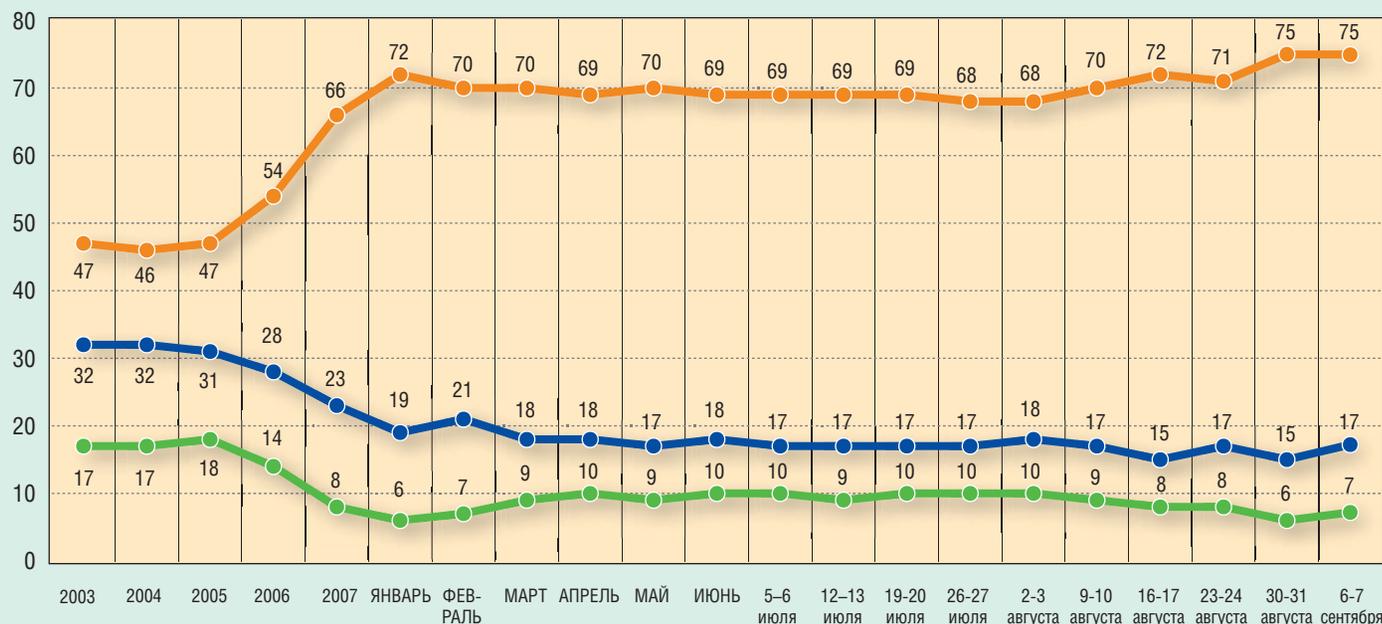
Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете президенту РФ Д. Медведеву? * (Карточка, один ответ)

* С 22 декабря 2007 г. по 24 февраля 2008 г. вопрос задавался в следующей формулировке: "Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете первому вице-премьеру правительства России Дмитрию Медведеву?"; с 8 марта по 27 апреля 2008 г.: "Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете Дмитрию Медведеву?"

● доверяю ● отчасти доверяю, отчасти нет ● не доверяю

Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете главе правительства РФ В. Путину? * (Карточка, один ответ)

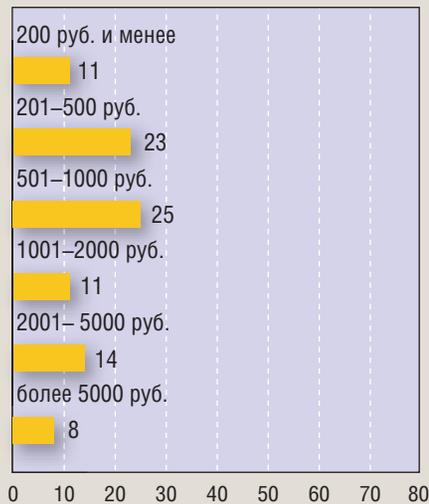
* До 24 февраля 2008 г. вопрос задавался в следующей формулировке: "Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете президенту Российской Федерации Владимиру Путину?"; с 8 марта по 27 апреля 2008 г.: "Скажите, пожалуйста, Вы доверяете или не доверяете Владимиру Путину?"

● доверяю ● отчасти доверяю, отчасти нет ● не доверяю

Деньги в кошельке

Данные в % от населения

Какая минимальная сумма в наличных рублях должна быть у Вас при себе, чтобы Вы чувствовали себя комфортно, выходя из дома?

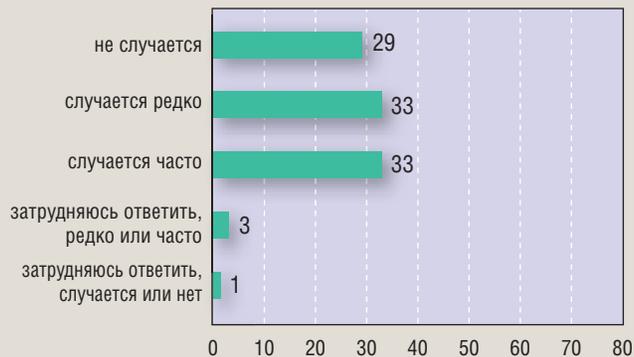
Скажите, пожалуйста, как обычно Вы поступаете, выходя из дома? (Карточка, один ответ)

Бывает или не бывает, что Вы покупаете вещь, которая Вам совсем не нужна? И если такое бывает, то редко или часто?

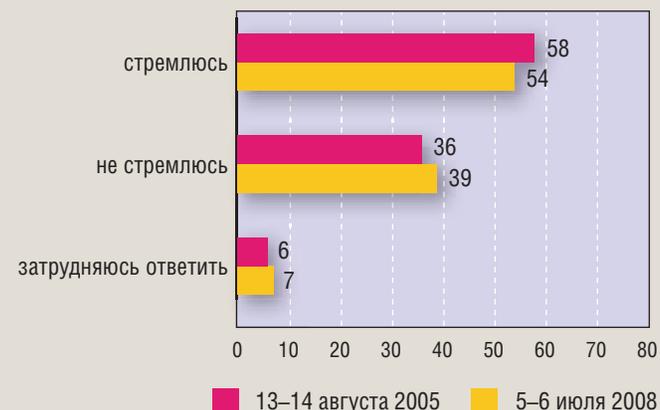
Скажите, пожалуйста, случается или не случается, что Вам не хватает денег до зарплаты (пенсии, стипендии)? И если да, то такое случается редко или часто?

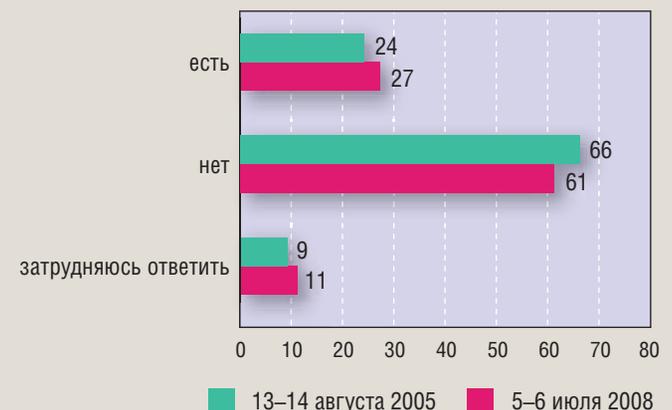
Как Вы чаще всего поступаете, когда Вам не хватает денег до зарплаты (пенсии, стипендии)? (Ответы всех респондентов, кроме заявивших, что с ними этого не случается, – 71% от всех опрошенных. Карточка, один ответ)

Одни люди стремятся иметь как можно больше денег. Другие не стремятся к этому. А лично Вы стремитесь или не стремитесь иметь как можно больше денег?

Как Вам кажется, у Вас есть шансы стать человеком, имеющим много денег, или таких шансов нет?

Молодежь в политике

Данные в % от населения

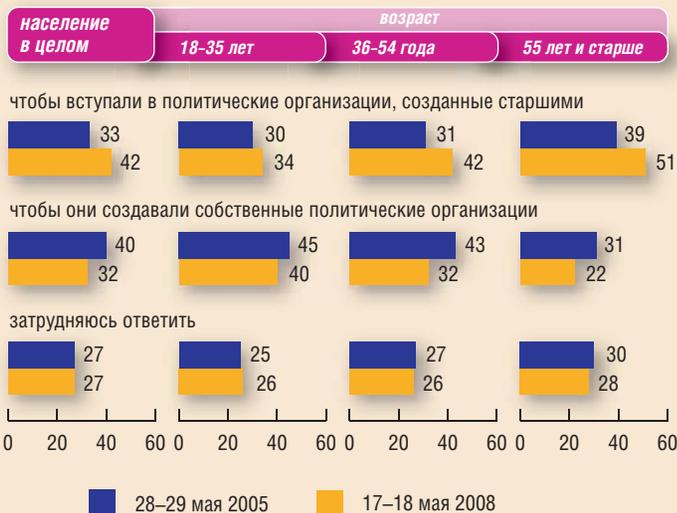
Как Вы полагаете, нужно или не нужно, чтобы молодые люди, те, кому не больше 25 лет, участвовали в политике, политической жизни страны?

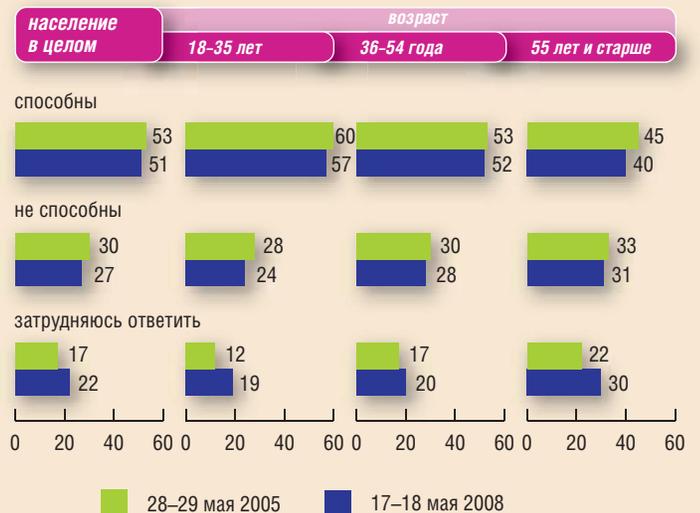
Одни считают, что государство должно оказывать помощь молодежным организациям. Другие полагают, что государство должно только следить за тем, чтобы молодежные организации действовали в рамках закона. С каким мнением – с первым или вторым – Вы согласны?

Что лучше, правильнее, на Ваш взгляд: чтобы молодые люди вступали в политические организации, созданные старшими, или чтобы они создавали собственные политические организации, отдельно от старших?

Как Вы полагаете, способны или не способны сегодняшние молодые люди, те, кому не больше 25 лет, создавать собственные политические организации, политические движения?

Как Вы полагаете, многие или немногие среди людей моложе 25 лет интересуются сегодня политикой? Или таких среди молодых людей нет совсем?

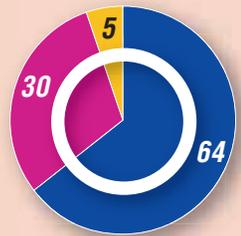
Как Вы полагаете, сегодня участие в политике, политической жизни помогает или не помогает молодым людям добиться высокого положения в обществе?

Внешность и ее роль в жизни человека

Данные в % от населения

Скажите, пожалуйста, когда Вы знакомитесь с новым человеком, его внешность, как правило, влияет или не влияет на Ваше первое впечатление о нем?

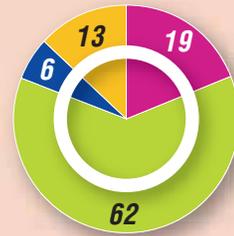
● влияет
● не влияет
● затрудняюсь ответить

Как Вам кажется, большинство людей, которых Вы видите на улицах, в общественных местах вашего города (поселка, села), обладают красивой, привлекательной внешностью, обычной, заурядной внешностью или непривлекательной внешностью?

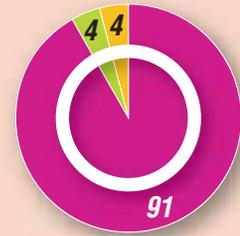
0 10 20 30 40 50 60 70 80

Как Вы думаете, у людей, обладающих красивой, привлекательной внешностью, друзей и приятелей больше, меньше или столько же, сколько и у тех, кто красивой, привлекательной внешностью не обладает?

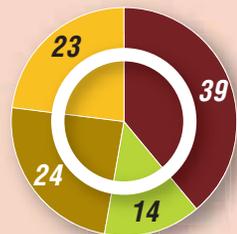
● больше ● меньше
● столько же ● затрудняюсь ответить

Как Вы думаете, может или не может человек с некрасивой, непривлекательной внешностью быть обаятельным и привлекательным как личность?

● может
● не может
● затрудняюсь ответить

Если говорить в целом, женщине с красивой, привлекательной внешностью живется легче, тяжелее или так же, как женщине, не обладающей такой внешностью?

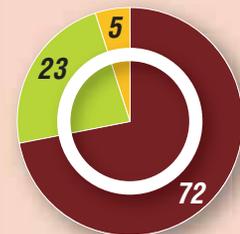
● легче ● так же
● тяжелее ● затрудняюсь ответить

Как Вы думаете, в той сфере деятельности, где Вы работаете*, женщинам красивая, привлекательная внешность помогает или мешает делать карьеру, продвигаться по службе? Или красивая, привлекательная внешность женщины никак не влияет на ее карьеру?

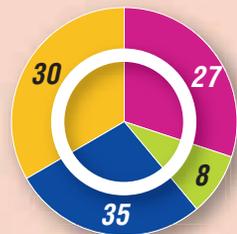
* Тех, кто уже не работает, спрашивали о прежнем месте работы, студентов – о сфере, в которой они будут работать.

По Вашему мнению, женщине, чтобы нравиться, иметь успех у мужчин, важно или не важно иметь красивую, привлекательную внешность?

● важно
● не важно
● затрудняюсь ответить

Если говорить в целом, мужчине с красивой, привлекательной внешностью живется легче, тяжелее или так же, как мужчине, не обладающему такой внешностью?

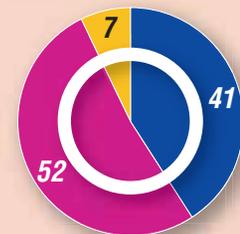
● легче ● так же
● тяжелее ● затрудняюсь ответить

А мужчинам в той сфере деятельности, где Вы работаете*, красивая, привлекательная внешность помогает или мешает делать карьеру, продвигаться по службе? Или красивая, привлекательная внешность мужчины никак не влияет на его карьеру?

* Тех, кто уже не работает, спрашивали о прежнем месте работы, студентов – о сфере, в которой они будут работать.

А мужчине, чтобы нравиться, иметь успех у женщин, на Ваш взгляд, важно или не важно иметь красивую, привлекательную внешность?

● важно
● не важно
● затрудняюсь ответить

Отношение к судебной системе

Данные в % от населения

Одни считают, что в конфликтных ситуациях надо по возможности обращаться в суд. Другие считают, что в конфликтных ситуациях надо по возможности избегать обращения в суд. С какой точкой зрения – с первой или второй – Вы согласны?

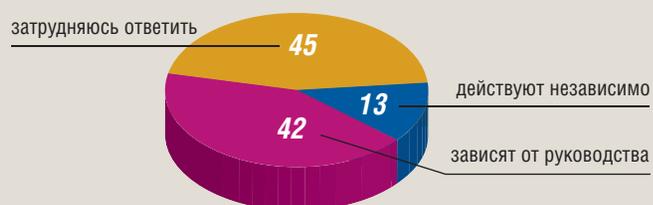
Одни говорят, что в России суды часто выносят несправедливые приговоры. Другие говорят, что несправедливые приговоры выносятся редко. С каким мнением – с первым или вторым – Вы согласны?

Одни полагают, что суды в своей деятельности должны быть независимы от руководства страны. Другие полагают, что в своей деятельности суды должны быть подконтрольны руководству страны. С какой точкой зрения – с первой или второй – Вы согласны?

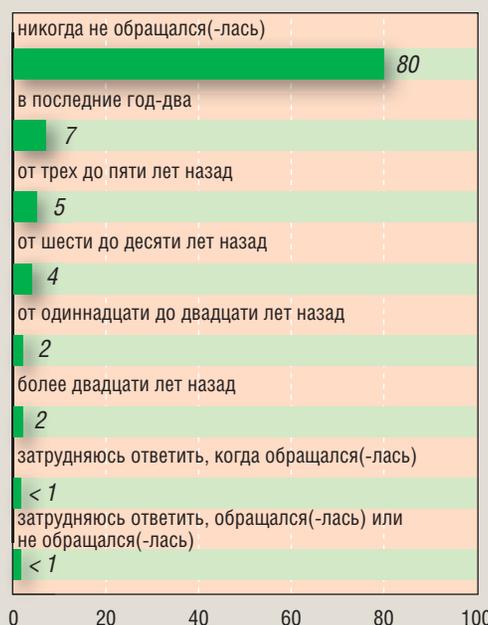
По Вашему мнению, в Вашей области (крае, республике) суды действуют независимо от руководства области (края, республики) или они в своей деятельности зависят от руководства области (края, республики)?

Как Вы в целом оцениваете деятельность российских судов и судей – положительно или отрицательно?

Вы когда-нибудь обращались или никогда не обращались в суд? И если обращались, то когда это было в последний раз? (Карточка, один ответ)

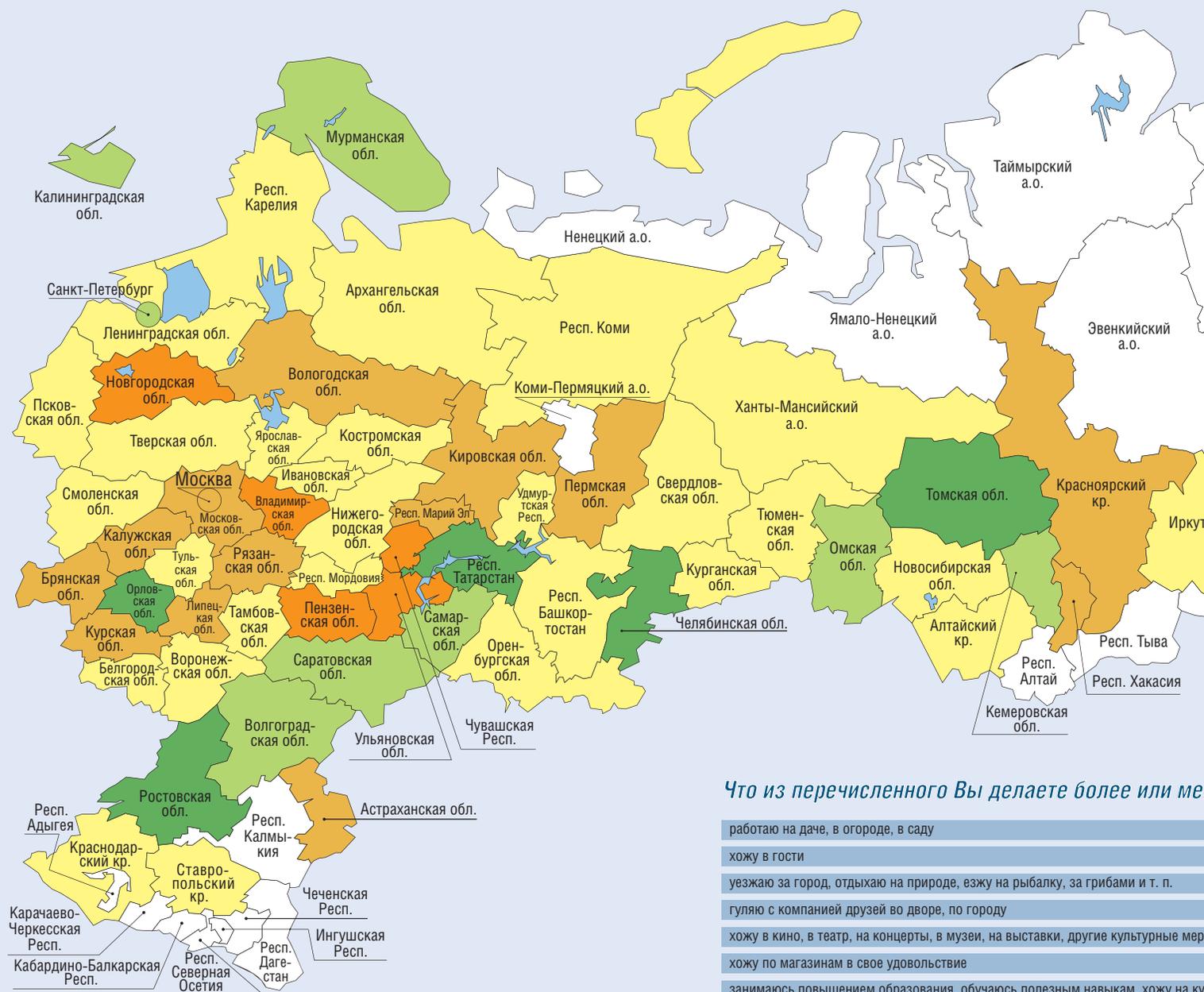

Вы в целом были удовлетворены или не удовлетворены результатами Вашего последнего обращения в суд? (Ответы заявивших, что они когда-либо обращались в суд, – 19% от всех опрошенных)

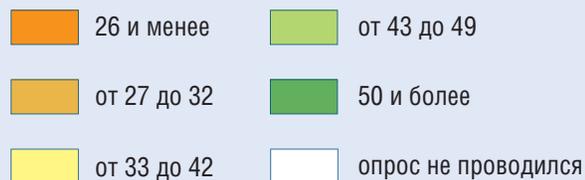

Практика хождения в гости

Те, кто ходит в гости более-менее регулярно

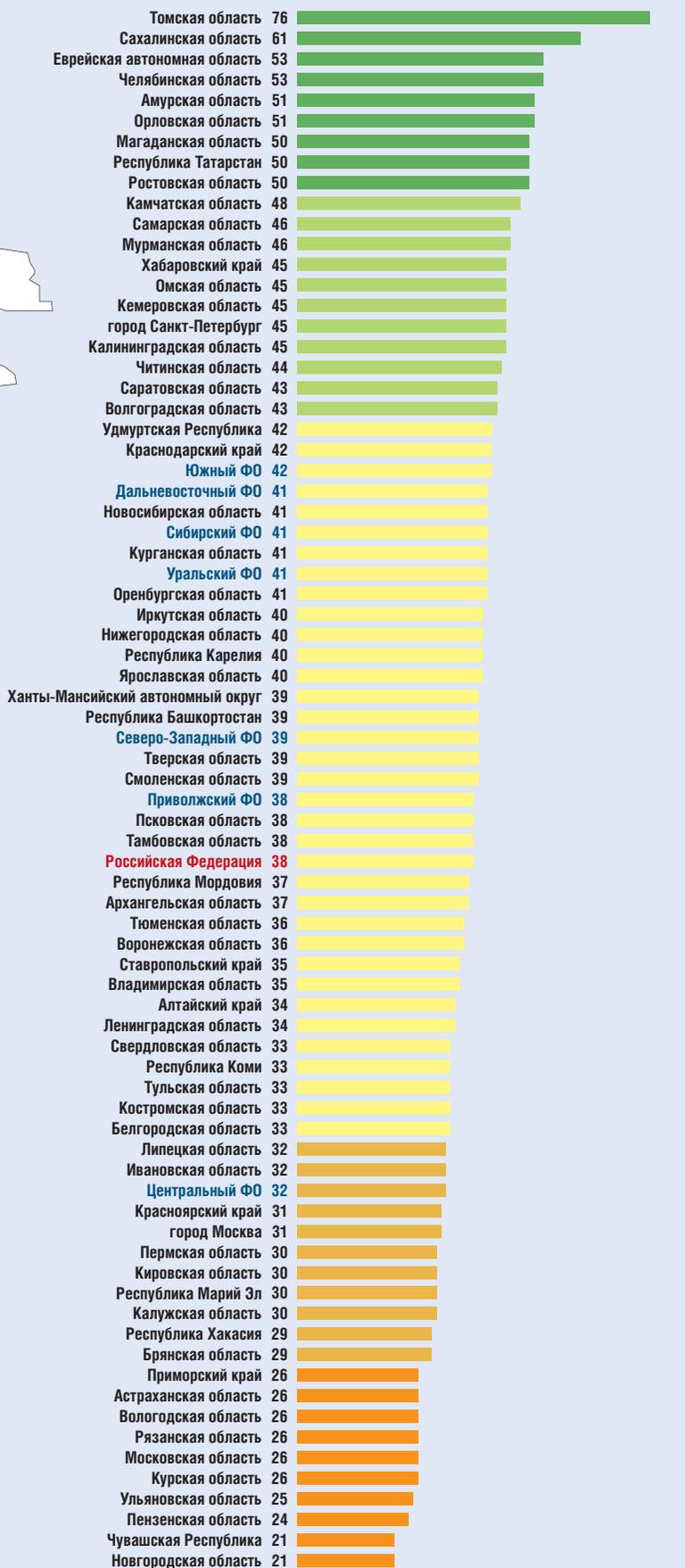
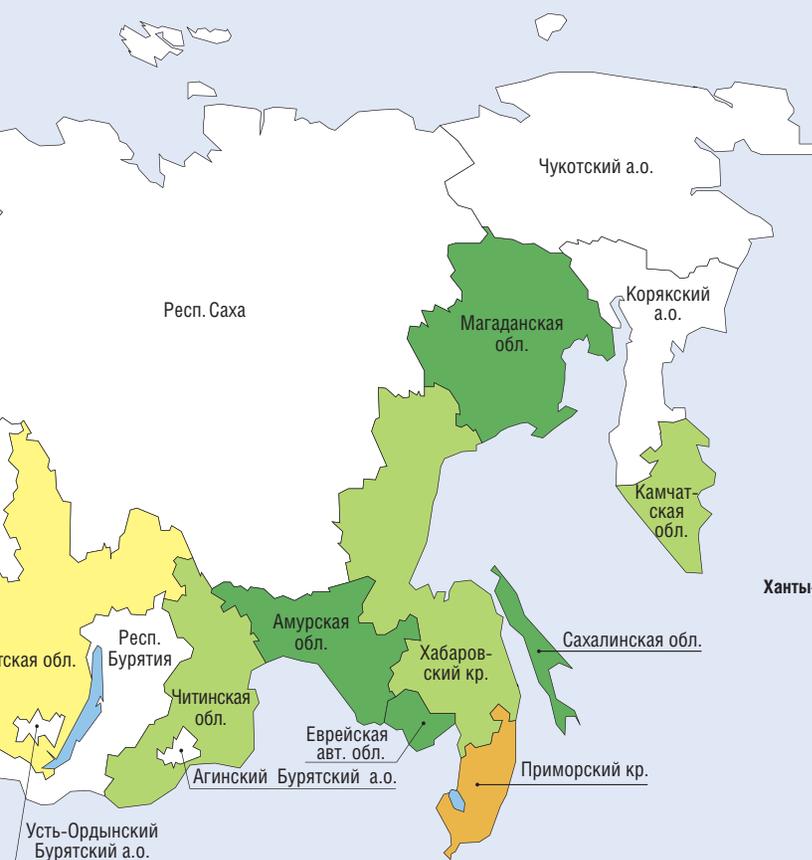
Доля от числа опрошенных, %

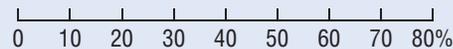
Что из перечисленного Вы делаете более или менее регулярно

- работаю на даче, в огороде, в саду
- хожу в гости
- уезжаю за город, отдыхаю на природе, езжу на рыбалку, за грибами и т. п.
- гуляю с компанией друзей во дворе, по городу
- хожу в кино, в театр, на концерты, в музеи, на выставки, другие культурные мероприятия
- хожу по магазинам в свое удовольствие
- занимаюсь повышением образования, обучаюсь полезным навыкам, хожу на курсы
- хожу в рестораны, вечерние клубы, кафе, пивные бары
- занимаюсь спортом / хожу в спортклуб
- хожу смотреть спортивные состязания
- хожу на дискотеки / в танцевальные клубы
- участвую в делах церкви, религиозной, приходской общины, хожу в церковь (храм)
- занимаюсь общественной работой, участвую в деятельности общественных организаций
- занимаюсь в хоровой, театральной студии, занимаюсь рисунком, живописью, лепкой
- ничего из перечисленного
- затрудняюсь ответить

Опрос 11–28 апреля 2008 года. Выборка: 34 000 человек

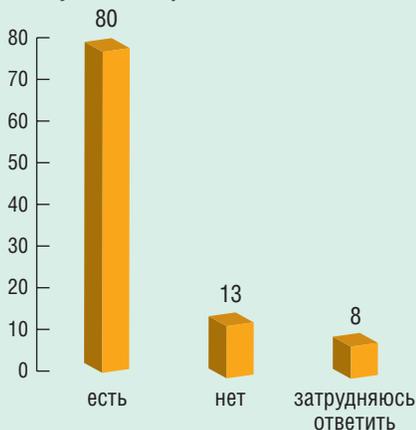
...не регулярно? (Карточка. Любое число ответов)

О чувстве юмора

Данные в % от населения

Как Вы считаете, у большинства людей, с которыми Вам приходится общаться в повседневной жизни, есть чувство юмора или чувства юмора нет?

Как Вы думаете, а у Вас лично чувство юмора развито лучше или хуже, чем у большинства окружающих Вас людей?

Как Вы считаете, чувство юмора бывает только у умных людей или оно бывает не только у умных, но и у неумных, глуповатых людей?

Когда Вы общаетесь с другими людьми, Вам важно или не важно, обладает ли человек чувством юмора?

Как Вы думаете, у людей с развитым чувством юмора всегда веселый, легкий характер или у них бывает и мрачный, тяжелый характер?

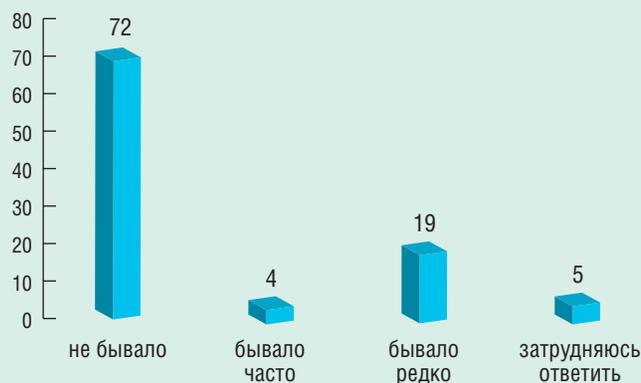
Что Вы больше цените в других людях – умение шутить или умение понимать шутки?

А Вы, общаясь с другими людьми, сами шутите часто, редко или никогда не шутите?

Некоторые люди не любят, когда над ними подшучивают, обижаются, даже если эти шутки бывают добрыми, безобидными. Скажите, пожалуйста, бывало или нет, что Вы обижались на добрые, безобидные шутки? И если да, то часто или редко?

→ Окончание.

Одни участники ДФГ говорили о недопустимости отгораживания от окружающих, другие – о неприкосновенности частной жизни. Фактически две эти точки зрения – восприятие безопасности как общественного или же как личного дела – отражаются в двух фразах:

“1-й участник: *Это вообще бред, надо открывать все двери, все заборы снести и жить вместе всем дружно. Чушь это полная – каждый вот так: это мое, это мое, загородился. Вот такое мое мнение.*”

2-й участник: *...Я придерживаюсь абсолютно противоположной точки зрения. Я сторонник капитализма как такового и сторонник того, что личная и частная жизнь – это неприкасаемая вещь”* (ДФГ, Москва).

Более того, две эти позиции получают равновесную аргументацию, вплоть до пословиц и поговорок:

“1-й участник: *Вот есть такая пословица: чем выше забор, тем крепче дружба у соседей.*”

2-й участник: *Есть такая поговорка: кто крепко дом построил, в нем не будет жить”* (ДФГ, Новосибирск).

Для тех, кто считает, что безопасность должна быть общественной, характерны высказывания в том духе, что с соседями нужно общаться и дружить, что двери дома должны быть для всех открыты, и такая точка зрения не сочетается с позицией самозащиты и самообороны.

“Вот «моя крепость» – это значит защита, значит кругом все враги, в этом же понятие. А кругом должны быть друзья, а не враги, нечего защищаться, нечего прятаться. Прячут это все – зачем?” (ДФГ, Москва).

Для сторонников концепции индивидуальной защиты важно то, что гарантии своей безопасности и безопасности своих близких являются они сами:

“Я себя чувствую в безопасности, потому что я знаю, что я способен... в случае защиты своей семьи я моментом войду в состояние аффекта, и мне будет плевать, то есть как бы у меня здесь нет планки... Тот, кто

Люди просто-напросто не представляют себе реального положения вещей! То есть если бы было все так, как они себе представляют, я бы тоже был против! То есть в основе общественного мнения, и если верить этому опросу – тотально, лежат банальные заблуждения, вбитые СМИ!

Я уже несколько лет назад говорил: дайте мне пару часов в неделю эфирного времени по вечерам на одном из главных телеканалов, деньги на организацию съемок, и я за пару месяцев ГОВОРЯ ТОЛЬКО ПРАВДУ подготовлю общественное сознание к положительному результату референдума за КС*!

Люди против оружия не потому, что они понимают ситуацию и имеют такое мнение. Они против только потому, что не понимают ситуацию.

*КС – короткоствольное оружие.

Интернет-форум, посвященный огнестрельному оружию. Дискуссия по поводу результатов опроса ФОМа автор: Kordhard
<http://talks.guns.ru/forummessage/22/323151-2.html>

проникнет в мой дом, он об этом пожалеет... Я на эту тему не заморачиваюсь, я знаю, что я гарант безопасности своих близких людей, – все” (ДФГ, Москва).

И в этом контексте получение личного оружия для самообороны более чем функционально и уместно. Оружие дает возможность управлять ситуацией, контролировать ее.

“...Безопасность в самом прямом смысле слова – пожарная безопасность, криминальная безопасность, то есть все замки, сигнализация, там еще какая бывает техническая безопасность... Ну, естественно, оружие, которое всегда с собой, и дома у себя в сейфе лежит оружие. Вот это самое основное – чем отстреливаться” (ДФГ, Новосибирск).

Установка на владение огнестрельным оружием, как уже отмечалось, более характерна для респондентов из высокоресурсных групп, а это не только те, кому есть что защищать, но и люди, чья установка на самооборону свидетельствует о готовности взять на себя ответственность за свою безопасность, частично “разгрузив” государство.

Часто в ходе ДФГ говорилось о том, что граждане вынуждены защищать свое добро, потому что никто, кроме них самих, не сможет обеспечить их безопасность. В то же время зачастую позиция людей, которые хотят защитить свое жилье всеми возможными способами, высмеивалась и доводилась до абсурда теми, кто не считает возможным брать на себя функции государства: *“и с колючей проволокой по забору, а лучше – ток пропустить”*; *“...только нужно добавить вольер с собаками”* (ДФГ, Новосибирск).

Многие участники ДФГ придерживаются промежуточной позиции, когда в принципе признается целесообразность активной самозащиты, но еще нет готовности к ней прибегать. Эти респонденты, с одной стороны, не были настроены на то, чтобы активно заботиться о своей безопасности (устанавливать железные двери, решетки на окна и пр.), а с другой – вполне понимали сторонников самостоятельной защиты и даже старались оправдать их в глазах тех, для кого такая защита неприемлема. По-видимому, несрабатывание “старой” коллективной модели личной безопасности выступает здесь фактором, легитимирующим “новую” модель индивидуальной самозащиты, и позволяет рассматривать граждан, имеющих оружие, не как озлобленных эгоистов, но как людей, вынужденно взявших на себя обязанности по самообороне. ■

Большинство опрошенных против легализации огнестрела: ну, не надо нам. Человек с оружием – свободный человек. А человек, не желающий возлагать на себя ответственность за владение оружием, – раб по духу.

Не хочет он иметь оружие, возлагая на себя таким образом ответственность за жизнь свою и близких, за чужую жизнь и т. п. Пусть кто-то еще, государство или “хозяин”, этим занимается.

Интернет-форум, посвященный огнестрельному оружию. Дискуссия по поводу результатов опроса ФОМа
автор: G. Braver
<http://talks.guns.ru/forummessage/152/328724.html>

Отношение к атеизму и атеистам в России

Большинство россиян (70%) причисляют себя к людям верующим. “Сознательных” атеистов – людей, признающих себя таковыми, – по данным нашего опроса, совсем немного: всего 17%. Отметим, что склонность к атеизму не зависит ни от возраста, ни от уровня образования, ни от места жительства респондентов. Значимым здесь является гендерный фактор: среди мужчин атеистом себя называет каждый четвертый, среди женщин – лишь каждая десятая.

Атеизм как систему взглядов, отрицающую существование Бога, воспринимают с безразличием 52% взрослого населения; положительно относятся к этому учению 12%, отрицательно – 27%. Отметим, что нейтрально-отстраненное отношение к атеизму преобладает и среди атеистов, и среди верующих. Лишь каждый третий из респондентов обеих групп занимает по отношению к этой системе взглядов эмоционально окрашенную позицию: 35% атеистов сказали, что относятся к атеистическим взглядам положительно, 36% верующих православных и 32% мусульман – что отрицательно.

Атеисты вызывают у верующих еще меньше негативных эмоций, чем атеизм как учение. Лишь каждый десятый из верующих (10%) относится к ним с осуждением, тогда как подавляющее большинство респондентов данной группы (83%) осуждать атеистов не склонны. В целом представления о том, какие люди сегодня в России чаще оказываются атеистами, весьма размыты и даже в чем-то противоположны. Так, отвечая на открытый вопрос “На Ваш взгляд, кто, какие люди в наше время чаще всего бывают атеиста-

ми?”, 6% опрошенных сказали, что атеистами чаще являются люди, воспитанные при социализме, коммунисты, представители старшего поколения. 5% респондентов, напротив, уверены, что атеизм более характерен для молодежи, подрастающего поколения. Одни участники опроса считают, что к атеизму обращаются разочаровавшиеся люди, неудачники (4%), другие полагают, что в Бога чаще не верят богатые, бизнесмены (3%), сильные, целеустремленные, уверенные в себе люди (2%).

Атеисты и верующие в массе своей не склонны вести диспуты на религиозные темы. Среди верующих 79% никогда не спорили с атеистами, пытались их переубедить; спорили – только 19% (причем лишь 4% верующих говорят, что это случилось часто). Атеисты вступали в споры с верующими несколько чаще: 26% имеют такой опыт, 71% – не имеют.

Две трети верующих, 68%, отмечают, что среди их знакомых, друзей, родственников большинство – люди также религиозные (среди мусульман эта доля выше, чем среди православных: 79% против 66%). Причем 18% верующих респондентов считают, что в их круге общения неверующих людей нет вовсе (среди исповедующих ислам этот показатель заметно выше, чем среди православных: 43% против 14%).

Атеисты чаще, чем верующие, живут в преимущественно “инакомыслящем” окружении (среди первых 12% говорят о преобладании верующих в числе их знакомых, друзей, родственников, среди вторых о преобладании атеистов заявляют лишь 4%) и заметно чаще считают, что религиозных и нерелигиозных людей

в их круге общения примерно поровну (32% против 19%). Но их опыт участия в спорах на религиозные темы от характера окружения не зависит.

Представления респондентов о популярности религиозных и атеистических взглядов в сегодняшнем российском обществе в определенной мере зависят от того, кто их окружает. В целом примерно половина опрошенных (49%) полагают, что религиозные взгляды пользуются сегодня в обществе большим уважением, чем атеистические (среди православных так думают 59%, среди мусульман – 55%, среди атеистов – 24%), а среди людей, живущих преимущественно в религиозном окружении (причем это как верующие, так и атеисты), – 65%.

Каждый четвертый опрошенный (26%) считает, что атеистические и религиозные взгляды пользуются сегодня в России равным уважением, и эту точку зрения заметно чаще разделяют те, у кого в окружении атеистов больше, чем верующих (34%), или у кого среди знакомых примерно поровну представителей обеих групп (40%). Мнение, согласно которому большим уважением в нашей стране пользуются атеистические взгляды, разделяют немногие – 4% участников опроса (среди атеистов – 11%).

Напоследок отметим, что доверительная солидарность среди верующих распространена куда сильнее, чем среди атеистов. Свыше половины (56%) людей религиозных доверяют верующим больше, чем атеистам (среди мусульман этот показатель составляет 62%, тогда как среди православных – 55%). В то же время среди атеистов подавляющее большинство (69%) признаются, что для них этот критерий, когда дело касается доверия к человеку, значения не имеет, и лишь 18% говорят, что неверующим доверяют больше (а 7% – больше доверяют верующим).

Общероссийский опрос населения от 2–3 июня 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Петр Бавин

П. Лебедев

“Вместе веселее”, или “Один в поле не воин”

*Очерк о молодежном общественно-политическом активизме**

Молодежное движение и образ жизни

Многие активисты молодежных движений указывали на то, что их образ жизни после вступления в движение кардинально отличается от прежнего. Меняются интенсивность жизни, образ мышления, мировоззрение. Кроме того, сильно изменяются круг общения и отношения с людьми.

“Изменилось мое мировоззрение. Я узнала очень много нового о внутреннем устройстве политики... Кое в чем разочаровалась, где-то порадовалась... А вообще “Вагон” изменил меня практически на 90% – просто активный образ жизни заставляет организм меняться” (ОД, “17 вагон”).

“Изменился круг общения, изменилось количество времени, уделяемое друзьям и близким. Очень поменялся круг интересов – политизированные сообщества, люди, новости, обсуждения, подробности и много-много нового” (ОД, РУМОЛ).

Вступление в движение меняет структуру времени, заставляет пересмотреть приоритеты, сделать выбор в пользу тех или иных действий. У активистов появляются новые цели, задачи, интересы. В конечном счете изменяется вся их жизнь, формируется стиль жизни в движении. Для наиболее сильно включенных в движение граница между “я” и “я в движении” совершенно стирается.

“Это жизнь. Стиль жизни такой – быть «Местной»” (ОД, “Местные”).

Структура времени, обязательства и ответственность

Наиболее заметные изменения происходят, наверное, в структуре времени. Многие участники дискуссий отмечали, что деятельность в движении отнимает много сил, времени, а также требует собранности и ответственности.

“Не стало того свободного времени, когда говоришь: мне нечего делать” (ОД, “Местные”).

* Окончание. Начало см. в № 5.

“Иногда нужно жертвовать рабочим временем для участия в акции, а не для всех это возможно” (ОД, “Наши”).

“Участие в движении подразумевает уделение ему большого количества времени, и не все готовы идти на эту жертву” (ОД МГЕР).

Деятельность, связанная с проведением митингов и акций, разработкой и организацией различных проектов, занимает все свободное от учебы или работы время активистов. В некоторых случаях ради движения приходится идти на определенные риски и лишения.

“От эмоций не можешь спать по ночам, а утром встаешь с опухшими веками, судорожно изучая изменения мира за время твоего сна. Это когда к тебе приходят незнакомые русские люди с просьбой помочь, и их сильно-сильно хочется послать, но все равно помогаешь...” (ОД, ДПНИ).

“Возникают проблемы, связанные с исполнением взятых на себя обязательств. <...> Ответственность (как я ее чувствую и воспринимаю) – самая настоящая, потому что для меня данное мною слово – это уже обязательство. И когда ты понимаешь, сколько других людей “замкнуто” на тебя, и какие могут быть последствия, если ты чего-то не сделаешь вовремя... Не хочется своих друзей и товарищей подводить” (ОД, “Местные”).

Круг общения и отношения с людьми

Анализируя изменения, которые происходят у активистов молодежных движений во взаимоотношениях с людьми, имеет смысл выделить несколько “типичных” проблемных ситуаций и групп, отношения с которыми складываются по-разному.

Отношения с родителями, другими близкими родственниками.
Довольно часто старшие родственники не одобряют вступление в движение, считая, что молодым людям следует больше времени уделять образованию, работе и т. п.

“У меня папа все ворчал: «Сектантка, сектантка!!! Да что ты там забыла! Ты же перспективный дизайнер!!!»” (ОД “17-й вагон”).

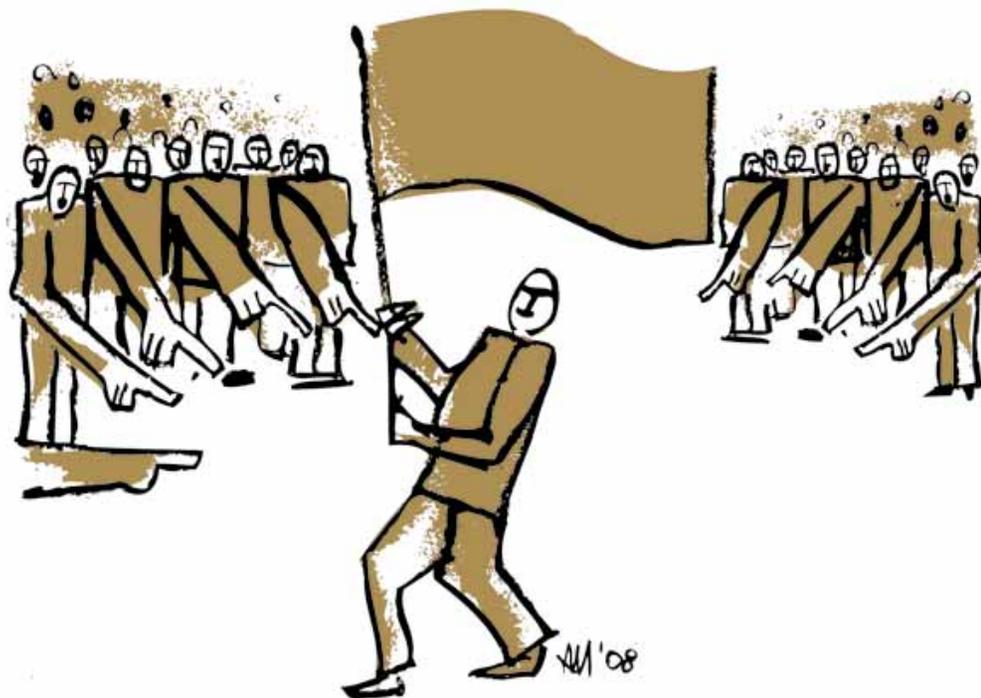
“Родственники отнеслись без понимания, потому что для них это несовместимо с представлением о том, чем должна заниматься девушка по жизни :)” (ОИ, “Вперед”, бывш. НП).

Иногда случаются серьезные конфликты, приводящие либо к разрыву с родственниками, либо к уходу из движения.

“Сначала мать настоятельно требовала, чтобы я приносила домой хотя бы часть денег, которые нам якобы давал Борис Б., но сейчас эти требования вялы и редки. Отец твердо уверен, что мы – тайный кремлевский проект. Кузен – родственные отношения прерваны в одностороннем порядке” (ОД, ДПНИ).

“А прекратила я активно участвовать, потому что мой опекун запретила мне быть «местной». Сказала, что изначально думала,

что я там работать буду и мне будут платить деньги. Но она неправильно меня поняла” (ОД, “Местные”).

Впрочем, жесткие конфликты возникают нечасто, в конечном счете недовольство родственников обычно ослабевает.

Нередки ситуации, когда увлечение политикой и определенная идейная позиция передаются “по наследству”. В этих ситуациях участники движения получают от родственников поддержку – и иногда не только моральную.

“Мы запланировали украинскую акцию. Для этого нужно было организовать место, где ребята будут жить, людей, которые их встретят, расскажем им все. Я попросила маму, и она мне очень помогла. Когда СБУ пришло в ее дом за ребятами, их встретила на пороге моя бабушка со скалкой: «А ну, пройдите, сыночки?» И ведь не прошли!” (ОД, “Красный блицкриг”).

“Что касается родителей – они всегда уважительно относились к моим интересам, помню, мама раньше сама мне приносила почитать книжки, где затрагивается национальный вопрос” (ОД, ДПНИ).

“У меня родители – националисты, вплоть до бабушки...” (ОД, ДПНИ).

Отношения с друзьями и знакомыми вне движения (школьные, университетские друзья, друзья детства). После вступления молодого человека в движение его отношения с друзьями могут развиваться по-разному. Кто-то начинает привлекать друзей в движение, кто-то перестает с ними общаться из-за нехватки времени и изменения сферы интересов, при этом сохраняя в принципе хорошие отношения.

“Когда я пришла в движение, так получилось, что со своими школьными / университетскими друзьями практически перестала общаться, – не было времени” (ОД, “Наши”).

“С непополитизированными друзьями стало менее интересно” (ОД, “Оборона”).

Для кого-то друзья вне движения так и остаются близкими друзьями.

“Друзья ведь на то и друзья, чтобы мы принимали друг друга такими, какие мы есть” (ОД, ДПНИ).

У кого-то, напротив, возникают конфликты с друзьями на политической почве с последующим полным прекращением отношений.

“Новгородский менталитет... зависть к успехам других и нежелание чего-то делать самому... В общем, в результате моего прихода в «Наши» с большей частью моего немаленького круга общения отношения сами собой прекратились... Но я не жалею, наблюдая, как живут эти люди” (ОД, “Наши”).

Отношения с другими участниками движения в большинстве случаев оцениваются как позитивные, дружеские или приятельские. Сходство интересов, совместное времяпрепровождение, общие цели и задачи сплачивают участников движения. Многие говорят, что коллектив, в который они вошли, – это не только единомышленники, но и друзья.

“Да, <нашел> единомышленников. Но я бы добавил также – друзей. Настоящих, верных друзей, на которых я всегда могу положиться. МГЕР стала частью меня. Сегодня лично я уже не мыслю своего существования без «Молодой гвардии»” (ОД, МГЕР).

“Основной круг моих друзей и знакомых сейчас – это люди, так или иначе имеющие или имевшие отношение к движению” (ОД, “Наши”).

Некоторые опрошенные отмечают, что, когда движение разрастается или когда оно включает множество участников, просто невозможно поддерживать дружеские отношения со всеми.

“...Отношения со многими участниками – вполне позитивные и дружеские. Правда, когда в этой тусовке находишься уже достаточное время, к новым активистам не испытываешь тех же чувств, какие испытываешь к тем, с кем все начиналось” (ОД, “Оборона”).

“С участниками движения у меня складываются хорошие, ровные отношения. Но, конечно же, не со всеми – у нас же не секта, чтобы все друг друга любили” (ОД, “Местные”).

“Кто-то единомышленник, кто-то приятель, кто-то друг, социальные отношения – они по-разному складываются” (ОД, “Красный блицкриг”).

Отношения участников движения с остальными людьми чаще всего зависят от того, каких политических позиций придерживаются последние. В случае, когда политические взгляды не совпадают, велика вероятность конфликтов разной степени серьезности.

“Я был этим летом на школе в Новокузнецке, где сказал, что возглавляю пресс-службу регионального отделения «Единой России». Так один товарищ со мной здороваться после этого не хотел))” (ОД, МГЕР).

Вступление в движение меняет структуру времени человека, заставляет его пересмотреть приоритеты, сделать выбор в пользу тех или иных действий. У активистов появляются новые цели, задачи, интересы. В конечном счете изменяется вся их жизнь, формируется стиль жизни в движении

Судя по представленным мнениям, для населения вообще характерно настороженное отношение к политической активности, особенно когда дело касается молодежи.

“...Не раз приходилось доказывать, что «Наши» – это не секта. Или что мы не зомби. Опять же, вот они, стереотипы общества: если человек поддерживает какую-то идею – он зомби, и его загипнотизировали” (ОД, “Наши”).

Иногда эта настороженность приводит к конфликтам (например, с преподавателями вузов, работодателями), которые отражаются на жизни вне движения.

“Некоторые работодатели, услышав, что человек состоял в политорганизации, при устройстве на работу резко меняют свое отношение к нему” (ОД, “Наши”).

“У нас в универе МГЕР не очень любят, а про преподав я вообще молчу – они их ненавидят)))” (ОД, МГЕР).

“...Хотя я староста, отличник и координатор по работе с общественными организациями Воронежа от студсовета ВГУ, потому что одна преподавательница ненавидела «Наших», меня, например, из университета чуть не отчислили” (ОД, “Наши”).

Что касается представителей противостоящих друг другу движений, то здесь взаимоотношения конфликтны по определению. При этом нападки происходят как в реальной жизни, так и в виртуальном пространстве.

“В ЖЖ постоянно идет негатив ко мне как к участнику движения. С одной стороны, люди, придерживающиеся другой позиции, отслеживают, так сказать, наши «телодвижения» и непременно нас критикуют: им необходимо доказать, что мы не правы, а они – молодцы” (ОД, “Местные”).

“Основной негатив направлен на «ЕР», а МГЕР они считают марионетками, которых используют для достижения своих популистских целей” (ОД, МГЕР).

Развивая тему конфликтов, отметим еще один элемент в жизни активистов молодежных движений, особенно значимый для представителей оппозиции.

Проблемы с законом, правоохранительными органами

Представители всех оппозиционных движений отмечают, что неотъемлемым элементом жизни в движении являются сложные отношения с законом и правоохранительными органами. Положение “на грани закона”, практически подпольная деятельность – все это прочно вошло в повседневность активистов таких движений. Этот элемент инкорпорирован в подсознание, он подразумевается сам собой, но редко открыто вербализуется¹.

“По зомбоящичку каждый день показывают, как нормальных русских парней сажают за мифическое «разжигание»”² (ОД, ДПНИ).

“Выражение стиля ДПНИ: <...> прийти в кафе, посмотреть по сторонам, зафиксировать вход, зафиксировать выход, зафиксировать лица людей, сверить их с встроенной в мозг антропологической базой представителей силовых структур, успокоиться...”

(ОД, ДПНИ).

“Я стал более аккуратным и осторожным из-за постоянных нападений со стороны прокремлевских группировок и сотрудников УБОПа и ФСБ”

(ОИ, НБП).

Повышенный риск часто оказывается весомым аргументом для того, чтобы остаться в стороне от политики, даже в случае полного принятия оппозиционных идей.

“Мало осталось молодежи в оппозиции, которая ради своих идей готова была бы жертвовать своей перспективой устроиться в этом обществе поудобнее” (ОД, Смешанная 1).

“Подавляющее большинство моих знакомых и друзей просто не будут связываться в политику: никому не хочется терять работу и нормальную жизнь. Все знают, что происходит с оппозицией при нашем режиме” (ОД, “Оборона”).

Интересно, что проблемы с милицией упоминаются в разговорах представителей не только протестных, но и провластных движений.

“Тот, кто входит в состав провокационной группы (еще есть группа прикрития, фотографии и те, кто со СМИ общается), тот по-любому загремит в обезьянник или люлей получит...” (ОД, “17-й вагон”).

¹ Показательна ситуация с одним респондентом из оппозиционного движения, который дал согласие участвовать в дискуссии, обещал помочь в рекрутменте и сагитировать своих соратников, однако через какое-то время пропал. Он появился перед самым окончанием дискуссии – как выяснилось, у него возникли проблемы с законом.

“По некоторым причинам я оказался на прошлой неделе без сети и компьютера вообще – у меня провели обыск наши доблестные следственные органы по политическим мотивам... Поэтому прошу простить за внезапное исчезновение” (разговор по ICQ).

“В стране, где президент регулярно призывает ФСБ усилить борьбу с экстремистскими движениями, у меня реально есть причина волноваться за свое движение” (разговор по ICQ).

² Имеется в виду статья 282 УК РФ “Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства”. См., например: <<http://www.uk-rf.com/glava29.html>>

Нередки ситуации, когда увлечение политикой и определенная идейная позиция передаются «по наследству». В этих ситуациях участники движения получают от родственников поддержку – и иногда не только моральную

“...Они запрограммированы. Что такое милиционер? Это человек, которому нужно выписывать бумажки и отчитываться по бумажкам. А дальше там МГЕР, не МГЕР – по барабану. Покажи ему бумажку – он отстанет, не покажешь – уйдешь” (ОД, МГЕР).

Таким образом, участие в движении достаточно сильно меняет образ жизни молодых людей, вступающих в него. Для них характерен динамичный, активный образ жизни, они заняты не только учебной или работой, но еще и деятельностью в рамках движения. Это сказывается на круге общения: он существенно расширяется благодаря новым знакомствам, при этом могут измениться структура и характер общения с людьми, не состоящими в движении (из-за различий в политических взглядах, изменения сферы интересов, отсутствия свободного времени). То есть по мере погружения в жизнь движения у активистов вслед за сменой внешнего окружения происходит изменение внутреннего мира, даже если причиной вступления в движение было простое любопытство.

Вместо заключения

В проведенном исследовании мы предприняли попытку изучить специфическую социальную группу с помощью нестандартного метода. Полученный результат и многообразие собранных данных свидетельствуют о принципиальной возможности изучать социальную реальность посредством новых технологий реальности виртуальной. Интересный результат, тем не менее, не избавляет от необходимости отдельного обстоятельного разговора на методические темы. Здесь же следует обозначить вопросы, ответы на которые по тем или

иным причинам остались за пределами текста, наметить возможные направления развития исследований молодежного активизма.

Молодежное движение представляет собой своеобразный гибрид формальной структуры с прописанной идеологией и целями / функциями (как, например, в образовательных институтах) и неформального единения на основе общих интересов, целей, устремлений, стиля жизни (как в “тусовке”). Такая двойственность, с одной стороны, расширяет возможности используемого теоретического аппарата: от теории субкультур до теории организаций, а с другой – усложняет поиск адекватного аналитического инструмента в той или иной ситуации³.

Отсюда же вытекает проблема взаимосвязи и соотношения стиля жизни и идеологии в рамках движения. Когда внешняя политическая идея инкорпорируется настолько, что сможет воспроизводиться в повседневном поведении, и каковы механизмы такой трансформации? Здесь же возникает вопрос о типологизации движений, которая поможет

³ Насколько корректно, например, использовать теории субкультур при анализе искусственных движений, созданных “по указке”, и будет ли уместна теория организаций при анализе движений, уходящих своими корнями в субкультуру?

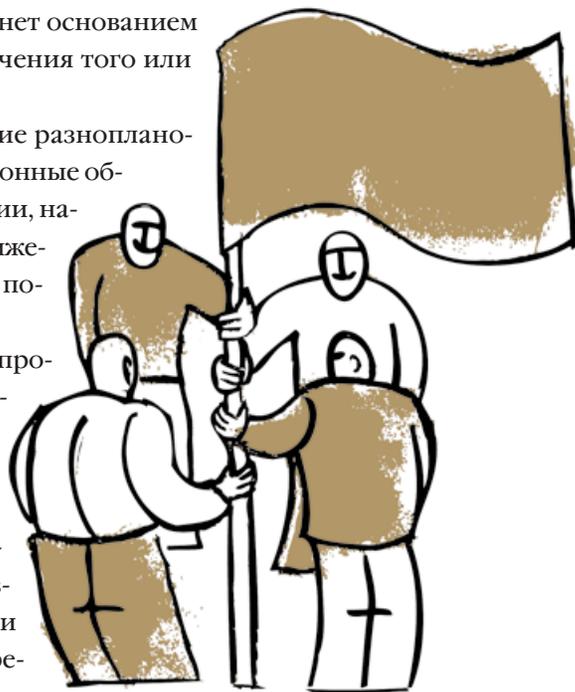
Неотъемлемым элементом жизни в оппозиционном движении являются сложные отношения с законом и правоохранительными органами. Положение “на грани закона”, практически подпольная деятельность – все это прочно вошло в повседневность активистов таких движений

выявить их основные содержательные элементы, а также станет основанием для формирования теоретико-методологической рамки изучения того или иного движения⁴.

Для решения подобных вопросов необходимо проведение разноплановых исследований, включающих не только опросы и дискуссионные обсуждения, но также социально-антропологические экспедиции, наблюдения за реальным функционированием молодежных движений разных типов, обращение к мнению экспертов – ученых, политиков, руководителей движений.

Кроме этого, безусловно, плодотворным будет взгляд на проблему молодежного активизма через призму других наук. Например, небезынтересным может быть социально-политологический анализ идеологической составляющей движений, которая в данном исследовании была оставлена “за кадром”. Также весьма плодотворным представляется социально-исторический анализ молодежного политического активизма, безусловно, имеющего давние традиции. Здесь речь может идти не только о комсомоле, но и о политическом подполье в дореволюционной России.

Однако не менее важными остаются вопросы текущего положения дел. Одни движения самоликвидируются, другие запрещаются – что будет дальше с молодыми людьми, оставшимися за пределами существующих легально молодежных движений? Думается, они вряд ли спокойно и без сожаления оставят так полюбившийся им драйв общественно-политического активизма. ■

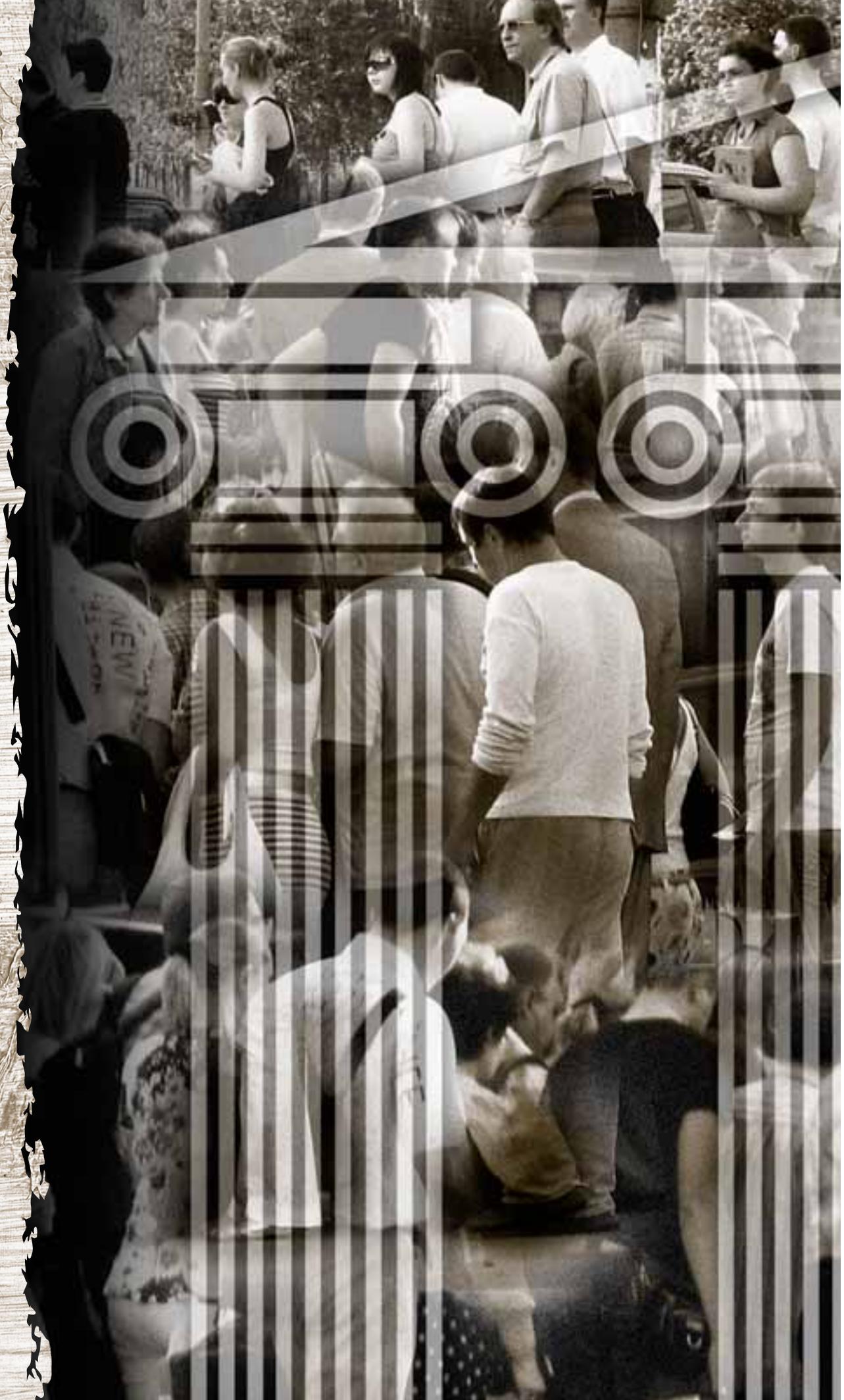

Литература

- Быстров П.* Молодежные общественные организации Санкт-Петербурга: роль на политической сцене (1986–1996) // Молодежный Петербург: движения, организации, субкультуры. СПб., 1997. Цит. по <<http://subculture.narod.ru/texts/book1/bystrov.htm>>
- Гусейнов А. А.* Закон и поступок (Аристотель, И. Кант, М. М. Бахтин) / Сектор этики Института философии РАН. Этическая мысль. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2001. Цит. по <<http://ethics.iph.ras.ru/em/em2/1.html>>
- Данилин П.* Новая молодежная политика 2003–2005. М.: Изд-во “Европа”, 2006.
- Топорова А.* Нацболы в Санкт-Петербурге: образы и повседневность // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ). СПб.: Норма, 1999. С. 117–127. Цит. по <<http://subculture.narod.ru/texts/book2/toporova.htm>>
- Щепанская Т. Б.* Антропология молодежного активизма // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга. Ред. В. В. Костюшев. СПб., 1999. С. 262–302.
- Яковлев И., Рышклина Ю., Лоскутова Е. и др.* Молодежные политические организации: Программы и люди. М.: РОО Центр “Панорама”, 2007. Цит. по <<http://scilla.ru/works/knigi/molprog.pdf>>

⁴ Попытки типологизации движений предпринимают в своих работах множество авторов, однако большинство таких попыток носят весьма поверхностный характер, без ясной фиксации ключевых критериев для выделения типологических групп.

NEW FOR &

Б. Докторов

К президентским выборам в США-2008

Введение

На исходе июня до окончания президентской кампании в США оставалось четыре месяца. Вряд ли можно сейчас рассказать, даже кратко, обо всех перипетиях прошедшего полугодия, но определились некоторые стартовые позиции сенатора от Аризоны республиканца Джона Маккейна и сенатора от Иллинойса демократа Барака Обамы на их пути непосредственно к Белому дому.

В предыдущей публикации на тему предстоящих президентских выборов [Докторов] были обозначены основные направления мониторинга общественного мнения американского электората. Здесь внимание сфокусировано на политических, экономических и собственно предвыборных установках американцев, сложившихся к июню 2008 года. После того как 7 июня из президентской гонки вышла Хиллари Клинтон, началось прямое соперничество между Обамой и Маккейном.

Для начала кратко сформулирую общий вывод полугодичного слежения за развитием избирательной кампании: существует ряд обстоятельств, позволяющих осторожно говорить о том, что 44-м президентом США станет Барак Обама. Если бы в Америке президент избирался прямым голосованием, прогноз уже сейчас был бы в его пользу, но действующая в стране двухуровневая система выборов президента застав-

ляет воздерживаться от однозначных итоговых заключений.

Информационную базу проведенного анализа в значительной степени составляют результаты опросов трех аналитических центров: The Gallup Organization (<http://www.gallup.com>), Pew Research Center (<http://pewresearch.org>) и Rasmussen Reports (<http://rasmussenreports.com>).

Фон президентской кампании

Кризис власти

Итоги восьмилетнего руководства страной республиканского президента Джорджа Буша – это серьезное препятствие на пути к победе его однопартийца Маккейна и, наоборот, хорошее стартовое условие для демократического кандидата Обамы. Избиратели будут голосовать, оценивая изменения в своей жизни и в развитии страны. А происходящее у многих вызывает чувства разочарования и неуверенности в завтрашнем дне. По ощущениям людей, в стране назревает кризис доверия власти.

В середине июня был зафиксирован наименьший за всю историю исследований, проводимых компанией Гэллапа, уровень одновременного одобрения деятельности президента, Конгресса и Верховного суда. Работу Буша одобряли менее трети американцев (30%), верховных судей – половина (49%), а законодателей – каждые два человека из десяти (19%).

Оценка деятельности президента в июне была всего на два пункта выше минимального показателя, четырежды зафиксированного в мае (28%). Среди трех названных ветвей власти Конгресс обычно имеет наименьший показатель одобрения. За все время президентства Буша работу конгрессменов оценивали позитивно в среднем 39% населения. Зафиксированные сейчас 19% – это исторический минимум в статистическом ряду данных, собираемых с 1974 года. Рейтинг одобрения Верховного суда тоже располагается в самой нижней части соответствующего вариационного ряда: средний показатель за время правления Буша составлял 55%, и ниже нынешних 49% он опускался лишь трижды (один раз – до 42% и дважды – до 48%).

Безусловно, отношение к власти зависит от партийной ориентации людей: республиканцы более щедры на высокие оценки, демократы – значительно скупее. Так, политику Буша одобряют 68% сторонников его партии, 22% независимых избирателей и лишь 5% демократов.

Более трети века компания Гэллага изучает динамику доверия 16 институциональным структурам. В середине текущего года лидировали: армия (в той или иной степени ей доверяет 71% населения), малый бизнес (60%), полиция (58%), религиозные организации (48%) и медицина (35%). В группу институций с низким уровнем доверия вошли: ТВ и пресса (24%), профсоюзы (20%), большой бизнес (20%). И замкнул это ряд Конгресс (12%). Столь критического видения деятельности законодателей опросы не фиксировали никогда.

Отношение к экономике

Динамика показателей отношения американцев к экономике не может вызывать ничего, кроме глубокой грусти. В конце января этого года две

трети жителей США (66%) негативно оценивали положение дел в экономике страны, и в течение года этот показатель стремительно рос. К концу февраля он достиг 70%, после конца марта не опускался ниже 75%. Первое полугодие завершилось на отметке 83%.

В начале марта 2008 года называли состояние экономики важнейшей проблемой страны более трети населения (38%) – вдвое больше, чем в январе (18%). Далее среди самых острых проблем следовали: война в Ираке (21%) и здравоохранение (8%). В начале июня уже 42% называли самым острым вопросом состояние экономики, на второе место вышли цены на бензин (25%) и на третьем переместилась долго лидировавшая иракская война (20%). Мало кого утешает тот факт, что в относительно недавнем прошлом экономические проблемы воспринимались обществом еще острее; так, в 1993 году называли главной национальной проблемой состояние

экономики две трети американцев.

В конце апреля более половины взрослого населения (55%) беспокоилось по поводу невозможности сохранения привычного им образа жизни; половина семей страны (51%) в последнее время оказались вынужденными значительно сократить свои расходы на многое из того, что еще недавно было доступно. Это самые высокие показатели за прошедшее пятилетие.

Наряду с ростом беспокойства американцев по поводу ухудшения экономики ими все чаще фиксируется рост структурного экономического неравенства, расслоение на имущих и неимущих. Сейчас наличие такового отмечают 49% населения, и такая же часть его не замечает. Четыре года назад первых было заметно меньше – 37%, вторых – значительно больше (62%). Но не только экономика лежит в основе такого подхода к делению общества. Черные и латиносы, даже с высоким уровнем доходов, реже белых от-

В конце января этого года две трети жителей США негативно оценивали положение дел в экономике страны, и в течение года этот показатель стремительно рос. К концу февраля он достиг 70%, после конца марта не опускался ниже 75%. Первое полугодие завершилось на отметке 83%

носят себя к имущим, они отмечают существование расовых, этнических факторов, препятствующих вхождению представителей этих общностей в число имущих. В группе белых не-латинос доля тех, кто делит общество на имущих и неимущих, за четыре года выросла на девять пунктов (с 36 до 46%), среди афроамериканцев – на 15 (с 57 до 72%), а среди испаноговорящих – на 18 (с 31 до 49%).

К середине марта цены на бензин обернулись немалыми финансовыми трудностями для двух третей семей страны (63%), и было ясно, что эта проблема только усилится. Половина опрошенных (49%) считали, что в конце года цена за галлон (около четырех литров) бензина будет находиться в интервале от 3,75 до 4,0 доллара, пятая часть респондентов (19%) прогнозировали более высокую цену. Прошел месяц, и опасения людей подтвердились: девять из каждых десяти человек (89%) сказали, что в месте, где они живут, цена галлона бензина достигнет 4 долларов уже летом, в действительности во многих штатах это произошло в конце апреля.

В середине июня 15% опрошенных утверждали, что не могут продолжать водить машину из-за роста стоимости горючего, 11% были вынуждены ограничить себя в путешествиях и поездках в праздничные дни, 10% старались ездить меньше и 5% пользовались автомобилем только в случае острой необходимости. Отмечалось и косвенное влияние роста цен на бензин на жизнь людей: они сократили расходы на питание (11%), больше времени проводили дома (10%), говорили об ухудшении финансового положения семьи (9%), ссылались и на другие осложняющие жизнь обстоятельства.

Заметно ухудшилась ситуация на рынке труда. В начале 2007 года четыре-пять человек из каждых десяти (45–48%) считали, что в стране благоприятная ситуация для получения хорошей работы, через год подобное мнение разде-

лялось третью взрослых американцев (33%), а в первых числах апреля таких стало еще меньше (20%).

Отношение к войне в Ираке

Иракская война началась 20 марта 2003 года с вторжения в эту страну США и группы государств-союзников с целью свержения режима Саддама Хусейна. Формальным поводом к войне послужила информация ЦРУ о наличии в Ираке запасов оружия массового поражения, впоследствии не нашедшая подтверждения. Кроме того, российская разведка установила, что в период между 11 сентября 2001 года и началом Иракской войны государственные структуры Ирака готовили теракты против США. Соответствующая информация была передана американским коллегам.

Примерно через год после начала войны треть населения (31%) полагала, что администрация Буша преднамеренно ввела в заблуждение американскую общественность, объявив, что Ирак обладает оружием массового поражения, но две трети (67%) с этим не соглашались. К марту 2008 года первая группа заметно вы-

росла (52%), вторая – сократилась (42%).

За прошедшие пять лет отношение американцев к войне претерпело значительные изменения. В 2003 году треть респондентов (32%) называли ошибкой отправку войск в Ирак, через год среднее значение этого показателя достигло 46%, а еще через год – 54%. В начале 2007 года шестеро из каждых десяти американцев (59%) признавали произошедшее ошибкой, но подобная точка зрения детерминировалась общеполитическими воз-

зрениями. Среди демократов подавляющее большинство (84%) не оправдывало отправку войск в Ирак, тогда как значительное большинство республиканцев (71%) продолжали поддерживать это решение администрации Буша.

Практически все избиратели утверждают, что позиции кандидатов, которые они занимали по иракской проблематике в прошлом и которых будут поддерживать в своих предвыборных выступлениях, в той или иной мере определяют их голосование в 2008 году

Уже год назад было ясно, что отношение различных групп населения страны к войне в Ираке станет одним из ключевых моментов президентской избирательной кампании. Подавляющее большинство потенциального электората (92%) говорило, что позиции кандидатов, которые они занимали по иракской проблематике в прошлом и которых будут придерживаться в своих предвыборных выступлениях, в той или иной мере определяют их голосование в 2008 году.

В ходе избирательной кампании одним из главных стал вопрос, должны ли американские войска оставаться в Ираке или их следует оттуда вывести. К концу февраля 2008 года единства в этом вопросе в обществе не было. С сентября 2007 года около 40% американцев полагают, что пора постепенно сокращать военный контингент в Ираке, по мнению трети (35%), войска надо сохранять до тех пор, пока положение дел в этой стране не улучшится, и наименее популярно суждение о немедленном выводе войск (18%). С другой стороны, можно говорить о заметном изменении отношения населения к проблеме увеличения численности войск в Ираке. В июле 2007 года 22% респондентов связывали с этим улучшение ситуации, 51% не могли определить однозначно последствия этой акции, и 25% видели в увеличении военного контингента в Ираке негативные последствия. В феврале 2008 года распределение голосов было иным: соответственно 40, 38 и 20%.

В середине месяца 39% населения полагали, что на посту президента страны с ситуацией в Ираке лучше справится Маккейн, 33% – что Обама. В этих суждениях ярко проступала партийная принадлежность: среди республиканцев 76% признавали первенство своего кандидата и 8% – его оппонента, в демократическом электорате способности Обамы лучше развязать этот узел отмечали 57%, но немалая доля из этой

группы избирателей (15%) выше оценивала возможности Маккейна.

Именно в отношении к войне избиратели видят наибольшее различие между Обамой и Маккейном. По мнению большинства демократов (78%), их лидер считает приоритетным вывод войск из Ирака. Такая же часть республиканцев (76%) полагают, что для Маккейна главное – завершить задачу, которая была поставлена перед войсками при их вводе в страну.

В январе 2007 года 45% американцев считали, что победа над терроризмом возможна лишь через победу в Иракской войне, и 47% не столь жестко увязывали успех борьбы против исламского терроризма с делами в Ираке. К лету 2008 года ситуация стала иной: лишь треть (34%) придерживаются первой точки зрения, но 60% считают, что успех борьбы США с терроризмом возможен без победы в Ираке.

К концу июня Барак Обама резче обозначил свою позицию по войне в Ираке: став президен-

том, он собирается завершить ее через 16 месяцев и сосредоточиться на войне в Афганистане и борьбе с Аль-Каидой; для него важнее не проблема Ирака, но терроризма. В середине июля почти половине взрослых американцев (48%) импонировало утверждение Обамы, что Ирак не является центральным фронтом борьбы с терроризмом, и 43% вслед за Обамой признавали в каче-

стве такового Афганистан. Пришлось и Джону Маккейну согласиться с тем, о чем демократы говорили в последние месяцы: чтобы успешно бороться с растущей в Афганистане нестабильностью, туда следует направить дополнительный контингент войск.

Политика Буша – провальная, а Маккейн – это третий срок Буша

В середине февраля 2008 года почти половина населения США (47%) одобряла деятельность президента Буша в борьбе с международным терроризмом, и чуть более трети (38%) позитив-

По мнению историков, ни при одном президенте нация не терпела так много неудач, как при Буше. Большинство экспертов назвали его худшим президентом за всю историю страны

Табл. 1. Одобрение различных направлений деятельности президента Буша, %

Вы одобряете или не одобряете то, как Дж. Буш ведет дело в...	Одобрю	Не одобряю	Нет мнения
...борьбе с терроризмом	47	49	4
...сфере образования	38	53	9
...международной политике	32	62	6
...Ираке	31	66	2
...сфере экономики	27	71	3
...энергетической политике	26	65	9
...сфере здравоохранения	25	70	5
...иммиграционной политике	22	69	9

но относились к его начинаниям в сфере реформы образования. Все остальные линии внутренней и международной политики его кабинета реализовывались слабо, не одобрявших работу вашингтонской администрации было в два-три раза больше, чем тех, кто ее одобрял (табл. 1).

30-й квартал своего пребывания в Белом доме (20 апреля – 19 июля) Буш завершил со средним значением индекса одобрения равным 29% – это самый низкий квартальный показатель за все годы его президентства.

Исторически самый низкий показатель одобрения в 30-м квартале (32%) имел Гарри Трумэн (1952 год), средние показатели других трех президентов заметно выше: Дуайт Эйзенхауэр (1960-й) – 58,8%, Рональд Рейган (1988-й) – 50,3%, Билл Клинтон (2000-й) – 58%.

Американцы фиксируют снижение авторитета страны: в июне 2008 года 71% опрошенных отмечали, что США в мире сейчас уважают меньше, чем ранее; год назад подобного мнения придерживались 65%. В 2006 году этот показатель составлял 56%, за год до того – 43%.

Разуверились американцы и в Буше-главнокомандующем. В начале 2003 года половина населения страны (53%) одобряла то, как он вел дела в Ираке, а весной 2003 года этот показатель достигал 70%. Однако, упав к февралю 2006 года до 30%, в дальнейшем он редко превышал это значение, но неоднократно находился на уровне 20–25%. В первом полугодии 2008 года лишь треть участников многих опросов одобряли политику Буша в Ираке.

Совпадают ли представления “простых людей” с позициями тех, кто хорошо знает историю страны и особенности американской политической системы? Весной этого года организация History News Networks провела опрос 109 историков [McElvaine]. Результаты оказались ошеломляющими: 98% из них признали президентство Буша “провальным” и лишь 2% – успешным. При сравнении работы Буша с деятельностью предыдущих президентов страны (всего их было 41) 4% ученых отвели ему место между 2-м и 30-м, 35% – между 31-м и 41-м, и подавляющее большинство экспертов (61%) назвали Буша худшим президентом за всю историю страны. Один из участников опроса уточнил: вероятно, преждевременно называть Буша самым плохим президентом, но без сомнения, он среди наихудших. В целом, по мнению историков, ни при одном президенте нация не терпела так много неудач, как при Буше.

Хотя Джон Маккейн старается дистанцироваться от политики Джорджа Буша, по многим главным проблемам страны его мнение и позиция действующего президента совпадают. В июне, готовясь к решающим схваткам за голоса электората страны и штатов, Маккейн заметно откорректировал состав своего избирательного штаба. В него вошли люди, многие годы работавшие с ведущими республиканскими политиками, помогавшие Джорджу Бушу-мл. еще в ходе его губернаторских выборов.

В середине июня все яснее стали обозначаться позиции республиканского и демокра-

Табл. 2. *Обеспокоенность продолжением политики Буша, %*

	Тем, что Маккейн, став президентом, будет продолжать политику Буша			
	очень обеспокоен(-а)	отчасти обеспокоен(-а)	незначительно обеспокоен(-а)	не обеспокоен(-а)
Все	49	19	16	15
Демократы	76	14	4	6
Независимые	47	20	17	15
Республиканцы	20	25	30	25

Табл. 3. *Обеспокоенность отходом от политики Буша, %*

	Тем, что Обама, став президентом, резко изменит политику Буша			
	очень обеспокоен(-а)	отчасти обеспокоен(-а)	незначительно обеспокоен(-а)	не обеспокоен(-а)
Все	30	19	19	31
Демократы	16	15	21	47
Независимые	22	20	22	34
Республиканцы	56	23	14	7

тического кандидатов, обнаружилось, что одна часть электората озабочена тем, что Маккейн, будучи избран президентом, станет продолжать политику президента Буша, а другая – что Обама начнет слишком решительно ее менять (табл. 2, 3).

Обобщая данные, приведенные в табл. 2 и 3, можно сказать, что население страны больше обеспокоено возможным продолжением политики Буша, его “третьим сроком”, чем изменениями, которые последуют с приходом в Белый дом Обамы.

Партийная идентификация

Одним из фундаментальных моментов развития всей общественной жизни США является динамика противостояния и сотрудничества двух ведущих партий страны: Демократической и Республиканской. Многое в политике определяется тем, как население, избиратели относятся к каждой из них и какое место люди отводят себе в этой двухпартийной системе.

С конца 80-х большая часть американского электората идентифицирует себя как демократов. По данным галлаповских опросов, в период с 1991 по 2005 год доля демократов или симпатизировавших Демократической партии в сред-

нем превосходила долю сторонников Республиканской партии на 2–3 п.п., но в 1992, 1993 и в 1998, 1999 годах превышала 7 п.п. Более значительные различия в партийных установках электората фиксирует Pew Research Center: в течение 20 лет (с 1987 по 2007 год) минимальное превышение доли избирателей-демократов над долей избирателей-республиканцев не опускалось ниже 9 п.п., а в период с 2003 по 2007 год менялось в интервале 14–15%.

Поскольку тип партийной идентификации – это важнейший индикатор участия людей в выборах, постольку исследователи постоянно изучают все, что относится к факторам, детерминирующим их политико-идеологическую ориентацию. В целом здесь многое ясно, среди этих детерминант – политическая культура семьи, социальноэкономический статус, расово-этническая принадлежность, политические традиции штата, в котором формировалось сознание человека. Но влияние этих обстоятельств динамично, и потому их исследование всегда актуально.

Не менее серьезной задачей оказывается и понимание того, в чем американцы видят сущность этих партий, как они объясняют свою партийную идентификацию. За год до выборов,

в конце октября 2007 года, в опросе Организации Гэллапа, после того как респонденты сказали, с какой партией они себя идентифицируют, им было предложено объяснить свой выбор.

Сторонники Республиканской партии и симпатизировавшие ей независимые указали три главные причины: партия – консервативная (26%), культивирует консервативные семейные моральные ценности (15%) и имеет близкую философскую платформу (12%). К другим часто называвшимся факторам относятся: консервативная налоговая и экономическая политика (10%), установка на небольшое по объему правительство (8%) и предпочтение личной ответственности (5%). Среди причин, указанных 3–4% прореспубликански настроенных респондентов, оказались: “всегда был республиканцем”, это – партия для рабочих, она придерживается политики низких налогов, укрепляет военную мощь страны.

Четверть идентифицирующих себя с Демократической партией объясняют это тем, что она – для среднего класса, для простых людей. Следующие по частоте причины: отношение партии к социальным и моральным проблемам (18%) и идеология партии в целом (14%). Далее указывалось: “партия – более либеральная” (11%), помогает бедным (7%), не согласен с республиканцами (5%) и “всегда был демократом” (5%).

Население США больше обеспокоено возможным продолжением политики Буша, его “третьим сроком”, чем изменениями, которые последуют с приходом в Белый дом Обамы

В начале апреля 2007 года служба Гэллапа изучала политическую экологию Демократической партии. Данные исследований позволили сделать обнадеживающий для этой партии вывод. Идентификация с Республиканской партией (28%) была самой низкой с 1999 года. Половина американцев (50%) хотели, чтобы в 2008 году победил представитель Демократической партии, и лишь треть (35%) предпочитали, чтобы выиграл республиканец.

Обстоятельное исследование Pew Research Center, завершенное в конце марта 2008 года, позволило сделать следующий вывод: баланс партийной идентификации в американском электорате благоприятен для Демократической партии и значительно лучше того, который был в ходе двух предыдущих президентских выборов.

Особенно стремительный рост демократического и снижение республиканского электоратов наблюдались в 2004 году. В табл. 4 представлена партийная идентификация четырех поколений населения США. “Молчаливое” поколение (родившиеся до 1946 года) – это те, кто уже отметил свое шестидесятилетие, далее следует первое послевоенное поколение, за которым закреплено название – бэбибумеры, старшие из них подходят к 60 годам, младшим – немало за пятьдесят. Третья возрастная группа известна как “младшие бумеры”, или “поколение

Табл. 4. Партийная идентификация четырех поколений американцев, % (март 2008 года)

	2004 год			2008 год		
	демократы	республиканцы	Δ	демократы	республиканцы	Δ
“Молчаливое” поколение (до 1946)	48	43	5	50	38	12
Ранние бумеры (1946–1955)	49	42	7	50	39	11
Поколение X (1956–1976)	44	47	-3	51	39	12
Поколение Y (1977–)	52	39	13	57	33	24
Всего	47	44	3	51	38	13

Табл. 5. Готовность проголосовать за Обаму и Маккейна представителями разных групп электората, % (5–10 июня 2008 года)

	Республиканцы	Скорее республиканцы	Независимые	Скорее демократы	Демократы
Барак Обама	10	11	26	83	78
Джон Маккейн	85	81	35	10	14

Х” – это наиболее активная группа населения, объединяющая 30- и 40-летних. Наконец, “поколение Y” – самая молодая часть взрослого населения страны.

Видно, что во всех когортах доля электората, планирующего голосовать за демократов в 2008 году, выше доли тех, кто относит себя к республиканцам. Наиболее заметно это различие в группе самых молодых избирателей.

После ноября 2004 года, когда был переизбран Буш, число зарегистрированных демократических избирателей выросло на 700 тысяч, тогда как Республиканская партия потеряла один миллион сторонников. Все происходящее в стране и особенности нынешней избирательной кампании фактически уже привели к заметной коррекции политической карты страны.

В начале лета 2008 года, когда стало ясно, что на ноябрьских выборах республиканскую партию будет представлять Джон Маккейн, а демократов – Барак Обама, значительное превалирование демократически настроенного электората уже указывало на потенциальные преимущества Обамы. Ответы 5299 опрошенных зарегистрированных избирателей дали следующую картину партийной идентификации: 37% относили себя к демократам, 15% – скорее к демократам, 8% были независимыми, 11% – скорее республиканцами, и 28% уверенно называли себя республиканцами. Таким образом, на стороне Демократической партии было несколько более половины электората.

Статистика отношения этих групп избирателей к Обаме и Маккейну приведена в *табл. 5*.

Соответственно справедливыми были пять суждений относительно путей достижения победы Маккейном:

необходимо увеличить долю избирателей, идентифицирующих себя как республиканцев;

следует увеличить долю республиканцев, поддерживающих Маккейна;

надо увеличить долю голосующих за Маккейна среди тех, кто относит себя к демократам; необходимо увеличить поддержку Маккейна среди независимых избирателей;

необходимо сделать явку сторонников Маккейна намного более высокой, чем явка голосующих за Обаму.

Джон Маккейн или Барак Обама?

Начало противостояния

В течение первой недели июня в отношении электората к Обаме и Маккейну не было заметных различий: каждого поддерживало по 45–46% зарегистрированных избирателей. Но 7 июня, когда Хиллари Клинтон объявила о своем выходе из президентской гонки, Обама немного обогнал соперника, и разница между ними составила 5–6 п.п.

В целом ни Обама, ни Маккейн в июне не смогли принять эффективные меры для расширения своего электората, сторонники вышедшей из борьбы Хиллари Клинтон разделились на три группы. Основная масса (69%), по данным опроса, проведенного в конце июня, намеревается поддержать Обаму, 17% предполагают отдать свои голоса Маккейну, и значительная доля – 12–14% – пока не определились. Но и далеко не все республиканцы определились в своем выборе. Есть такие, кто думает о поддержке Обамы, есть все больше убеждающиеся в недостаточном консерватизме Маккейна и подумывающие о том, чтобы вообще не голосовать.

Мозаика электоральных установок, отражающая ситуацию на середину июня, отчасти иллюстрирует сказанное. Избиратели затруднились в принятии решения о поддержке того или иного политика. Твердых сторонников Обамы и Маккейна насчитывалось 42 и 35% соответственно. Две фактически равные по численности группы сторонников двух кандидатов, в сумме

составлявшие 17%, допускали, что их мнение еще может измениться, и 8% не имели представления о том, за кого будут голосовать.

В середине июля интересное объяснение столь высокой конкуренции Обамы и Маккейна было предложено аналитиками Rasmussen Reports. Они поинтересовались тем, как избиратели проголосовали бы, если бы Обаме противостояли другие наиболее сильные представители Республиканской партии. В гипотетической ситуации “Обама против Буша” нынешний глава Белого дома проиграл бы демократическому кандидату 20 пунктов (54% : 34%). Два недавних соперника Маккейна – республиканцы Митт Ромни и Майк Хаккаби – тоже уступили бы Обаме: первый – восемь пунктов (41% : 49%), второй – 11 (39% : 50%). С другой стороны, если бы Маккейну сейчас противостояли Хиллари Клинтон или Альберт Гор, а не Обама, то положение республиканца было бы почти таким же. Сейчас Маккейн проигрывает Обаме 5–6 пунктов; от бывшей первой леди он отставал бы на 8 п.п., а от бывшего вице-президента – на 7. Приведенные и другие данные позволили поллстерам Rasmussen Reports сделать два вывода. Первый: Обама борется с сильнейшим из политиков, имеющихся в распоряжении Республиканской партии, Маккейн – с одним из сильнейших. Второй: хотя распространено мнение, что выбор Маккейна означает продление жизни администрации Буша, в глазах значительной части электората это не совсем так.

К факторам, сдерживающим принятие решения о голосовании в ноябре, относятся возраст Маккейна и раса Обамы.

По мнению почти четверти избирателей (23%), эффективность деятельности Маккейна

на посту президента может оказаться недостаточно высокой, так как на момент вступления в должность президента ему будет уже 72 года.

8% электората считают, что принадлежность Обамы к афроамериканцам, при всех прочих равных, снизит эффективность его работы на посту главы государства. Хотя опросы свидетельствуют в пользу того, что страна готова к черному президенту (табл. 6).

Очевидно, что это распределение ответов в какой-то мере детерминировано тем, что в Америке называется политкорректностью. Так, в январе, то есть в самом начале президентской гонки, 90% респондентов ответили положительно на вопрос: “Лично Вы проголосуете за кандидата в президенты, если он черный, или нет?”, и только 65% ответили утвердительно на вопрос: “Вы полагаете, большинство населения будет голосовать за кандидата в президенты, если он черный, или нет?”

Майкл Бэйрен, один из известнейших американских политических аналитиков, подводя итоги президентской кампании с начала до середины года, привел множество аргументов в пользу готовности Америки избрать черного президента. И потому, сделал он вывод, сейчас тест должен пройти Обама, но не страна. Статистика опросов показывает, что и страна тоже [Barone].

Те американцы, для которых религия – важная часть их жизни, скорее готовы голосовать за Маккейна, чем за Обаму (50% против 40%). Среди менее религиозных за демократического кандидата готовы голосовать 55%, за республиканского – 36% американцев. В значительной степени поддержку Маккейна обеспечивает белый, неиспаноговорящий протестантский элек-

Табл. 6. Готовность американцев иметь черного президента, %

	2008 год			2006 год
	26-29 июня	26 марта - 2 апреля	14-17 января	5-7 декабря
Как Вы думаете, Америка готова к черному президенту или нет?				
Да	74	76	72	62
Нет	25	22	26	34
Нет мнения	1	3	2	4

торат – в этой группе готовы голосовать за него 63%, за Обаму – только 27%. Среди белых католиков (не латинос) политические предпочтения противоположные: Обаме симпатизирует более половины этой группы (53%), его конкуренту – несколько более трети (37%). Аналогично распределяются голоса испаноговорящих католиков (57%) – 31%. Черные избиратели – вне зависимости от степени религиозности – почти единодушны в поддержке афроамериканского кандидата в президенты. Среди глубоко религиозных евреев мнения разделены: по 45% за каждого из кандидатов, в менее религиозной части еврейского электората уверенно лидирует Обама (68%), за Маккейна готовы отдать свои голоса лишь 26%. Ясно одно: оба политика будут бороться за укрепление своего имиджа в религиозных и этнических сообществах.

В статье, опубликованной в середине июня в “New York Times”, показывалось, что черная и белая Америки относятся к Обаме по-разному, и утверждалось, что нехватка голосов белых избирателей затруднит для него движение в Белый дом. Соглашаясь с существованием межрасовых проблем в обществе, Алан Абрамович, известный специалист по президентским выборам, на базе исторических фактов и текущих опросов общественного мнения предложил не столь пессимистичную картину. Во-первых, он напомнил, что последним демократическим президентом, получившим большинство голосов белых, был в 1964 году Линдон Джонсон. В 2000 году Гор получил от белого электората на 12 п.п. меньше, чем Буш, а в 2004 году Керри – на 17. Опросы конца июня – начала июля показывали, что Обама отстает от Маккейна в белом электорате на 9 п.п. Это – неплохой результат. В 2000 году демократический кандидат Гор отстал от Буша по голосам белых избирателей на 12 пунктов, в 2004 году его

однопартиец Керри – на 17. Среди демократических кандидатов в ходе выборов последних четырех десятилетий лучший результат в этой части избирателей имели Джимми Картер в 1976 году и Билл Клинтон в 1992 и 1996 годах. Они и были единственными успешными кандидатами от Демократической партии. Отмечая, что

в 2008 году белый электорат составит менее 80%, черные проголосуют за Обаму в отношении 20:1, а латинос – 2:1, Абрамович приходит к выводу: “Существующий сейчас у Обамы дефицит в 9% среди белых избирателей будет преобразован в сокрушительную победу в ноябре” [Abramowitz].

Еще одна важная для исхода выборов группа электората – это женщины, в начале кампании они были вдохновлены успешным участием Хиллари Клинтон, но после ее выхода из борьбы в начале июня многие из них вынуждены были решать, кому из кандидатов отдать теперь свой голос. К концу июня ситуация скла-

дывалась благоприятно для Обамы: за него готовы были проголосовать 51% женщин, за Маккейна – 37%. В июне 2000 года Гор тоже активнее, чем Буш поддерживался женщинами, но его лидерство было скромнее: лишь 9 п.п., а преимущество Керри в 2004 году было совсем незначительным – 1 пункт.

Если бы в США были прямые президентские выборы, то по итогам июня с определенной уверенностью можно было бы говорить о победном финише Обамы. Однако при существующей системе выборов решающее слово оказывается за избирателями штатов (см. ниже). Прямой корреляции между результатами всеобщих выборов и составом избирательной коллегии нет, и потому опросы общественного мнения общенационального электората позволяют лишь выявить характер поддержки кандидатов. Строго говоря, они, особенно в случаях острой борьбы

Обстоятельное исследование Pew Research Center, завершённое в конце марта 2008 года, позволило сделать следующий вывод: баланс партийной идентификации в американском электорате благоприятен для Демократической партии и значительно лучше того, который был в ходе двух предыдущих президентских выборов

за Белый дом, которая предвидится в летне-осенние месяцы, не дают возможности для уверенного предсказания победителя.

Похоже, по итогам июня и начала июля произошли заметные изменения в освещении хода избирательной кампании, во всяком случае в конце второй декады июля половина населения (49%) считала, что журналисты пытаются помочь Обаме победить; месяц назад этот показатель равнялся 44%. О поддержке прессой Маккейна заявили 14%, при этом четверть населения (24%) говорила о стремлении средств массовой информации к взвешенному рассмотрению происходящего.

Образы политиков

Рассматривая соперничество между Хиллари Клинтон (р. 1947) и Бараком Обамой (р. 1961), обозреватели нередко подчеркивали наличие большого опыта работы в политике бывшей первой леди и отсутствие такового у сенатора от Иллинойса. На излете февраля 65% населения полагали, что Клинтон обладала опытом, необходимым для того, чтобы стать президентом; относительно Маккейна уверенность в этом была еще выше (70%). Обама заметно уступал им:

о его подготовленности к исполнению обязанностей президента говорили менее половины американцев (46%). Отвечая на вопрос: “Кто, по Вашему мнению, лучше подготовлен к президентству, имеет больший опыт?”, 56% демократов указали Клинтон и вдвое меньшая часть сторонников Демократической партии (25%) – Обаму. Республиканцы же почти единодушно (86%) назвали Маккейна.

Казалось бы, его победа над Клинтон должна была показать, что политическая мудрость и умение вести предвыборную борьбу не сводимы ни к жизненному опыту, ни к годам, проведенным в политике. Однако теперь, когда борьба за Белый дом ведется между Джоном

Маккейном (р. 1936) и Обамой, тема возраста кандидатов и продолжительности их политической деятельности продолжает обсуждаться. При этом наличие значительного опыта республиканца трактуется как безусловный плюс, а молодость и относительно короткий срок политической и государственной деятельности демократа – как большой минус.

Прежде всего, в этих разговорах забываются страницы истории, когда молодые и менее опытные политики выигрывали у старших и более опытных и затем доказали свое право на руководство страной. Так, Билл Клинтон (р. 1946) выиграл у двух сильнейших кандидатов: Джорджа Буша-ст. (р. 1924), который тогда был президентом, а до того – вице-президентом и занимал другие ответственные государственные посты, и Росса Перо (р. 1930) – супермиллиардера и опытного политика.

Второе: не принимаются во внимание характер опыта Маккейна и Обамы и их способности к решению сложных проблем внутренней и внешней политики. Но здесь прежде всего следует говорить не просто о возрастных различиях этих политиков, но о том, что они из разных социокультурных пространств. Маккейн – родом из завершающей части периода Великой депрессии, он формировался в годы Второй мировой войны. Потом наступил период противостояния ядерных супердержав. И, что у многих американцев не укладывается в голове, Маккейн родился задолго до начала компьютерной эры. Маккейн – участник вьетнамской войны, Обаме было 14, когда она закончилась. Обама родился, когда президентом США был Джон Кеннеди. В годы, когда он завершал свое образование, в СССР начиналась перестройка, а потом страна распалась. Таким образом, в случае избрания президентом Маккейн будет опираться на опыт прошлого, в частности, следовать политике Джорджа Буша-мл., Обама

По итогам июня и начала июля произошли заметные изменения в освещении хода избирательной кампании: в конце второй декады июля половина населения считала, что журналисты пытаются помочь Обаме победить. О поддержке прессой Маккейна заявили 14%

Табл. 7. Кто будет лучше решать проблемы, %

Проблемы	Очень важно и важно	Кто будет решать лучше?	
		Обама	Маккейн
Экономика	91	48	32
Энергия, включая цены на бензин	90	47	28
Ситуация в Ираке	85	43	43
Здравоохранение	80	51	26
Терроризм	76	33	52
Налоги	72	44	35
Моральные ценности	69	40	39
Нелегальная иммиграция	59	34	36

будет стремиться к переменам. Выборы в Америке – это, по словам Обамы, выбор между прошлым и будущим.

В конце июня 42% населения признавали, что неопытность Обамы ослабляет его позицию как кандидата; 22% отмечали как “слабое место” его афроамериканское происхождение. Но одновременно 22–23% опрошенных полагали, что неопытность и цвет кожи помогут Обаме в выборах. Относительно возраста Маккейна позиция общественного мнения была более определенной: 51% убеждены, что это его “минус”, 5% – что это “плюс”.

В конце второй декады апреля, когда лидерство Маккейна было признано республиканским электоратом, а Клинтон и Обама продолжали борьбу за номинацию (тогда Клинтон лидировала с преимуществом в 10 п.п.), участников одного из опросов просили описать этих политиков своими словами. В рассказах о Клинтон было 30% позитивных суждений, 7% – нейтральных, но доминировали негативные – 55%. Портрет республиканского кандидата оказался сбалансированным: по 40% негативных и позитивных комментариев и 7% – нейтральных. В описании Обамы доля положительных суждений (42%) немного превышала долю негативных (39%) при тех же 7% нейтральных суждений. Среди наиболее часто называемых характеристик Маккейна были: “слишком пожилой” (12%), “хороший человек” (12%), “еще один Джордж Буш” (10%), “хорошее

военное образование” (8%), “он мне не нравится” (8%). В портрете Обамы доминировали: “молод, неопытен” (18%), “свежее лицо и новые идеи” (13%), “он мне нравится” (9%), “он мне не нравится” (9%), “харизматичен, динамичен, энергичен” (7%).

К середине июня стало заметно, что большинство американцев по многим аспектам, существенным для политика высочайшего ранга, отдают предпочтение Обаме (табл. 7). В первом столбце – ответы на вопрос, в какой мере важны позиции кандидатов по ряду проблем страны в размышлениях об их поддержке при голосовании. По ряду проблем доверие Обаме и Маккейну – примерно равное, преимущество последнего, с точки зрения общественного мнения, лишь в его эффективной деятельности в борьбе с терроризмом.

Подавляющее большинство американцев (80%) полагают, что Маккейн имеет все шансы хорошо выполнять обязанности главнокомандующего страны. Подобного мнения относительно Обамы придерживается лишь половина населения (55%). Но последняя цифра “прикрывает” два разных видения способностей принимать стратегические решения в области защиты страны от внешних угроз. Среди республиканцев лишь четверть (26%) допускают, что Обама будет эффективно выполнять функции главнокомандующего, но в демократическом электорате так считают восемь человек из десяти (77%).

Неоднозначные суждения выносят по обсуждаемому вопросу и специалисты. Несколько известных в США генералов заявили, что у республиканского кандидата, несмотря на его участие во вьетнамской войне, недостаточно опыта командования. Существует и более широкий взгляд на обсуждаемую тему: нужен ли теперь США президент военного времени?

В начале избирательной кампании Маккейн и многие консервативные журналисты обвиняли Обаму в неопытности в вопросах международной политики, делали из него либерального мечтателя, не понимающего реалий мира. Однако дискуссии Обамы с Клинтон и Маккейном по проблемам внешней политики показали, что он серьезно погружен в этот круг вопросов и является не либералом, но типичным реалистом. В понятиях, развиваемых историко-политической наукой, Обама оказался скорее холодным консерватором, тогда как Маккейн – настоящим идеалистом.

Итоги опроса, репрезентировавшего все взрослое население и дополненного выборками черных и испаноговорящих, открыли еще одну причину доверительного отношения американцев к Обаме. Около трети респондентов (29%) назвали его политиком, наиболее точно выражающим их отношение к расовым проблемам общества. Еще половина (49%) указали имена других политиков и лидеров мнений, и около четверти не смогли никого вспомнить. Вторым и третьим с огромным отставанием от Обамы оказались известные черные проповедники и борцы за гражданские права afroамериканцев Эл Шарптон (6%) и Джесси Джексон (5%) и за ними – Билл и Хиллари Клинтон (по 3% каждый).

При наличии серьезных различий в подходах к решению важнейших проблем, стоящих перед страной, и резких взаимных комментариев по поводу того, что говорится каждым, оба

кандидата на первой фазе противостояния выдерживались от оскорбительных замечаний в адрес друг друга. В середине июня семь человек из десяти полагали, что Обама и Маккейн в своей избирательной кампании будут фокусироваться только на обсуждении проблем. Время покажет.

Борьба за штаты

4 ноября электорат США проголосует за Маккейна или Обаму, возможно, будут и другие кандидаты, но, по оценкам специалистов, они совокупно получают не более 4% голосов участников выборов. Опуская свой бюллетень за демократа или республиканца, избиратели фактически окажут доверие соответствующей партии. Далее штат формирует свою команду выборщиков, при этом почти повсеместно голоса всех выборщиков отходят тому из кандидатов, кто набрал в штате простое большинство голосов избирателей. Исключение составляют штаты Мэн (4 выборщика) и Небраска (5) – в них предусмотрено пропорциональное представительство

выборщиков. Случаи, когда выборщики голосуют не так, как в целом проголосовал штат, крайне редки и на исход выборов ни разу не влияли. В 24 штатах неправильное голосование выборщика наказуемо по закону, хотя на практике эти законы ни разу не применялись.

Количество выборщиков определяется количеством населения, проживающего в штатах, или числом избирательных округов. Наибольшее количество выборщиков делегируются наиболее населенными Калифорнией (55 человек), Техасом (34) и Флоридой (27), а наименьшее – по три – имеют Аляска, Вайоминг, Вермонт, Делавэр, Монтана, Северная Дакота и Юта.

Представители всех штатов образуют избирательную коллегию (или электоральный колледж), ее суммарная численность – 538 человек.

В случае избрания президентом Маккейн будет опираться на опыт прошлого, в частности, следовать политике Джорджа Буша-мл.; Обама будет стремиться к переменам. Выборы в Америке – это, по словам Обамы, выбор между прошлым и будущим

Побеждает тот из кандидатов, кого поддерживают 270 или более выборщиков.

С начала июня, когда в борьбу вступили Обама и Маккейн, главное внимание в анализе происходящего и в стремлении понять, кто победит, стало фокусироваться на уровне штатов: у кого из кандидатов лучшие перспективы в каждом из них, набираются ли необходимые для победы 270 голосов.

Безусловно, результаты выборов определяются позициями кандидатов по основным проблемам, стоящим перед страной, и их способностью убедить людей в справедливости этих позиций, в реализуемости предвыборных обещаний. Но существует обстоятельство, в значительной степени детерминирующее течение избирательной кампании и ее итоги; оно априори “дано” каждому кандидату и требует самого внимательного изучения и учета. Речь идет об историческом, традиционном доминировании в ряде штатов Демократической или Республиканской партии. На политической карте страны штаты, поддерживающие демократов, обозначаются синим цветом, голосующие за республиканцев – красным. В первых доминируют традиционные сферы экономики: сельское хозяйство, деревообработка, добыча и переработка полезных ископаемых, в них расположено значительное число военных баз. Экономика вторых определяется результатами деятельности промышленного, финансового и информационного бизнеса. При этом “красные” штаты, как правило, значительно менее мощны в экономическом плане, они являются получателями различных льгот (например, компенсаций фермерам) и дотаций от федерального центра. Они обеспечивают 29% от общего числа налоговых поступлений в федеральный бюджет, при том что на долю “синих” приходится 71% налогов.

Около трети респондентов назвали Барака Обаму политиком, наиболее точно выражающим их отношение к расовым проблемам общества. Вторым и третьим с огромным отставанием оказались известные черные проповедники и борцы за гражданские права афроамериканцев Эл Шарптон и Джесси Джексон

Штаты, традиционно поддерживающие демократов, как правило, обладают более многочисленным молодым населением, что объясняет их тягу к современной культуре. Кроме того, население “синих” штатов более образованно, в них расположено большинство лучших школ и университетов страны, оперных театров, работает большее число известных симфонических оркестров.

Третий цвет раскраски электоральных карт – фиолетовый, это штаты, в которых голоса электората распределены между демократами и республиканцами примерно поровну. И если в “синих” и “красных” штатах исход выборов может уверенно прогнозироваться задолго до дня голосования, то распределение позиций “фиолетовых” долго остается загадкой для аналитиков, а итоги выборов в них – предметом обсуждений.

К “синим”, например, относится группа штатов, расположенных в районе Тихого океана. Начиная с 1988 года Гавайи, Орегон и Вашингтон на президентских выборах голосовали только за демократическое кандидата, Калифорния в 1988 году проголосовала за опытного политика Джорджа Буша-ст., отдав ему на 4 п.п. больше, чем малоизвестному Майклу Дукакису, но с 1994 года этот крупнейший штат оставался определенно демократическим. Аляска, Вайоминг, Индиана, Монтана, Юта с 1968 года поддерживают республиканцев. Лишь дважды – в 1972 и 1988 годах – Монтана дала 2%-ное преимущество демократам. Еще одним островом безопасности для Республиканской партии являются Канзас, Небраска, Северная и Южная Дакота. За шесть десятилетий, с 1948 года, лишь дважды избиратели Южной Дакоты активнее проголосовали за демократов, чем за республиканцев.

Табл. 8. Поддержка “цветными” штатами Х. Клинтон, Д. Маккейна и Б. Обамы, % (апрель 2008)

	В целом	“Красные” штаты	“Фиолетовые” штаты	“Синие” штаты
Обама против Маккейна	46:44	41:49	47:43	52:39
Клинтон против Маккейна	46:45	41:51	47:43	50:41
Керри против Буша (2004 год)	48:51	40:59	49:50	56:43

Но и внутри штатов электоральные предпочтения часто заметно варьируются. Так, в 2004 году в стабильно “синих” штатах большинство избирателей сельских районов и пригородов голосовали за республиканца Буша, а в традиционно “красных” значительная часть горожан отдала свои голоса демократическому кандидату Керри. В 2004 году, как показали опросы на выходе, обе партии получили по крайней мере 40% голосов всех значительных слоев общества. Среди окончивших колледж 49% голосовали за Керри и Буша, среди имеющих степень бакалавра преимущество в 6 п.п. имел Буш, в группах с более высоким образованием отрыв Керри составлял 10 п.п. Члены семей с доходом менее 50 тысяч долларов в год чаще голосовали за Керри, более состоятельные избиратели – за Буша.

В целом в ходе текущей избирательной кампании электоральные установки населения различных штатов обозначились весной. В агрегированных данных опросов первой половины апреля (общее количество респондентов – свыше 13 000) штаты были разбиты на три группы: “синие” – в которых в 2004 году Керри победил с преимуществом в 6 п.п. и более; “красные” – с подобным отрывом Буша и “фиолетовые” – все другие штаты (табл. 8).

Из этих данных делались два вывода. Первый: борьба между Маккейном и демократическим кандидатом будет очень острой и напомнит выборы 2004 года. Второй: традиционная система выборов, при которой штаты голосуют по идеологическому принципу, сохранится, и каждый из кандидатов будет стремиться к победе в штате своего цвета. Но при этом развернется напряженная борьба за голоса “колеблющихся” регионов.

В середине июля известный политобозреватель Стюарт Ротенберг выделил пять штатов, борьба за которые определит дальнейшее развитие избирательной кампании: Огайо (20 выборщиков), Мичиган (17), Вирджиния (13), Колорадо (9) и Невада (5). Если Ротенберг прав, то Обама может быть спокоен за исход выборов. Согласно результатам опросов, проведенных в этих штатах в последние месяцы, он всюду пусть немного, но впереди [Rothenberg].

Джон Зогби, владелец и руководитель кампании Zogby International, обобщая результаты многих опросов, а также социоэкономических и демографических исследований, полагает, что парадигма “красных” и “синих” штатов устарела и в этом году не сработает [Zogby]. Изменения в экономике страны, в структуре населения и политической ориентации электората могут иметь серьезные последствия для хода выборов. Например, в выборах 2000 и 2004 годов доля молодежи достигала 20%, в 2008 году она может вырасти до 22–23%. В двух предыдущих президентских кампаниях голоса молодых составляли одну пятую от 105 и 122 миллионов избирателей, соответственно, в этом году – 22–23% от, как ожидается, 130–135 миллионов.

На этой же концепции мобилизации новых политических сил базируется анализ направленности избирательных кампаний Обамы и Маккейна в южных штатах страны – цитадели Республиканской партии. Задача Обамы – активизировать черное население этих штатов и молодежь, Маккейн будет стараться противостоять давлению демократического кандидата. Юг – это 11 штатов с населением 1,8 миллиона человек, он не голосовал за Демократическую партию с 1964 года, когда поддержал демократа, те-хасца Линдона Джонсона. Если Обама увеличит

явку на голосование черных избирателей и молодежи на 30%, то в ряде штатов он будет первым. По оценкам политиков и экспертов, знающих особенности южного электората, это – задача решаемая.

Обама – будущий президент?

Когда прямое соперничество Обамы и Маккейна только начиналось, специалисты компании Гэллапа использовали в одном из зондажей вопрос: *“Вне зависимости от того, кого Вы поддерживаете, скажите, кто, по Вашему мнению, победит на президентских выборах в ноябре?”* Опрос охватил более 800 респондентов, репрезентировавших взрослое население страны. Из десяти взрослых человек пятеро считали, что следующим президентом страны станет Обама, четверо полагали, что им будет Маккейн. Особенно велика была уверенность в победе Обамы демократов: три четверти из них (76%) верили в успех своего кандидата, пятая часть (20%) считали, что он проиграет на выборах. Уверенность в выигрыше демократического кандидата преобладала также среди женщин и жителей западных штатов страны. Удивительно, но и предста-

вители старшего поколения, и южане, активно поддерживающие Маккейна, пальму первенства все же отдавали его сопернику. Преобладающая часть молодых избирателей на первичных выборах проголосовали за Обаму, но молодые не уверены в том, что и старшие поколения отдадут свои голоса представителю новой политической элиты.

Суммируя эти результаты, аналитик Лидия Саад отметила: *“Говорят, восприятие становится реальностью”* [Saad]. Ноябрь покажет.

День независимости, отмечаемый американцами 4 июля, – один из самых значимых в истории страны; в годы, когда проходят выборы президента, он приобретает особое значение. Люди вспоминают прошлое, говорят о настоящем и заглядывают в будущее. При этом, естественно, обсуждают перспективы исхода выборов, сопоставляют шансы кандидатов. В табл. 9 приводятся данные об электоральных предпочтениях американцев накануне или непосредственно после Дня независимости за все послевоенные годы. Анализируя их, можно сделать два вывода. Первый: не стоит формулировать слишком жесткий прогноз – многое еще

Табл. 9. Электоральные предпочтения американцев накануне Дня независимости (1948–2008 гг.)

Год, дата опроса	Результат	Избран президентом
2008, 2 июля	Обама – 47%, Маккейн – 43%	
2004, 21–23 июня	Керри – 46%, Буш-мл. – 44%	Буш-мл.
2000, 23–25 июня	Буш-мл. – 45%, Гор – 36%	Буш-мл.
1996, 27–30 июня	Клинтон – 51%, Долл – 35%	Клинтон
1992, 9–10 июля	Буш-ст. – 32%, Клинтон – 31%, Перо – 28%	Клинтон
1988, 8–10 июля	Дукакис – 47%, Буш-ст. – 41%	Буш-ст.
1984, 29 июня – 2 июля	Рейган – 50%, Мондэйл 40%	Рейган
1980, 24 июня	Рейган – 40%, Картер – 38%	Рейган
1976, 22 июня	Картер – 49%, Форд – 28%	Картер
1972, 13 июня	Никсон – 42%, МакГоверн – 31%	Никсон
1968, 26 июня – 1 июля	Хэмфри – 34%, Никсон – 32%, Уоллес – 19%	Никсон
1964, 25–30 июня	Джонсон – 72%, Голдуотер – 19%	Джонсон
1960, 28 июня	Кеннеди – 46%, Никсон – 41%	Кеннеди
1956, 10 июля	Эйзенхауэр – 58%, Стивенсон – 36%	Эйзенхауэр
1952, 10 июля	Эйзенхауэр – 56%, Стивенсон – 34%	Эйзенхауэр
1948, 14 июля	Трумэн – 40%, Дьюи – 39%	Трумэн

может измениться. Второй: все же кандидат, лидировавший в президентской гонке в День независимости, чаще оказывался ее победителем. В 2008 году Обама пришел к этому дню с опережением Маккейна на 4 п.п. (47% против 43%).

А теперь – еще один взгляд на итоги ноябрьского голосования, статистический.

В октябре 2007 года никому не известный аналитик под псевдонимом Poblano начал публиковать на одном из посещаемых политических блогов свои рассуждения о новых подходах к количественному анализу материалов электоральных опросов. Исходно его построения привлекали методологией, позже – успешными предсказаниями результатов некоторых первичных выборов, проходивших в начале 2008 года. В марте он открыл свой сайт FiveThirtyEight.com, описал свою регрессионную модель для прогнозирования исхода президентской гонки и приступил к прогнозированию результатов первичных демократических выборов. В некоторых случаях его оценки были точнее, чем те, что предлагались известными специалистами. Так возникли понятия Poblano-модель и Poblano-эффект.

Poblano-модель базируется на достаточно простых принципах “перевзвешивания” данных об электоральных предпочтениях населения штатов. Современные приемы работы с большими массивами данных и широко доступная информация о строении электората позволяют построить многомерные алгоритмы “взвешивания” данных и рассчитать, что произойдет в ноябре в день голосования.

Напомню, число 538, давшее название сайту FiveThirtyEight.com, – это суммарное количество выборщиков в электоральной коллегии, а победит тот из кандидатов, кто на выборах сможет заполучить 270 голосов. На сайте ежедневно уточняется прогноз числа выборщиков, голоса которых могут получить Обама и Маккейн; 14 мая было указано, что в том случае, если афроамериканская часть электората активно поддержит Обаму, он наберет 350 голосов и уверенно победит Маккейна.

В конце мая маска была снята, Poblano – это Нэйт Сильвер (Nathaniel “Nate” Silver, г. р. 1978),

молодой политический обозреватель и экономист. До того как он начал пробовать свои силы в электоральном прогнозе, он добился выдающихся успехов в предсказании результатов в бейсболе. Он упорно совершенствует свою регрессионную модель предсказания итогов выборов и продолжает работу спортивного оракула.

30 июня Сильвер опубликовал следующий прогноз: Обама получит 310,5 голоса выборщиков, Маккейн – 227,5. В общем голосовании демократического кандидата поддержат 49,7% электората, республиканского – 46,3%. В целом вероятность победы Барака Обамы – 65,6%.

* * *

Избирательная кампания продолжается, основные события – впереди, тематика мониторинга развивается. Точку в исследовании можно будет поставить 4 ноября, тогда же и сделать заключение. ■

Литература

- Докторов Б.* Впервые. Необычная президентская гонка в США // Социальная реальность. 2008. № 2. С. 61–67 <<http://socreal.fom.ru/files/sr0802-061-066.pdf>>
- Abramowitz A. I.* Does Obama Have a Problem with White Voters? <http://rasmussenreports.com/public_content/political_commentary/commentary_by_alan_i_abramowitz/does_obama_have_a_problem_with_white_voters>
- Barone M.* Obama’s Candidacy is a Test <http://www.realclearpolitics.com/articles/2008/07/obamas_candidacy_is_a_test.html>
- McElvaine R. S.* HNN Poll: 61% of Historians Rate the Bush Presidency Worst <<http://hnn.us/articles/48916.html>>
- Rothenberg S.* The Big 5: Picking the States That Will Pick the President <http://www.realclearpolitics.com/articles/2008/07/the_big_5_picking_the_states_t.html>
- Saad L.* Americans Predict Obama Will Be Next U.S. President <<http://www.gallup.com/poll/107995/Americans-Predict-Obama-Will-Next-US-President.aspx>>.
- Zogby J.* The Changing Times and the Equinox Voter <<http://www.zogby.com/news/ReadNews.dbm?ID=1521>>

WAGTIFPCVAR

Громко провозглашать конец методологии – банально. Но не думать о нем, хотя бы тихо, про себя, тоже не получается ввиду большого *интереса эпохи* к особенным, частным точкам зрения и умножению интерпретаций, которое видится теперь главной целью социологического теоретизирования. Геометрический нормативизм Декарта, согласно которому для любой геометрической фигуры есть только одна-единственная точка обзора, позволяющая сформировать наиболее адекватное представление о форме фигуры, больше не может удовлетворить социального ученого. Социальная реальность пришла в движение оттого, что ее участники осознали ее и свою подвижность – природу ее становления. Еще до декартовых времен каждый солдат мечтал стать генералом. В осознанной логике всеобщего интерактивного становления почему бы, к примеру, треугольникам не желать третьего измерения, и чтоб все углы были прямые?

В предлагаемых двух статьях обсуждаются частные сюжеты качественной методологии. Их объединяет рамка де- и конструирования разлома на модерн и постмодерн. Во второй статье в методологическом поле прорисовывается союз двух интеллектуальных направлений, созвучных эпохе постмодерна. В первой статье тщательно искомой разницы между пост- и модерном не обнаруживается благодаря, как представляется, постмодернистской интерпретации канонических текстов и личного исследовательского опыта.

Согласится ли читатель с интерпретацией конца, возможность которой увиделась редактору в похожих статьях о разном: конец наступает *логии*, а метод остается? Произошла ли реконфигурация мотивирующих основ методизма, если считать, что из области объективированных обобщенных правил они перекочевали в область этики личного служения?

Олег Оберемко

Е. Варшавер

Постановка исследовательского вопроса в рамках постмодерной методологии

Авторы многих авторитетных учебников по методологии социологических исследований едины в том, что у исследования должен быть алгоритм, согласно которому определение проблемы, переформулирование ее в исследовательских терминах и следующее за ним формулирование исследовательского вопроса предваряет этапы сбора и анализа данных (см., напр. [Ядов. 2000. С. 69–122; Sarantakos. 2005. P. 123–126]). Однако универсальная продуктивность жесткого алгоритма подвергается сомнению. Конечно, ис-

следователь должен понимать, что он хочет узнать в результате исследования. Однако, во-первых, в области, по каким-то причинам заинтересовавшей исследователя, не всегда сформулированы проблемы, ждущие своего решения (особенно это касается немаркетинговых в широком смысле исследований)¹, а во-вторых, в процессе исследования, с одной стороны, могут вскрыться некоторые неизвестные ранее факты, а с другой – ресурс, на который исследователь рассчитывал, может оказаться недоступным.

¹ Можно привести характерный пример из исследовательской биографии Дэвида Сильвермана. Когда он познакомился с врачом, тот, узнав, что Сильверман – социолог, пригласил его в госпиталь, и исследователь подумал, что это интересно, хотя вопросов на этом этапе он не сформулировал [Silverman. 1987. P. 16].

Если речь идет о количественном исследовании, это грозит большими неприятностями, поскольку подготовительные работы требуют времени и денег. Кроме того, в полевых условиях такие процедуры, как, например, допечатка анкет, порой затруднены. Вслед за Ансельмом Строссом и Барни Глэйзером [Glaser, Strauss. 1967. P. 15-18], а также другими авторами [Marvasti. 2004. P. 7-9; Neuman. 2003. P. 139; Silverman. 1993. P. 20-21], мы исходим из отсутствия строгой дихотомии “количественный – качественный”. Мы полагаем, что и количественные, и качественные методы могут быть полезны и в верификации теоретических построений, и в их создании. Тем не менее способ фиксации данных, использующийся в рамках того или иного метода, накладывает на его применение базовые ограничения. Так, вряд ли сейчас продуктивно разрабатывать анкету для опроса группы населения, известной исследователю лишь по книгам советского периода. Таким образом, для поборников количественных исследований логически выстраивается подход, согласно которому принципиально не верифицируемые качественные данные можно использовать лишь в преддверии количественных процедур – на ранней стадии разработки понятий и процедур анализа [Black. 1999. P. 33-35], или, иными словами, для уточнения исследовательского вопроса, ответ на который можно получить благодаря использованию количественных инструментов.

Однако у качественных методов есть и собственная специфика. Эти методы обладают такой гибкостью, которая по-

зволяет снимать диссонанс между ожиданиями исследователя и тем “жизненным миром”, с которым он сталкивается в поле. Например, Глэйзер и Стросс предлагают процедуру так называемой теоретической выборки, с помощью которой исследователь определяет источники и характер информации, необходимой для получения на выходе *обоснованной теории*².

Адель Кларк, ученица Стросса, утверждает, что в большинстве наук уже произошел поворот к постмодернизму, и цель методологов состоит в определении способов преобразования старых и разработке новых методик исходя из принципов постмодернизма [Clarke. 2005]. Сравнивая постмодернизм с модернизмом, Кларк использует противопоставления особенного – общему (универсальному), нестабильности – стабильности, нерегулярности – регулярности, гетерогенности – гомогенности, фрагментарности – целостности. Вслед за Л. Ричардсоном

Важно отличать формулировку социальных проблем от формулировки проблем исследования: последние часто вырастают из первых, но принципиально не сводимы к ним. Голод в Африке – это социальная проблема, решать которую можно лишь практически-ми действиями, а вот социальные причины голода в Африке – это уже вопрос для социолога

Кларк видит суть постмодернизма в том, что все методы, теории, жанры, традиции, инновации, претендующие на истину и глобальный охват, подвергаются сомнению, а все высказывания внушают подозрения в ангажированности. При этом постмодернизм не объявляет старые методы познания мира ложными (порождающими ложное сознание), а предлагает подвергнуть тщательной критике и современные, и постмодерные методы ([Richardson. 2000. P. 928], цит. по: [Clarke. 2005. P. xxvi]). Сходное, но более краткое определение, корни которого уходят в ту же традицию, предложила Ивонна Линкольн: “Суть постмодернизма – в постоянном сомнении в отношении того,

² Мы предлагаем “grounded theory” переводить как “заземленная теория”, поскольку “обоснованная теория” предполагает, что все иные теории, разработанные до и помимо Стросса, не обоснованы. Стросс вряд ли имел в виду именно это.

что кто-то знает лучше” [Campbell, 2001].

В статье мы (1) рассмотрим процедуры и действия, предлагаемые для формулирования исследовательского вопроса непосредственно в ходе исследования, и (2) определим, как эти процедуры соотносятся с заявленными принципами постмодернизма. Для сравнения мы привлекаем работы авторов, которых сама Кларк относит либо к постмодернистам, либо к модернистам. Мы попытаемся ответить на следующие вопросы.

1. В какой момент исследования вопрос фиксируется исследователем? Каков минимум информации, необходимый для формулирования исследовательского вопроса?

2. Можно ли исследовательский вопрос менять по ходу исследования? Если да, то в какой мере?

3. Как поворот к постмодернизму влияет на способы определения исследовательского вопроса?

Не ограничиваясь анализом теоретико-методологических работ, мы используем опыт собственного учебного полевого исследования в Российской государственной библиотеке, при проведении которого нам нужно было сформулировать проблему исследования и исследовательский вопрос.

Для начала определим ключевые для настоящей статьи термины: проблемы исследования, исследовательский вопрос и гипотезы исследования. Под проблемной ситуацией мы понимаем “явления и процессы, вызывающие беспокойство, например, ситуация непонятна, не поддается убедительному объяснению, имеет место социальная дезорганизация, конфликт интере-

сов социальных групп, общностей, институтов” [Ядов, 2000. С. 71]. Важно отличать формулировку социальных проблем от формулировки проблем исследования: последние часто

вырастают из первых, но принципиально не сводимы к ним. Так, голод в Африке – это социальная проблема, решать которую можно лишь практическими действиями, а вот социальные причины голода в Африке – это уже вопрос для социолога, и для ответа требуются не (только)

практические действия, но

(и) интеллектуальные усилия. Из формулировки проблемы исследования может вытекать исследовательский вопрос: каковы причины того, что дети в Африке голодают? Тут недалеко и до гипотез: голод – результат мощного социального расслоения и т. д.

Разные авторы по-разному определяют совокупности феноменов, подпадающих под эти категории. Так, Стросс и Корбин, хотя и называют разделы одной из своих глав “исследовательские проблемы” и “исследовательский вопрос”, принципиальных различий между ними не проводят. В итоге осталось неясно, чем формулировка проблемы “как женщины, которые ходят в спортивный зал, ощущают свое тело?” принципиально отличается от формулировки исследовательского вопроса “как женщины справляются с беременностью, осложненной хронической болезнью?” [Стросс, Корбин, 2001. С. 29–31]. Можно лишь заметить, что вопрос уже, чем проблема³.

Рассмотрим, как определяется “исследовательский вопрос” в работах ученых, относящихся к этнографической традиции, или традиции

³ В то же время В. А. Ядов категорию “исследовательский вопрос” вообще не использует. Ее референт, по-видимому, помещен где-то среди целей – задач – объекта – предмета исследования, а подробно рассмотрена лишь “проблема социологического исследования”.

наблюдения⁴ Дэвида Сильвермана, Ансельма Стросса и Адель Кларк. Все эти авторы работали в одном поле – в медицинских учреждениях, – однако во взглядах относительно способов понимания проблемы, формулирования исследовательских вопросов и того, в какой момент их нужно формулировать, они различаются. Эти различия мы рассмотрим в рамках дихотомии модернизм – постмодернизм, чтобы зафиксировать, к какому полюсу тяготеет тот или иной автор.

Стросс и Кларк относятся к одной школе, Кларк – ученица Стросса, и, по понятным причинам, на своего учителя она ссылается часто⁵, а на Сильвермана – ни разу. Сильверман старше Кларк, но младше Стросса, и в его работах можно встретить лишь небольшое количество ссылок на работы Стросса, однако, как нам представляется, исследовательский подход, артикулируемый Сильверманом, по сути не отличается от подхода, который реализовывал и зафиксировал в нескольких книгах про обоснованную теорию Ансельм Стросс, а затем развивали его ученики, в том числе Адель Кларк, хотя последняя с большой долей вероятности оценила бы этот подход как модернистский.

Дэвид Сильверман [Silverman. 1993. P. 1-5], предупреждая об опасности подмены исследовательской проблемы социальной, предлагает помещать проблему, решить которую призвано исследование, в жесткие рамки схемы: теория – гипотеза – методология – метод. Он не пишет о том, что проблему должно формулировать только после выбора базовой теории и только до выбора метода, однако пишет, что “без теории нечего исследовать” [Silverman. 1993. P. 1].

Отсюда можно сделать вывод, что для него исследование начинается с выбора научной парадигмы, которая не может быть ни истинной, ни ложной, а лишь применимой или не применимой к конкретным обстоятельствам. И только после определения базовых объяснительных концепций социальная проблема преобразуется в исследовательскую. Такой взгляд на вход в проблему Сильверман демонстрирует в предварительных замечаниях.

Несколько другой подход он демонстрирует в описании собственных исследований. Об одном проекте он пишет: “С течением времени мы сузили область поиска. Особенно нас заинтересовало, как принятое решение... объявляется” [Silverman. 1993. P. 38]. Очевидно, что для Сильвермана приемлемо менять исследовательскую проблему по ходу исследования. Так, когда во время исследования государственных онкологических клиник он неожиданно получил возможность работать в одной из частных больниц, он изменил формулировку темы, которая стала звучать так: “Церемониальный порядок в государственной и частной медицине” [Silverman. 1993. P. 43]. Соответственно изменился и вопрос: чем отличаются частные и государственные клиники в церемониальных практиках? И тема, и вопрос не были взяты с потолка, ибо “к 1982 году 4,2 млн человек, более 7% всего населения, были охвачены частной медицинской страховкой... Частная медицина вышла за пределы среды богатых и преуспевающих” [Silverman. 1987. P. 104].

Гибкий подход к определению проблемы исследования зиждется на базовом методе сбора данных: “К сильным сторонам исследования

⁴ Традицию наблюдения полезно отличать от традиции так называемого лингвистического поворота, хотя оба направления формально относятся к качественной методологии. Принципиальные различия имеются между этнографами и этнометодологами, однако, например, Дж. Миллер объединяет их в одну традицию и противопоставляет разговорному анализу, некогда вышедшему из этнометодологического направления [Miller. 1997. P. 24-28].

⁵ Кларк написала несколько текстов о Строссе после его смерти [Clarke. 2000; Clarke, Star. 1998], и ее основная работа посвящена переводу обоснованной теории учителя на рельсы постмодернизма.

с помощью наблюдения относится возможность изменить фокус, если появляются новые интересные данные” [Silverman. 1987. P. 43]. Для Сильвермана исследовательская проблема – не догма, разработанная на ранних этапах исследования, а совокупность взаимосвязей между эмпирическими объектами, высвечиваемых исследовательским прожектором, фокусировку которого можно менять в зависимости от обстоятельств. Поэтому относить подход Сильвермана к модернизму или к постмодернизму невозможно. Да, он предлагает четкую структуру исследования, и по этому критерию его можно назвать модернистом, однако он сразу же нарушает ее, как заправский методологический постмодернист. Правда, он не пишет о рефлексии и едва ли в его методологическом арсенале ей уделяется много места, но ведь именно факт рефлексии и методологической гибкости позволяет исследователю отказаться от изначального плана в результате изменившихся обстоятельств и переосмыслить свое исследование. По этой причине Сильвермана мы отнесем к интуитивным постмодернистам, к которым Кларк причисляет Стросса.

Стросс предлагает формулировать исследовательский вопрос, исходя из основных постулатов обоснованной теории, которая принципиально строится на потенциальной возможности сделать открытие в любой момент. Кларк рассматривает обоснованную теорию Стросса как подход к построению теорий, который, базируясь на разных исследовательских традициях – концепциях Чикагской школы, символическом интеракционизме Дж. Мида, прагматической философии М. Фуко, – “размазан” по континууму от позитивизма до структурализма, что делает его популярным среди поборников самых раз-

ных традиций, но не позволяет уйти от позитивистских догм. Последнее обстоятельство лишает обоснованную теорию некоторой доли аналитического потенциала, поскольку в той ее части, где Стросс исходит из положений структуралистов, поворот к постмодернизму, по мнению Кларк, уже пройден. Согласно обоснованной теории, исследовательский вопрос не должен ограничивать ученого в выборе подхода к проблеме и данных, которые могут понадобиться в процессе построения теории. “Исследовательский вопрос в проекте обоснованной теории является формулировкой, которая идентифицирует изучаемый феномен” [Стросс, Корбин. 2001. С. 33–34]. Стросс предлагает выделить несколько типов исследовательских вопросов:

- интерактивные, когда внимание концентрируется на общении между индивидами,
- организационные, когда исследуются организационные механизмы или политика, структурирующая пространство,
- биографические, когда исследуется влияние факта биографии на какую-либо социальную характеристику.

Это деление, конечно, формальное, и, согласно общей философии обоснованной теории, вопросы могут сочетаться, перетекать один в другой и инициировать друг друга. Например, от изучения влияния религиозной принадлежности на общественную деятельность (биографический вопрос) вполне логично перейти и к формированию общественных институтов (организационный вопрос), и к меж- и внутригрупповому взаимодействию (интерактивный вопрос).

Строссу исследовательский вопрос необходим как в ходе сбора данных, так и при их анализе. Поскольку эти процессы у него не разведены во времени и важнейшая проце-

Для Сильвермана исследовательская проблема – не догма, разработанная на ранних этапах исследования, а совокупность взаимосвязей между эмпирическими объектами, высвечиваемых исследовательским прожектором, фокусировку которого можно менять в зависимости от обстоятельств. Поэтому относить подход Сильвермана к модернизму или к постмодернизму невозможно

дура для построения обоснованной теории – кодирование – идет с начала исследования и почти до его завершения, именно ответы на исследовательские вопросы на каждом этапе исследования и формируют обоснованную теорию. Логично предположить возможность и иных типологий вопросов, например, по величине затрагиваемой сферы, по применимости к тем или иным исследовательским действиям и др. Так, если говорить о конфессиональных различиях, то череда вопросов может начаться с вопроса “чем различаются практики общественной деятельности у представителей разных религиозных групп?” и закончиться вопросами “правда ли, что мусульмане города N за советами идут к муфтию, а мусульмане города M – к настоятелю мечети?” и “почему они так делают?” За последними вопросами могут последовать и другие, еще более специфичные вопросы, например “какую исламскую подготовку имеет муфтий из города N?”, которые затем могут инициировать более общие вопросы, например “важна ли исламская подготовка для общественного деятеля, разыгрывающего исламскую карту?” Представляется, что именно так работает логика формулирования исследовательских вопросов в обоснованной теории Стросса, в основе которой лежат несколько элементов: источник, кодирование, категоризация, вопрос. Жесткого порядка использования этих элементов, согласно Строссу, быть не может, и последовательность в каждом случае задается, во-первых, базовым исследовательским вопросом, во-вторых, характером получаемых данных и их категоризацией, и в-третьих, исследовательской траекторией. Поскольку исследовательские процедуры, разработанные Строссом, были апробированы

в ходе многочисленных полевых исследований, проведенных им и его учениками, можно говорить, что эти процедуры подверглись рефлексии.

На вопросы, поставленные в начале работы, можно ответить, что для Стросса исследовательский вопрос – это основной двигатель в разработке обоснованной теории. С его помощью исследование инициируется и развивается. С его помощью определяется теоретическая выборка (базовый термин для Стросса), поскольку исследовательские вопросы часто касаются различий между группами феноменов и тем самым задаются направления для сравнительного анализа – важнейшего метода в разработке обоснованной теории. Для формулировки вопроса достаточно общей осведомленности о наличии того или иного явления. Вопросы буквально преследуют исследователя на протяжении всего проекта, и, отвечая на них, он движется к созданию “заземленной в эмпирию” теории. Таким

Для Стросса исследовательский вопрос – основной двигатель в разработке обоснованной теории. С его помощью инициируется и развивается исследование, определяется теоретическая выборка. Для формулировки вопроса достаточно общей осведомленности о наличии того или иного явления. Стросс работает в логике постмодернизма, хотя и не мыслит в парадигме дихотомии модернизма – постмодернизма

образом, Стросс работает в логике постмодернизма, хотя и не мыслит в парадигме дихотомии модернизма – постмодернизма. Кларк называет его интуитивным постмодернистом, хотя и считает, что рудименты позитивизма присутствуют в обоснованной теории. И чтобы избавиться от них, она предлагает *ситуационный анализ*, который базируется на работах Стросса.

Как мы видим, нет фундаментальной разницы между тем, как и когда Сильверман и Стросс формулируют исследовательские вопросы. Оба исследователя предлагают гибкий подход в определении предмета интереса, выраженного в исследовательском вопросе. Однако именно Сильверман в большей степени действует интуитивно в определении исследовательского во-

проса, поскольку его письменные методические рекомендации отличаются от его практических действий. Позиция же Стросса зиждется на обоснованной теории, в которой не априорно приняты положения, а только постоянно возникающие исследовательские вопросы определяют ход исследования на каждом этапе.

Какими же новыми способами теоретизирования следует дополнить обоснованную теорию Стросса в эпоху постмодернизма? Ответу на этот вопрос Кларк, ученица Стросса, посвятила книгу «Ситуационный анализ» [Clarke. 2005]. Ее главный тезис состоит в том, что во многих практиках – исследовательских, деловых и др. – произошел поворот к постмодернизму (postmodern turn), и изменившаяся реальность не позволяет пользоваться разработанными ранее методиками без изменений.

Проект Кларк состоит в том, чтобы переосмыслить обоснованную теорию сообразно принципам постмодернизма. Главное, что, по мнению Кларк, не дает обоснованной теории работать в парадигме постмодернизма на полную мощь, состоит в том, что исследовательский прожектор направлен на действие, а не на ситуацию, и это не позволяет исследователю учесть все «нечеловеческие» элементы ситуации, изучение которых играет важную роль в ее осмыслении. Кларк ставит перед собой следующие задачи по постмодернизации обоснованной теории:

- 1) убрать из теории построения теорий рудименты позитивизма;
- 2) дополнить предложенный Строссом анализ действий анализом социальных арен, миров и дискурсов;
- 3) дополнить процедуру кодирования картографическим методом;
- 4) уйти от главной цели Стросса – строить теории – и сосредоточиться на процессе теоретизирования;

5) разнообразить методы сбора данных, включив в них дискурс-анализ, исторический анализ и проч.;

6) сосредоточиться на исследуемом субъекте в той же мере, в какой ранее исследовался объект [Clarke. 2005. P. xxxvii].

Кларк предлагает совершить поворот к рефлексивности, ибо конечный продукт важен лишь постольку, поскольку само течение исследования удавалось подвергнуть сомнению.

С трактовкой Стросса, предложенной Кларк, соглашаться необязательно, поскольку, например, Стросс отнюдь не запрещает использовать какие-то другие методы, кроме этнографических.

Напротив, он везде настаивает на том, что теоретическое наполнение категорий происходит тогда, когда данные собираются (1) из разных областей и (2) разными способами. В одной из книг [Glaser, Strauss. 1967. P. 161-184] целая глава посвящена тому, как определять альтернативные подходы к сбору данных. Подход же, предложенный Кларк, скорее соответствует духу обоснованной теории, чем противоречит ему, особенно в избегании априорных схем для формулирования исследовательских вопросов, в подчеркивании ситуативной важности мельчайших элементов анализа или способов сбора данных.

Кларк пишет не учебник по качественным методам, поэтому чтобы понять, когда и на основании чего следует ставить исследовательский вопрос, следует обратиться к описанию ее базового метода работы – картографированию реальности. Она предлагает строить три типа карт: ситуационные карты, карты социальных миров и позиционные карты. Каждый тип строится по определенному алгоритму, но может использоваться сам по себе или в сочетании с другими типами, одновременно или последовательно. Тем самым Кларк предоставляет исследователю полную свободу в использовании ее

метода. Когда же на основании всего корпуса данных, собранных по методике Кларк, можно определиться с исследовательским вопросом? Ответ, который напрашивается, исходя из общей философии метода, – в любой момент. В обосновании метода в целом Кларк не устает подчеркивать его максимальную мягкость, обусловленную поворотом к постмодернизму. А вот на стадии реализации процедур мягкость в какой-то степени теряется: Кларк жестко выделяет стадии картографирования и анализа полученных карт. Так, если строить ситуационную карту в определенном пространстве, следует сначала фиксировать единицы, представляющиеся исследователю важными, а уж затем на полученной карте стрелками соединять элементы, задавая к каждой из стрелок вопрос: как эти два элемента связаны? При построении ситуационных карт именно этот этап представляется нам наиболее плодотворным для постановки исследовательского вопроса, решению которого может способствовать более подробное картографирование элементов ситуации. Кларк часто оговаривает, что перечисление, которое она использует в описании методик картографирования (например, фиксация – структуризация – нахождение связей), не является последовательностью, что структуризация может проходить одновременно с фиксацией и в каких-то случаях ей предшествовать.

Наш опыт применения методов Кларк показал, что “синхронное картографирование” трудноосуществимо. В любой ситуации элементов слишком много, чтобы без базового принципа отбора единиц (на отсутствии которого настаивает Кларк) можно было добиться результатов. Однако наличие принципа неизбежно выводит из фокуса внимания элементы, которые потенциально могут инициировать появле-

ние исследовательского интереса, а в дальнейшем и вопроса. Если проводить тотальное картографирование, мы получим слишком много элементов, что не позволит прояснить все связи между ними. При частичном же картографировании важные элементы могут выпадать. Главное противоречие модели Кларк, на наш взгляд, состоит в том, что, будучи формально анти- и постмодернистской, она возвращает исследователя к канонам модернизма в ходе ее практического применения. Отметим, что сама Кларк не проводила полевых наблюдений по своим методикам, а ссылалась на наблюдения своих учеников.

Если отвлечься от полевой ценности методик Кларк, то узловые точки, когда можно ставить исследовательский вопрос, будут следующие:

- 1) до всякого картографирования, когда есть лишь предварительные представления о ситуации, но они еще не переведены в визуальный формат;
- 2) в момент проведения полевого картографирования, когда некоторые объекты сами по себе вызывают интерес;

3) при соединении элементов стрелками и фиксации связей между ними; если какие-то связи покажутся интересными, то исследование можно ориентировать на их описание;

4) когда элементы распределяются по категориям;

5) когда строятся карты социальных миров и вопросы могут возникать как о свойствах одного из миров, так и о взаимосвязи между двумя и более мирами.

Наиболее продвинутый этап картографирования – построение позиционных карт – делается под сформулированный исследовательский вопрос, поскольку обязательно предполагает наличие двух категорий, по которым распределяются единицы. Если резуль-

Главное, что, по мнению Кларк, не дает обоснованной теории работать в парадигме постмодернизма на полную мощь, состоит в том, что исследовательский прожектор направлен на действие, а не на ситуацию, и это не позволяет исследователю учесть все “нечеловеческие” элементы ситуации, изучение которых играет важную роль в ее осмыслении

таты позиционного картографирования вызовут вопрос, почему наблюдается именно такое распределение по позициям, то для ответа на него будет предпринято новое картографирование. Таким образом, методики картографирования дополняют друг друга, а каждая новая карта будет работать на уточнение, в терминах Стросса, теоретической выборки.

И даже в этой идеальной схеме, не отягощенной рефлексией на стадии проведения полевого исследования, можно найти изъяны, стоит только

обратиться к первому этапу построения ситуационной карты, на котором фиксируются любые элементы ситуации: предметы, люди, элементы дискурса – все то в *еще не упорядоченной неразберихе*⁶, что наблюдатель может мысленно вычленив из контекста и отразить на бумаге. Здесь возникает масса вопросов: при структурировании messy что можно ожидать на выходе? как сочетать друг с другом разные методы картографирования? как следует ставить исследовательские вопросы и отвечать на них? Возможно, именно в этом и заключается постмодернизм Кларк. Она не только не предлагает конкретных решений (в отличие от своего учителя, который подробно описывал процедуры кодирования, выведения категорий и построения связей между ними), но даже не дает направлений их поиска. Если принцип постмодернизма в социологическом исследовании предполагает сомнение в каждом следующем шаге, то почему Кларк не предлагает никаких дальнейших шагов, которые можно было бы подвергнуть сомнению, и останавливается на картографировании ситуации, процедуры которого она до конца не объясняет, и, по-видимому, даже не ставит себе такой задачи. Быть

Работая по методике Кларк, мы попадаем в замкнутый круг: методика предназначена для постановки проблемы и вопросов исследования, но предписанные методические процедуры можно применить к сырым данным только в том случае, если проблема и вопросы уже сформулированы

может, цель картографирования – это способ входа в проблему и постановки исследовательского вопроса?

Чтобы проверить этот тезис, мы предприняли попытку “освоить ситуацию” методом картографирования Российской государственной библиотеки. Первоначально было выделено около 150 элементов, которые затем были распределены по категориям: а) места, б) вспомогательные для библиотеки элементы, в) люди, г) мебель, д) элементы, обеспечивающие нормальное функционирование библиотеки,

е) коммуникационные элементы, ж) любые виды информации, з) ассоциации, эмоции, и) элементы постройки. Далее, согласно Кларк, мы должны были определить связи между всеми элементами, первоначально выделенными из ситуации (messy). Помимо большого количества элементов, трудность заключалась в том, что связи в большинстве пар элементов либо приходилось притягивать за уши, либо они были слишком тривиальными, чтобы стать объектом изучения. Кларк пишет, что часть элементов должна “отвалиться”, однако не предлагает никаких принципов, по которым можно было бы совершать отбор. Также без предварительных гипотез и вопросов было трудно сформулировать и обосновать принципы группировки элементов. В частности, представляется, что, если безболезненно можно объединять несколько групп или разбивать одну группу на несколько, то эти группы нам по-настоящему не нужны.

Можно было бы предложить следующее: элементы отбираются и группируются в соответствии с целями исследования. Но как (вернее, с чем) устанавливать соответствие, если цель исследования в формате “вопрос – ответ” на этапе первичного картографирования еще не опреде-

⁶ Кларк регулярно употребляет слово “messy”. Перевод “мусорная куча” [Рогозин. 2007], на наш взгляд, скорее отражает вкус переводчика, чем оригинальную мысль автора.

лена? Таким образом, работая по методике Кларк, мы попадаем в замкнутый круг: методика предназначена для постановки проблемы и вопросов исследования, но предписанные методические процедуры можно применить к сырым данным только в том случае, если проблема и вопросы уже сформулированы.

Методика ситуационного картографирования не предлагает процедур, которые позволили бы осуществить вход в проблему и определить исследовательский вопрос. За счет фигуры умолчания методика не дает почвы для того, чтобы другие исследователи могли усомниться в ней, но именно поэтому она и не годится для эпохи “после поворота к постмодернизму”. Вместе с тем методики Кларк, будучи совокупностью и последовательностью не всегда реализуемых действий, являются модернистскими, ибо предлагают жесткие процедуры кодирования и описания действительности, по определению свойственные модерну. Следовательно, вместе с Сильверманом и Строссом Кларк нельзя целиком отнести ни к модернизму, ни к постмодернизму.

Как поворот к постмодернизму изменяет способ определения исследовательского вопроса? Вслед за Кларк первоначально мы приняли дихотомию модернизм – постмодернизм. Оказалось, что дихотомию правильнее заменить континуумом, на котором последовательно размещаются Дэвид Сильверман, Ансельм Стросс и Адель Кларк. Все три автора в той или иной степени признают, что:

- 1) исследовательский вопрос – не застывшая догма, и он может меняться, исходя из логики исследования;
- 2) момент, когда исследовательский вопрос необходимо ставить, нельзя жестко определить

Осмысление роли исследовательского вопроса в теоретических построениях исследователей, занимающих разные места в континууме “модернизм – постмодернизм”, наводит на мысль, что постмодернизм на данном этапе не имеет специфических методологических принципов, в результате чего в исследовательской практике нельзя избежать совмещения современных и постмодерных принципов

заранее (в противном случае исследование утратит гибкость);

3) исследовательский вопрос напрямую не связан с осведомленностью исследователя о предмете и может возникать даже на самых ранних стадиях познания;

4) для постановки другого вопроса, более отвечающего целям исследователя, необходимо проделать определенные процедуры кодировки и анализа.

Базовое различие между рассмотренными исследовательскими методиками состоит лишь в интенсивности, с какой авторы постулируют свою приверженность принципу рефлексивности. Кларк эксплицитно строит свою концепцию на этом принципе;

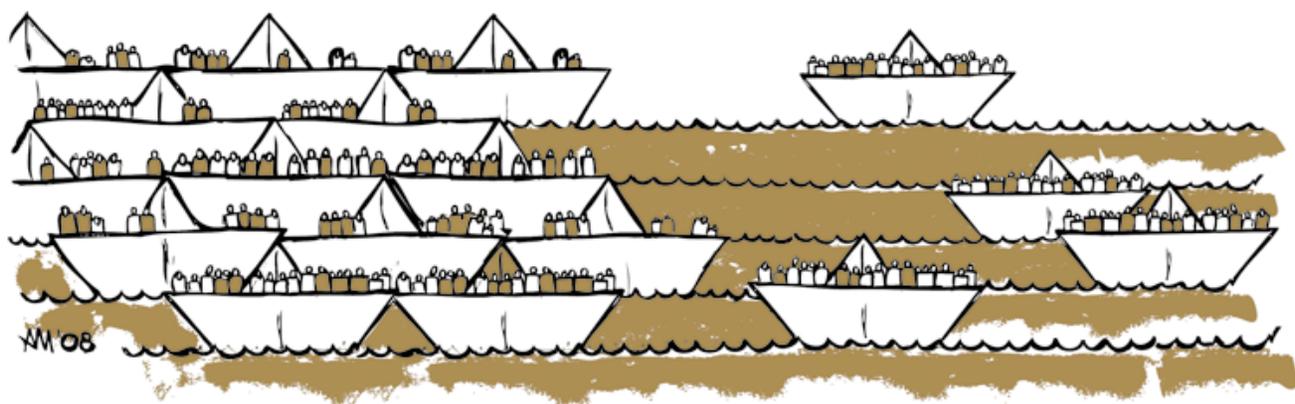
Стросс о рефлексивности прямо не говорит, однако исходит из принципа теоретической выборки, который невозможен без рефлексивности; Сильверман же практически не касается этой темы в описании методов, но в повествовании о собственной исследовательской практике этот принцип очевиден.

Таким образом, теоретический принцип работы в постмодернизме заявлен работой Кларк, однако на методическом уровне он не был реализован. Осмысление роли исследовательского вопроса в теоретических построениях исследователей, занимающих разные места в континууме “модернизм – постмодернизм”, наводит на мысль, что постмодернизм на данном этапе не имеет специфических методологических принципов, в результате чего в исследовательской практике нельзя избежать совмещения современных и постмодерных принципов. Даже если автор ориентирован исключительно на постмодернизм. Вместе с тем базовый принцип постмодернизма – рефлексивность – встречается и в исследовательской практике модернизма, и,

на наш взгляд, именно наличие или отсутствие рефлексии, вне зависимости от (само)отнесения автора к “измам”, определяет качество его исследования. ■

Литература

- Рогозин Д. М.* Ситуационный анализ по Адель Кларк // Человек. 2007. №1. С. 38–48.
- Стросс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и посл. Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования. М.: Добросвет, 2000.
- Black T. R.* Doing Quantitative Research in Social Sciences. L.: Sage, 1999.
- Campbell H. E.* Spring 2001 Conference Highlights. (<http://www.azenet.org/fall01.html>)
- Clarke A.* On Learning From the Flexible Future-Oriented Elicitor <<http://www.ucsf.edu/anselmstrauss/pdf/rememb-clarke.pdf>> (2000).
- Clarke A.* Situational Analysis: Grounded Theory after the Postmodern Turn. Thousand Oaks: Sage, 2005.
- Clarke A., Star S. L.* On Coming Home and Intellectual Generosity <<http://www.ucsf.edu/anselmstrauss/pdf/essays-clarkestar.pdf>> (1998).
- Glaser B. G., Strauss A. L.* The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1967.
- Marvasti A. B.* Qualitative Research in Sociology. L.: Sage, 2004.
- Miller G.* Building Bridges: The possibility of Analytic Dialogue between Ethnography, Conversation Analysis and Foucault // Qualitative Research / Ed. by D. Silverman. L.: Sage, 1997.
- Neuman W. L.* Social Research Methods: Qualitative and Quantitative Approaches. Boston: Pearson Education, 2003.
- Richardson L.* Writing: A Method of Inquiry // Denzin N., Lincoln Y. (Eds.) Handbook of Qualitative Research. Thousand Oaks: Sage, 2000.
- Sarantakos S.* Social research. N.Y.: Palgrave, 2005.
- Silverman D.* Communication and Medical Practice: Social Relations in the Clinic. L.: Sage, 1987.
- Silverman D.* Interpreting Qualitative Data. L.: Sage, 1993.

И. Чудова

Постмодернистская социология и качественная методология: *идеологические пересечения*

Мы, ироники, надеемся с помощью...
непрерывного переописания сотворить из самих себя
самые лучшие самости, какие только можем.

Ричард Рорти

Случайность, ирония и солидарность

1. Об идеологической общности методологических ориентиров

Социологию можно рассматривать как комплекс относительно самостоятельных отраслей и специализаций, парадигм и уровней. В этом случае мы фокусируемся на различиях между теорией и практикой, количеством и качеством, макро- и микро- и т. п. Альтернативный подход – постараться увидеть сложную целостность научного поля, где различные течения мысли пересекаются, перекликаются и взаимно влияют друг на друга.

Смежные идеи в дисциплинарном поле, соотносясь друг с другом в синхронических и диахронических сходствах и различиях, задают общий эпистемологический фон различных школ и тематик и образуют парадигмы научного мышления [Кун. 2003]. Синхронные идейные пересечения порождают созвучия и даже общ-

ность в понимании изучаемого предмета, в представлениях о способах его изучения, в логике и стиле мышления. В диахронии преемственность проявляется в общности методологических ориентиров [Дудина. 1999], в разной степени эксплицированного нормативного кодекса (поля).

Обнаружение *идеологической* близости между научными направлениями имеет смысл, поскольку, согласно современному пониманию социологической науки (З. Бауман, П. Бурдьё, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко и др.), набор концептуальных идей зачастую задает ценностное видение, а потому политически не нейтрален. Идеология научных подходов проявляется в моделях самообоснования принципов производства знания, в легитимации стилей мышления. Интуитивно понятая как точка слияния науки и политики, теории и методологии, идеология в нашем случае может служить интегрирующим понятием

Текст подготовлен в рамках образовательной программы Центра социологического образования Института социологии РАН “Качественные методы в социологическом исследовании-2008”.

для совокупности подходов, отсылающей с одной стороны, к *эпистемологии*, базовым допущениям системы знания, с другой стороны – к *комплексу процедур*, способов и техник производства знания. Идеологическое сродство подходов задает *сходства* в стиле, типе и контурах научного мышления [Дудина. 1999; Фурс. 2001].

В статье ставится цель описать *методологические мосты* между постмодернистской социологической теорией и качественной стратегией в социологическом исследовании, продемонстрировать, что постмодернистская социология¹ и качественная социология содержат ряд смежных идей-ориентиров и в этом плане связаны общей идеологией. Что значимо – идейная общность способна работать на взаимное обогащение подходов, обеспечить своего рода идеологическую поддержку, усиливать обоснованность.

2. Созвучие постмодернистских идей и качественной методологии

В качестве ведущей теоретической базы качественной стратегии в социологии обычно называют понимающую социологию, феноменологию и этнометодологию ([Ковалев, Штейнберг. 1999; Семенова. 1998] и др.), влияния же постмодернистских идей считают косвенными и не вполне очевидными. Однако некоторые авторы полагают, что именно постмодернизм как теоретическое движение способен произвести настоящий эпистемологический поворот [Фурс. 2001], спровоцировать “проблематизацию онтологических оснований научного исследования” [Дудина. 1999. С. 63], задавая особый стиль и модели мышления.

Конечно, постмодернизмом могут называть все что угодно – от течения в искусстве до своеобразного игрового состояния сознания, – но в нашем случае мы рассматриваем постмодернизм как теоретическую и методологическую основу в социологии. К постмодернистским концепциям мы относим тех, кто сам себя при-

числяет к постмодернистам, а также тех, чьим предметом рассмотрения выступает социальное состояние постсовременности.

Постмодернисты призывают преодолеть устаревшие воззрения науки модерна [Буравой. 1997], являя собой “попытку отстоять чистоту собственно научного дискурса под неявно принимаемым лозунгом «наука для науки»” [Дудина. 1999. С. 62]. Преодолевать предлагают *с легкостью*, не обременяя себя (и других) жесткими принципами. При всей *радикальности* методологических посылок, в их предложениях мы находим легкие, ненавязчивые ориентиры для исследовательской работы. Об их идейном значении для качественной стратегии в социологии мы и поразмышляем.

А. Релятивизм

Исходный момент постмодернистского рассуждения – релятивизм, своего рода принцип отсутствия принципов. Идеологический мир науки модерна “страдает притязанием на обладание истиной” [Фокин. 2002], утверждая способность ученого открывать истинные закономерности, присваивать истинные номинации как в теоретической деятельности, так и в практике исследования. Постмодерн предполагает множественность подходов и видений; из-за недоверия единой системе способов объяснения наблюдается “выход из употребления метанарративного механизма легитимации” [Лиотар. 1998. С. 10]. Идея не столь по своей природе нигилистичная, сколь плюралистичная: картины мира культур, групп и отдельных людей разнородны и тотализации не поддаются [Фурс. 2001]. От осознания трудностей перевода недалеко до вывода: “современные научные и философские теории не более истинны, чем великие романы и повести” [Фокин. 2002].

В качественной методологии встречаем созвучное базовое допущение – релятивизм, основанный на признании неограниченной множественности правд [Савинская. 2007] и, соответственно, их описаний [Дудина. 1999]. Исследова-

¹ Здесь мы позволим себе не проблематизировать *возможность* постмодернистской социологии, ссылаясь на труды постмодернистских теоретиков, обозначающих себя таковыми.

тель отправляется “в поле” изучаемого фрагмента социальной жизни, чтобы постичь смыслы *иного* мировидения, раскрыть это мировидение в его самобытности и языке [Ковалев, Штейнберг. 1999]. Множественность в методологии распространяется и на применение методик – гибкость и вариативность [Семенова. 1998], и на способы анализа – интерпретация и несоизмеримая валидность [Савинская. 2007. С. 131].

Релятивизм как идея в целом ориентирует на прочтение (и вариативную интерпретацию) малых повествований, “нарративов, законных в рамках локальных коммуникативных сообществ... и не претендующих на тотализацию” [Фурс. 2001]. На исходной релятивистской установке строится постмодернистский ролевой образ исследователя: *качественник* – это ироничный шизофреник (Рорти, Лиотар, Делез), пришедший сменить параноидального *количественника*.

Б. Дискурсивность

Постмодернистская идея о текстуальной природе опыта получила широкое звучание, оформившись в понятии “дискурс”. Познание всегда направлено на текст и существует как текст. Взрывная сила этого допущения в том, что научное знание ставится на одну доску с профанным. Такой релятивистский заход называют постмодернистским упрощением, в котором “социальная наука”, то есть диалог между теорией и фактами, становится не только лишь одним дискурсом из многих [Буравой. 1997. С. 158], но даже текстуальной фантазией, локальным фантазмом среди прочих равноправных (но не равнозначных) дискурсов [Фурс. 2001].

Отрицание прерогативы научного осмысления перед прочими способами познания, перед иной текстуальностью служит ориентиром и в качественной стратегии, в которой наука понимается лишь как одна из текстуальных перспектив, укорен-

ненных в практику [Дудина. 1999]. Утрата социологом метанарративной власти привела, согласно принципу дискурсивности, к включению локальных историй-рассказов в исследование [Лиотар. 1998], которое стало разворачиваться как *кон-версация*, со-беседование, соприкосновение дискурсов.

В. Теоретизирование

Построение теории (текста среди текстов) в постмодернистском ключе означает процессуальное событие, слабо ограниченное во времени или жанре. Продолжительная интерпретация задает основу для существования культуры, которая никогда не принимает оформившихся очертаний и постоянно продолжает становиться. Постмодернизм даже в теоретическом упорядочении усугубляет хаос, призывая “придумывать, придумывать безудержно, не обращая внимания на связи, сделать обобщения невозможными” [Рейнгольд]. Теоретический вклад при таком понимании состоит в умножении интерпретаций, и познание для постмодерна превращается в увлекательное изобретательство.

В качественной стратегии этому созвучен процессуальный стиль ведения исследования [Маслова. 1995], так называемая риторика генерирования теории, подразумевающая итерационный характер работы, ведение аналитики параллельно со сбором информации [Клюшкина. 2000], достраивание и перестраивание теоретических обобщений в ходе контакта с полевым материалом. Можно сказать, теория формируется в ходе исследовательского поиска, следуя логике и нюансам поля [Абельс. 1998]. Такого рода

ориентир позволяет уповать на близость исследователя к изучаемому явлению [Савинская. 2007] и вовлечение в теорию его ключевых аспектов и свойств [Клюшкина. 2000].

Теоретизирование как процесс не завершается итоговыми выводами из некоторого проекта, а обращается чередованием интер-

претативных эпизодов. Качественный подход означает, сообразно заданному ориентиру, внимательное (или в излюбленном обозначении приверженцев качественного подхода – “глубокое”) теоретическое прочтение отдельных эмпирических случаев [Абельс. 1998]. Локальность теорий в качественном исследовании, по всей видимости, можно трактовать как причастность и эмпирическому материалу, и процессу теоретизирования в целом.

Г. Трансгрессивность

Идея трансгрессивности, развитая в постструктурализме и в общем виде понимаемая как стремление преодолеть всякую историческую укорененность, важна, поскольку в ней постулируется сила самопреодоления; в этой идее предполагается снятие самой идейной связанности [Фуко. 1994]. В призыве к трансгрессивности воплотилось артикулируемое в постмодернизме стремление преодолевать всяческие рамки, снимать всяческие пределы на пути к пониманию особенного. Даже радикальный тезис о смерти субъекта не может реализоваться без рефлексивных усилий над своей собственной субъективностью.

В качественной стратегии имеется сходная апелляция к необходимости снимать социокультурную предвзятость исследователя, приводить свое сознание в состояние *tabula rasa* [Маслова. 1995; Семенова. 1998] и за счет удивленности поддерживать рабочий тонус. Особое внимание уделяется самоэтнографии – субъектному началу исследования, которое становится и исследовательским материалом, и продуктом размышления – и подвергается иронии, которая “не стремится ранить, но пытается сдержать мышление «как обычно»” [Абельс. 1998. С. 121].

Тематически трансгрессия ориентирует на исследование аномалий, редких случаев как наиболее информативных [Фуко. 1994], что отвечает абдуктивной логике поиска концепции

На исходной релятивистской установке строится постмодернистский ролевой образ исследователя: качественный – это ироничный шизофреник, пришедший сменить параноидального количественника

в качественном исследовании [Клюшкина. 2000. С. 99]. Идея трансгрессивности дает возможность включить в рассмотрение область воображаемого в социокультурной жизни групп. Трансгрессирующая наука (наука?) – это попытки аналитического описания на грани “не с целью получить от них эстетическое наслаждение, а чтобы с еще большей остротой передать ощущение

того, что нельзя представить” ([Lyotard. 1983. P. 340–341] цит. по [Ильин]).

Разумеется, наивно думать, что речь идет о полном отказе от исследования регулярных событий и объектов и полном сосредоточении на сингулярностях. Чтобы квалифицированно выделить аномалии и редкие объекты, нужно иметь хорошее представление о “номалиях”, закономерностях и распространенных объектах. Таким образом, *tabula rasa* не тождественна невежественности, подобно тому как смерть субъекта не может произойти без участия отчаянно и иронично рефлектирующего субъекта.

Д. Отказ от каузальности (прямой детерминации)

В постмодернистском способе миропонимания повышена чувствительность к гетерогенности мира, с обязательностью подразумевающая отход от тотализующей детерминистской модели объяснения, от выявления ведущего фактора или их набора. Постмодернистской социологии интересно обнаруживать несоизмеримые события, единичные факты, частные, локальные описания и объяснения. Кроме того, привлекательными становятся парадоксальные, антиномичные описания, своего рода “легитимация через паралогию” [Лиотар. 1998. гл. 14], состоящую в эвристичности (провокативности) теоретической идеи.

Созвучие уловимо в намерениях и возможностях качественной методологии – нацеливать на изучение частных кейсов и редких немассовых процессов, которые создают условия, где яв-

ление может проявиться в своей разносторонней противоречивости. Объяснение как теоретический исход в рамках качественной стратегии не отрицается, но приобретает менее однозначную форму, “не столь жестко детерминированную, как в предшествующих моделях социологической мысли” [Семенова. 1998. С. 127–128]. Каузальность трактуется как взаимовлияние, а связь между отдельными параметрами в процессе теоретизирования постоянно проблематизируется [Страус, Корбин. 2001].

Однако возникает вопрос: если вслед за качественной стратегией и постмодернистской социологией мы отказываемся от детерминизма и усложняем представление о каузальности, то не уменьшаем ли мы себе шансы на создание внятного теоретического обобщения?

Ответ на вопрос заключается в прояснении того, какого рода теоретических обобщений мы ожидаем. Если нас интересуют не причинно-следственные связи (например, потому что мы еще недостаточно знаем для их выявления) и не распределение некоторого признака в генеральной совокупности, а, к примеру, типология объектов или разработка понятий, адекватных для их описания, именно качественная стратегия принесет неоценимую пользу [Клюшкина. 2000. С. 95–96].

3. Постмодернистские ответы на критику качественной методологии

Все аспекты качественной методологии постоянно подвергаются критике представителями классической науки, в частности, позитивистски ориентированными сторонниками количественной стратегии. Материалы качественного исследования (как и способ работы с ними) (объ)являются “гибкими, ненадежными, поверхностными, спорными, капризными, фривольными, изменчивыми, уступчивыми, двойст-

венными, мягкими или легкомысленными” [Буравой. 1997. С. 155]. Далее, рассматривая некоторые положения этой критики, мы используем для защиты аргументы постмодернистской социологии, исходя из идеологического сходства между постмодернизмом и качественной стратегией.

А. О субъективности

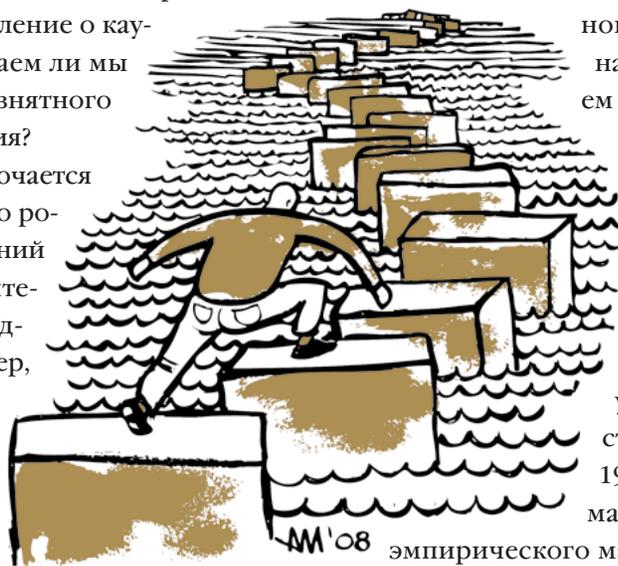
Одно из наиболее распространенных “обвинений” в адрес качественной стратегии – субъективность ([Буравой. 1997; Савинская. 2007; Семенова. 1998; Фурс. 2001] и др.), которую блестятели классического научного канона полагают явным

нарушением, отступлением от необходимого стремления к объективности.

Поскольку на этапе становления социология “стремилась избавиться от субъективизма как слабой стороны и искала способы усиления объективности данных” [Семенова. 1998. С. 17], качественная манера сбора и анализа

эмпирического материала, представленная изначально в этнографической традиции, клеймилась как “другая” и осуждалась за нарушение “так называемой научной объективности” [Буравой. 1997. С. 155].

Объективность в рамках позитивистского подхода обязательно предполагает обращение к объективным закономерностям, основанным на статистическом обобщении [Савинская. 2007]. По сути, за определенными исследовательскими практиками и процедурами закреплялся статус гарантированной объективности, что находило выражение, в частности, в гендерной терминологии: “опросы мужественны и объективны, а этнография женственна и субъективна” [Буравой. 1997. С. 155]. Субъективность (и субъектность) самого исследователя в позитивизме не проблематизируется, а нормативно минимизируется, поскольку полагается, что

объективные данные ведут к объективным выводам.

Последующее осмысление (прежде всего идей постструктуралистов) ставит под сомнение “основополагающие для западной интеллектуальной традиции оппозиции видимости и подлинной действительности, субъективного мнения и объективно-достоверного знания” [Фурс. 2001], аксиоматизирует тот факт, что исследователь как часть объекта исследования, т. е. изучаемого социального мира, неизбежно субъективен из-за своих переживаний по поводу объекта исследования, от которых он не в состоянии отделаться. Дистанцированная и объек-

тивистски непредвзятая позиция исследователя теряет свою безусловность: “познающий субъект вместе со своим методом составляет часть объекта, что ведет к полному разрушению представлений о существовании абсолютного наблюдателя” [Дудина. 1999. С. 62].

Неизбывность субъективности, однако, можно обратить в исследовательский ресурс [Савинская 2007], использовать ее в познавательных целях. Качественная стратегия апеллирует к рефлексивности исследователя-субъекта, способного к пониманию смыслов в том или ином локальном контексте. Идеологическая поддержка в лице постмодернистской социологии состоит в ориентации на локальность познания – познающего и используемого им метода познания. В этом контексте “саморефлексия, привязывающая мышление к некоторому принципиально локальному контексту” [Фурс. 2001], а также рефлексия средств и методов, актуальных в данном контексте, оказываются очень продуктивными. Трансгрессия как способ самопреодоления не исключает рефлексии, а нуждается в ней – значит, и в субъективности. В новом прочтении объективность есть осознанная субъективность, при которой “познание перестает

Чтобы квалифицированно выделить аномалии и редкие объекты, нужно иметь хорошее представление о “номалиях”, закономерностях и распространенных объектах. Таким образом, tabula rasa не тождественна невежественности, подобно тому как смерть субъекта не может произойти без участия отчаянно и иронично рефлектирующего субъекта

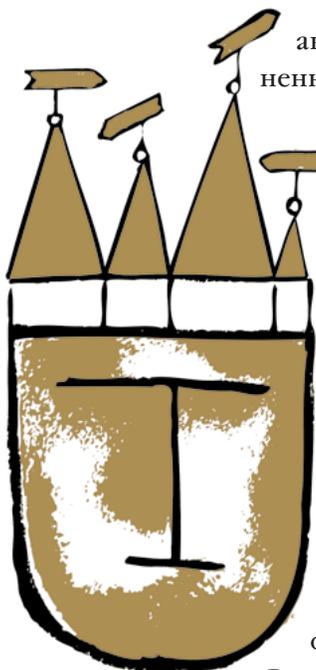
быть субъективным, когда субъективность рефлектируется, сама становится объектом” [Дудина. 1999. С. 60].

Субъективность проявляет себя в способности исследователя погрузиться в язык других (культур), понять и ретранслировать их смыслы в научный дискурс. Тем самым субъективность обеспечивает дискурсивную чувствительность, открывает доступ к “картинам мира” других, становится полезной при интерпретации, т. е. при переводе с одного языка на другой. Сингулярность субъективности преодолевается в соотнесении с общим дискурсивным полем, в согласовании понимания, в организа-

ции интерсубъективности посредством триангуляции: “научная объективность в данном случае трактуется как интеллектуальное согласие, совмещение нескольких перспектив” [Дудина. 1999. С. 60].

Б. О генерализации

Поскольку качественная стратегия обнаруживает онтологическую и эпистемологическую связь с субъективизмом [Савинская. 2007], претендует на понимающее проникновение в локальные (и даже единичные) события и культурные миры, возникает вопрос о возможности обобщать качественные данные: “этнографы доходят до интересных открытий, но не имеют способа их воспроизводства, так как их исследования уникальны... не могут обобщать из-за ограниченного числа случаев” [Буравой. 1997. С. 156]. Подобная критика ниспровергает романтику [Абельс. 1998] замысла, который состоит в том, чтобы выявить индивидуальное (установки, представления, жизненные истории), исполненное нюансов и особенностей. Для реализации этого замысла качественной методологии пришлось вооружиться собственным терминологическим арсеналом с целью обозначения таких процедур

анализа, как абдукция, укорененная (обоснованная) теория [Стросс, Корбин. 2001] и т. п.

В перспективе постмодернистской социологии локальное событие схватывается путем постижения его словаря и разработки частных аналитических понятий: “субъективные переживания исследователя, составляющие основу метода понимания, обретают общезначимость через понятия, с помощью которых обобщается многообразие эмпирического опыта” [Дудина. 1999. С. 60].

В качественном анализе происходит столкновение словарей и правил миропонимания, встреча “местного”, живого языка и рефлексивного конвенционального языка науки.

Сторонники качественного подхода подчеркивают инаковость самого принципа обобщения: индукция вместо дедукции, аналитическое обобщение вместо статистического. *Отход от прямой детерминации* в постмодернистской социологии предполагает возможность выявления сложных связей и противоречивых взаимовлияний, а также нестатистических обобщений.

Идеи постмодернистской социологии созвучны с качественной методологией в том, что научная работа понимается прежде всего как текстопорождение, “постоянное переписание мира” [Фурс. 2001]. Наука – это теоретизирование, поступательный интерпретативный процесс, чья функция состоит “не в замене одних интерпретаций другими, а в расширении поля этих интерпретаций” [Дудина. 1999. С. 62], ибо восхождение к теории бесконечно.

В. О беллетристике и перформансе в презентации данных

Следующая проблема качественной стратегии, которую любят отмечать критики, – слабая формализация процедур анализа, имеющих интуитивные и имплицитные основания. Романтический взгляд исследователя, посвятившего себя

изучению локального феномена, “открывает предмет интуитивно”, такой исследователь “с фантазией выдумывает свои вопросы и творчески устанавливает методы” [Абельс. 1998. С. 101], так что идея социологического воображения [Миллс. 1998] привлекается едва ли не для отказа произвести хотя бы мало-мальски строгую, формализованную модель. Характерная для качественников свободная манера изложения и презентация материала, по мнению критиков, дискредитирует претензии текста на научность.

Здесь постмодернистские ориентиры *трансгрессии и дискурсивности* оказываются уместными, поскольку настраивают на производство рефлексивных в методологическом отношении текстов. В отличие от априорного постулирования формализованности количественника, стремление качественника к “четкой рефлексии допущений и предубеждений” [Дудина. 1999. С. 64], к экспликации [Маслова. 1995] всех исследовательских техник и их дискурсивному обоснованию обозначает движение к формализации, пусть локальной и апостериорной. Согласно курсу на *рефлексивность*, обозначенную здесь в качестве точки идеологической общности постмодернистской социологии и качественной методологии, “любая теория должна быть представлена вместе с методом ее создания, а исследование – как исследование реальности и исследование самого исследования” [Дудина. 1999. С. 64]. *Релятивизм* как исходная идея апеллирует к возможности гибкого, контекстно ориентированного поведения исследователя в выборе методов, позволяет обратить “мягкость” в работе с эмпирическим материалом в достоинство [Буравой. 1997. С. 157].

В понимании постмодернистской социологии создание научного текста и его презентация – это процессы в значительной мере произвольные, но непременно тесно связанные с контекстом изучаемого феномена. Текст представляет собой “по своему стилю... живое описание с большим количеством цитат из устной или письменной речи исследуемых. По жанру – интерпретация, размышление, гипотезы или *теоретизирование* о данном феномене социальной

жизни” [Семенова. 1998. С. 11]. *Релятивизм* подразумевает гетерогенность социальной реальности, а потому *дискурсивную* разницу между изучаемым и изучающим должно непременно обнаружить в анализе. Теоретизирование питается цитатами (“использование цитат привело к расширению риторических возможностей теоретических рассуждений” [Клюшкина. 2000. С. 96]) и организовано как интерпретация, как переописание мира [Фурс. 2001].

Поскольку “сторонники конструктивистского и постмодернистского подходов фокусируются на коммуникативной значимости разных жанров исследовательского письма” [Савинская. 2007. С. 128], для качественной стратегии характерна разнородность стилистических элементов. Однако либеральность в отношении способа преподнесения материала (диалоги, фрагменты повествований, рабочие заметки и зарисовки) компенсируется рефлексивным упорядочением всех этапов исследования.

4. Резюме: общие ориентиры

Проведенный анализ позволяет систематически представить идеологические пересечения между постмодернистской социологией и качественной методологией по следующим категориям (параметрам): фокус исследования, позиция исследователя и способ работы с материалом.

В *фокусе внимания* обоих подходов находятся *локальные смыслы*, ускользающие от универсальных детерминистских объяснений. Локальный характер смыслы приобретают ввиду стремительной изменчивости социальной реальности [Савинская. 2007]. В динамике (пост)современной жизни, где любая идентичность временна [Бодрийяр. 2006], субъективные

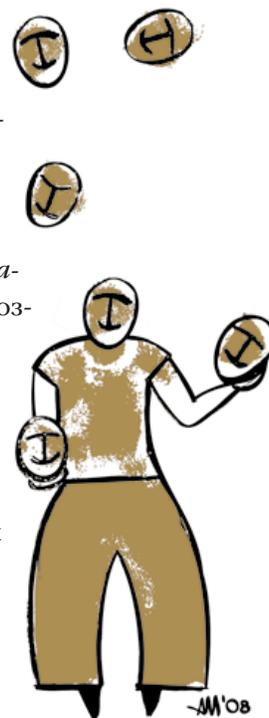
Субъективность проявляет себя в способности исследователя погрузиться в язык других (культур), понять и ретранслировать их смыслы в научный дискурс. Тем самым субъективность обеспечивает дискурсивную чувствительность, открывает доступ к “картинам мира” других, становится полезной при интерпретации, т. е. при переводе с одного языка на другой

смыслы носят едва ли не ситуативный характер [Дудина. 1999]. Отсюда и готовность изучать отдельный кейс, текущие социальные проблемы [Ядов. 1991] и немассовые процессы.

Общность *исследовательской позиции* заключается в *гиперрефлексивности* [Савинская. 2007], которая подразумевает, с одной стороны, осознание исследователем собственных предубеждений, ценностных и теоретических пристрастий, с другой стороны – требование упражнять беспристрастность взгляда. “В так называемую эпоху постмодерна с его скепсисом в отношении любых обобщений и иерархий, состоит в возможности научного мышления осознавать, делать явными те основополагающие допущения, на которых оно покоится, относятся ли последние к специфике теоретического взгляда как такового или к особой социальной позиции исследователя” [Дудина. 1999. С. 64].

Рефлексивность напрямую связана с пониманием (своей и встречной) субъективности, когда осмысление пережитого эмпирического опыта оформляется в научные понятия.

Способ работы с материалом (данными) обусловлен осознанием текстуальной природы социального мира (У. Эко). Стремление к пониманию ориентирует исследователя на обращение к локальным языкам и терминам [Маслова. 1995], выявление словарей [Фурс. 2001] изучаемого феномена. Работа с текстовым материалом сама

предполагает текстуальные формы деятельности, столкновение различных конечных словарей [Фурс. 2001], прения на грани распри (Лиотар), создание комментариев к повседневности [Бауман. 1998], производство дискурса о дискурсе. Итогом качественного исследования может выступать сформированная в процессе теоретизирования (и триангуляции!) система понятий. Качественникам постмодернисты могли бы адресовать максимум: рефлексуйте, продолжайте повествование, умножайте интерпретации... ■

Литература

- Абельс Х.* Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 98–124.
- Бауман З.* Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М.: Республика. Культурная революция, 2006.
- Буравой М.* Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1997. № 10–11. С. 154–176.
- Дудина В. И.* Социологический метод: от классической к постнеклассической точке зрения // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 3. С. 57–65.
- Ильин И. П.* Постмодернизм и прочее // ilin-ip.libragus.ru
- Клюшкина О.* Построение теории на основе качественных данных (из истории развития методологического направления) // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 92–101.
- Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
- Кун М.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 1998.
- Маслова О. М.* Количественная и качественная социология: методология и методы: (По материалам “Круглого стола”) // Социология: 4М. 1995. № 5–6. С. 5–16.
- Миллс Р.* Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко под ред. Г.С. Батыгина. М.: Стратегия, 1998.
- Рейнгольд С.* Отравить монаха, или Человеческие ценности по Умберто Эко (Ч. 2) <http://www.niworld.ru/Statei/umberto_ako/reingold/umberto_ako_4.htm>
- Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. И. В. Хестановой и Р. З. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
- Савинская О. Б.* Субъективность в качественном исследовании: новые подходы // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 122–131.
- Семенова В. В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
- Стросс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и посл. Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Фокин С.* Лиотар и “французы” // Новая русская книга. 2002. № 1 <<http://magazines.russ.ru/nrk/2002/1/fokin.html>>
- Фуко М.* О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины 20 века. СПб.: Мифрил, 1994.
- Фурс Н. Э.* Эпистемологические импликации постмодерного состояния – новые стратегические формулы образования // Образование в современной культуре. 2001. № 1. <<http://charko.narod.ru/tekst/alm1/furs.htm>>
- Ядов В. А.* Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология: 4М. 1991. № 1. С. 14–31.
- Lyotard J.-F.* Answering question: What is post-modernism // Innovation / Renovation: New perspectives on the humanities / Ed. by I. Hassan, S. Hassan. Madison: University of Wisconsin Press, 1983. P. 329-341.

Социальная реальность

Подписка – 2008

Каталог “Пресса России”,
раздел “Социология”, стр. 444, индекс 86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Подписка через агентство “Книга-сервис”.
Тел. секретариата: 680-9088.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Каталог “Подписка за рабочим столом”.
Агентство “Книга-сервис” и “Агентство
по распространению зарубежных изданий”
 (“АРЗИ”), стр. 50, индекс А86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 215 руб.

Каталог “Республика Казахстан.
Российская пресса”. Каталог ОАО “Казпочта”
и “АРЗИ”, стр. 26, индекс 86301.

Каталог “Библиотечный каталог”
агентство “Книга-сервис” и “АРЗИ”,
стр. 33, индекс К86301.
Стоимость одного номера, включая НДС, – 200 руб.

Авторы номера...

Евгений Варшавер
Руководитель
Лаборатории
экспериментальной
социологии при
Московской высшей
школе социальных и
экономических наук

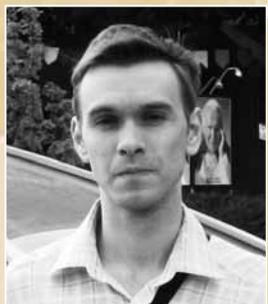
Борис Докторов
Доктор философских
наук. Профессор.
Независимый аналитик
и консультант

Марина Иванова
Старший специалист
аналитического отдела
Фонда “Общественное
мнение”

Григорий Кертман
Кандидат исторических
наук. Заведующий
аналитическим отделом
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института
социологии РАН

Александр Куракин
Старший специалист
аналитического отдела
Фонда “Общественное
Мнение”

Павел Лебедев
Старший специалист
отдела социологических
проектов Фонда
“Общественное мнение”,
магистр социологии
ГУ–ВШЭ, аспирант ИС РАН

Ирина Чудова
Ассистент
Новосибирского
государственного
университета.
Аспирант Института
социологии РАН

Ирина Шмерлина
Кандидат философских
наук. Ведущий специалист
аналитического отдела
Фонда “Общественное
мнение”. Старший
научный сотрудник
Института социологии
РАН